

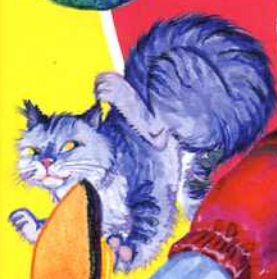

ПОЛНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для начальной школы

4 класс

ПОЛНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ

для начальной школы

4 класс

4-е издание,
исправленное и переработанное

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-93
ББК 84 я71
П 51

Оформление серии *Е. Брынчик*

Рисунок на переплете *Е. Эльманович*

П 51 **Полная** хрестоматия для начальной школы. 4 класс — 4-е изд., испр. и перераб. — М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Для школьников и учеников начальных классов).

ISBN 978-5-699-63811-6

Впервые для четвертого класса средней школы составлена хрестоматия, объединяющая основные программы по чтению, утвержденные Министерством образования и науки РФ.

В хрестоматии наиболее полно учтены интересы и возрастные потребности ученика начальной школы. В нее вошли сказки, произведения из золотого фонда современной детской литературы, русской и зарубежной классики. Наша хрестоматия поможет сформировать у ребенка интерес к чтению книг и расширить его кругозор.

Хрестоматия предназначена для самостоятельного чтения и для подготовки к урокам дома.

УДК 82-93
ББК 84 я71

ISBN 978-5-699-63811-6

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Древнерусская
литература и устное
народное творчество

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БОЙ НА КАЛИНОВОМ МОСТУ¹

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде золотопёрый ёрш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша золотопёрого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и, на их счастье, с первою ж тонею попался золотопёрый ёрш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на

¹ Это один из вариантов сказки «Бой на Калиновом мосту». В сборнике Афанасьева он называется «Иван Быкович».

месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златопёрого с рук на руки.

— На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

У царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван, кухаркин сын, у коровы — Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят:

— Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

— Ну, братцы, — говорит Иван-царевич, — давайте силу пробовать; кому быть большим братом.

— Ладно, — отвечал Иван Быкович, — бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина сына, да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею.

— Давайте, — говорит царевич, — еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат.

— Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала, Иван, кухаркин сын, бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась.

— Ну, Иван Быкович, будь ты больший брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

— Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? — сказал Иван-царевич, упёрся в него руками, возился, возился — нет, не берёт сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

— Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую.

Подошел к камню да как двинет его ногою — камень ажно загудел, покотился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырских, по стенам висит сбруя ратная: есть на чём добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

— Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царём простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зелёным лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо — поворачивается.

— Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли есть.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит Баба-яга, костяная нога из угла в угол, нос в потолок.

— Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

— Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

— Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

— Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет.

— Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Уви-

дали они избушку, вошли в нее — пустёхонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович: — Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану, кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали — выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт оцетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, пёсья шерсть, оцетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

— Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чудуюду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

— Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

— Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

— Ну что, не видал ли чего?

— Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт оцетинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

— Погоди — не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Ещё неведомо — чья возьмет!

Как махнёт богатырь своим острым мечом раз-два, так и снёс у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассёк на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

— Что, брат, не видал ли за ночь чего?

— Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повёл братьев под калиновый мост, показал им на мёртвые головы и стал стыдить:

— Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

— Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — все ничего, а если через край польёт — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня се-

ребряная, хвост и грива — золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; чёрный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошестинился. Чудо-юдо коня по бёдрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился, я только дуну — его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович.

— Погоди — не хвались, прежде богу помолись!

— А, ты здесь! Зачем пришёл?

— На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

— Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

— Я пришёл с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, чиркнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

— Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трёх раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица

все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся он ещё сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, чиркнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по брёвнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льётся, а богатырский конь громко ржёт да с цепей рвётся. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

— А! — говорит чудо-юдо, — ты обманом живёшь; у тебя помочь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсёк чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину.

Прибегают братья.

— Эх вы, сони! — говорит Иван Быкович. — Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранёшенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, насыпала зернышек и стала сказывать:

— Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышек покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьёв моих извёл.

— Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим, — говорят чудо-юдовы жены.

— Вот я, — говорит меньшая, — напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвёт — тот сейчас лопнет.

— А я, — говорит середняя, — напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмётся — того я утоплю.

— А я, — говорит старшая, — сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет — тот огнём сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь — стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест — только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем, и с золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит

с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу:

— Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берётся за деньги, а берёт его за руку и вмиг с ним счезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому старику.

— На тебе, — говорит, — нашего погубителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

— Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы чёрные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

— Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

— Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на все готов.

— Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу — золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

— Вот тебе, Ванюша, дубинка, — говорит старик, — ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бесчисленное число раз и приказывает:

— Все, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

— Все за мной! — и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят. Подъезжает к нему старичок в лодке:

— Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

— Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает в лодке другой старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

— А ты что умеешь?

— Умею, батюшка, вино-пиво пить.

— Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

— Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.
— Говори: что умеешь?
— Я, батюшка, умею в бане париться.
— Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвёртый старичок:

— Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

— Да ты кто такой?

— Я, батюшка, звездочёт.

— Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвёртого, просится пятый старичок.

— Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

— Я, батюшка, умею ершом плавать.

— Ну милости просим!

Вот поехали они за царицей — золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчётное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива, удивляется и спрашивает:

— Что б это значило?

— Это все для тебя наготовлено.

— Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

— Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть понимает?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

— Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

— А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваемы, а целыми возами. Все приел и ну кричать:

— Мало хлеба, давайте еще!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, все выпил и бочки проглотил.

— Мало, — кричит. — Подавайте еще!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина недостало.

А царица — золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять вёрст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидел, что от бани огнём пышет, и говорит:

— Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

— Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

— Я, батюшка! Мое дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит.

— Ох, батюшки, замёрз, топите еще три года! — кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замёрзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу — золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжко — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

— Ну, — говорит Иван Быкович, — совсем пропала! — Потом вспомнил: — Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочёт?

— Я, батюшка! Мое дело ребячье, — отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездою, полетел на небо и стал считать звёзды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звёздочка со своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею — золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» — думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

— Ты, что ль, горазд ершом плавать?

— Я, батюшка, мое дело ребячье! — Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею — золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею — золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы чёрные. Глянул на царицу и говорит:

— Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

— Нет, погоди, — отвечает Иван Быкович, — не подумавши сказал!

— А что?

— Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жёрдочка; кто по жёрдочке пройдёт, тот за себя и царицу возьмёт!

— Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед.

Иван Быкович пошел по жёрдочке, а царица — золотые кудри про себя говорит:

— Легче пуху лебединоного пройди!

Иван Быкович прошёл — и жёрдочка не погнулась; а старый старик пошёл — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу — золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

— Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мёд-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

ПЁТР И ПЕТРУША

Жил на свете такой царь, Петром звали, а по прозвищу Великий.

В одно время поехал он на охоту зверьё ловить. А Пётр, надо сказать, в царскую одежду не любил рядиться, всё больше простую носил.

Вот едет он лесом всё далее и далее и заплутался. Пристигла его в лесу тёмная ночь.

А тут — ещё беда! — напал на него медведь и растерзал его охотную собаку.

Опечалился царь Пётр.

«Эх, — думает, — остался я теперь ни при чём!»

Ну и закружил Пётр в тёмном лесу.

Всю ночь кружил, а лесу конца-краю нет.

Выехал Пётр на маленькую полянку и вдруг видит: сидит на пеньке солдат.

«Ага, — думает Пётр, — солдат-то мой!»

Пётр одним только глазом глянул на его шинельку и уже знает, какого он полка.

А солдат этот в бегах был, в лесу прятался.

— Здравствуй, служивый, — говорит ему Пётр.

— Здравствуй, не знаю, кто ты таков, — отвечает солдат.

— А я из царской свиты. Поехал с царём на охоту да и отстал, с дороги сбился. А ты откуда? Куда путь держишь?

— Тебе-то что за надобность, откуда я да куда? — говорит солдат.

— Да я по простоте спрашиваю, — говорит Пётр. — Может, дорогу мне покажешь.

— А я сам с дороги сбился, — говорит солдат. — Домой на побывку ходил да и заплутался в этом лесу.

— Ну, пойдём, будем вместе дорогу искать, — говорит Пётр. — Авось выберемся.

И отправились. Пётр — на коне, а солдат — пеший.

— Тебя как звать-то? — спрашивает царь.

— Меня — Петром, — отвечает солдат. — А тебя?

— А меня Петрушей, — говорит царь.

— А по батюшке как? — спрашивает солдат.

— А по батюшке Алексеич, — отвечает царь.

— И меня Алексеич, — говорит солдат. — Значит, мы с тобой полные тезки.

— А ты откуда родом? — спрашивает царь.

— Оттуда-то.

— Ну и я тоже. Значит, мало что тѣзки, а ещё и земляки. А что, земляк, — говорит ему царь Пётр, — как тебе в полку служится?

— Служба-то ничего, — говорит солдат, — да полковник больно зол: чуть что не по нём — сейчас драться. Пуговицу вот потерял, так он меня за эту пуговицу мѹкой замучил. Каждый день бил. Хоть плачь. Хоть беги.

— А ты, верно, и сбежал? — говорит царь.

Солдат и признался тут, что он бежавший.

— Да ты не робей, царь, может, и простит, — говорит Пётр.

А потом спрашивает:

— А кто у вас полковник, кто ротный?

Солдат ему всё толком и доложил: кто ротный, кто полковник.

— А как, служивый, у вас в полку пища? — спрашивает Пётр. — Говядины по сколько варят? По уставу в котёл кладут?

— Про устав одна слава идёт, — говорит солдат, — а говядина мимо плывёт.

Пётр только головой покачал.

— А кашу крутую варят? — опять спрашивает.

— Какое там крутую? — говорит солдат. — Крупинка от крупинки за версту, на ложку и не поймать.

— Да, плохая ваша жизнь, — говорит Пётр. — Я и сам сбежал бы от такой жизни!

Долго ли, мало ли плутали они по лесу и увидели преогромную сосну.

— Ну-ка, тѣзка, — говорит Пётр солдату, — поддержи моего коня, а я заберусь повыше, посмотрю, не видать ли где огонька.

Забрался Пётр на самую вершину, поглядел туда, сюда: всюду тьма непроглядная, только в одной стороне, далеко-далеко, огонёк светится, может, в деревне где или в избушке лесничего.

Слез Пётр на землю, вскочил на коня и говорит:

— Садись, служивый, и ты, мой конь сильный, двоих увезёт.

А солдат не соглашается.

— Нет, — говорит, — я уж лучше пешком.

Так и двинулись в путь, конный да пеший, два товарища.

Долго ли, коротко ли — выехали к огоньку.

Видят: стоит дом. Все окошки тёмные, а одно — наверху — светится.

Дом высоким забором обнесён, нигде ни входа, ни выхода.

Постучались они. Стоят, ждут. Никто на стук не отвечает.

Солдат и руками и ногами в ворота колотит, а всё равно никто на стук не выходит, никто не открывает. Только огонёк в верхнем окошке погас.

«Ох, недоброе это место», — думает солдат.

А потом говорит царю:

— Послушай, тёзка, подсади-ка ты меня. Я через тын¹ перелезу.

Так и сделали. Перелез солдат через забор и открыл ворота.

— Пожалуйста, — говорит Петру, — хлеба-соли откусать, в тепле согреться.

А сам взбежал на крыльцо и давай в дубовую дверь стучать.

¹ Тын — забор, частокол.

— Эй, кто тут есть? — кричит.

Слышат — зашевелился кто-то в доме.

Вышла к ним старуха с фонарём в руках.

— Ты что же, старая, добрым людям не открываешь? — кричит на неё солдат.

— Ах вы, мои родимые! — говорит старуха. — Напугали вы меня. Одна я в целом доме. Хозяина нет, на охоту уехал. А место здесь дикое, сами видите, всякий тёмный люд бродит, вот и запираюсь.

— Ладно, ладно, ты зубы не заговаривай, — говорит солдат. — Куда лошадь ставить?

— Да ставьте, родимые, под навес, тут и ясли¹, и сено есть.

Солдат привязал лошадь, дал ей корму и в избу без спросу идёт. Пётр за ним.

— Ну, старая, — командует солдат, — подавай, что у тебя есть, мне и моему другу Алексеичу.

Старуха видит, что он шибко на неё наступает, спорить не стала, собрала из горшков да котлов остатки — и на стол. У солдата только аппетит разжёлся.

— Не больно-то для гостей ты расщедрилась!

А старуха жалостно так говорит:

— Милые вы мои, нет у меня ничего. Что наготовила — хозяин с собой увёз, а я на пустых щах весь день сижу.

— Врёшь ты, старая, — говорит солдат, — да я не верю. Может, друга моего, Алексеича, и проведёшь, а я не зря в солдатах служил, меня не обманешь. Вот сейчас я сам посмотрю, что у тебя есть.

¹ Ясли — кормушка для скота.

Открыл он печку и достал оттуда на сковородке жареного гуся.

— Ах ты, старая карга! — закричал солдат. И с кулаками на старуху.

— Оставь ты её! — говорит Пётр. — Чего со старухой связываться!

— Эх, Алексеич, — говорит солдат, — пропадёшь ты со своим смиренством.

Потом подошёл к поставцу, открыл и давай снимать с полок вино, и пироги, и хлеб белый.

Сели они за стол, стали угощаться. Наелись, напились, что было у старухи жарено-варено, — всё съели.

— Ну, старая, готовь ночлег, — говорит солдат. — Не видишь, мой друг Алексеич спать хочет.

— А идите, дорогие гости, на чердак, на сеновал, — говорит им старуха. — Там вам и тепло будет, и мягко.

— Это что же, для гостей и угла в доме нет? — говорит солдат. — А в другой горнице у тебя что? — И сам на дверь показывает.

— Разный хлам у меня там свален, родимый, хлам разный, — говорит старуха, а сама плотнее дверь в соседнюю горницу прикрыла.

Солдат думает: «Что-то хитрит старая ведьма. Дай-ка я погляжу, что там за дверью».

И заглянул незаметно в щёлку. Да так и похолодел!

По стенам горницы сабли да ружья развешаны, а в углу человеческих черепов и костей — целая гора.

Тут понял солдат, что попали они прямо к разбойникам, в самое их гнездо.

Отошёл он тихонько от двери, ничем себя не выдал.

— Что ж, — говорит, — пойдём на сеновал, там ещё лучше спать.

Старуха рада, что гости хоть с глаз подальше уберутся, сена им подбросила и фонариком осветила, пока они наверх лезли.

Расстелил солдат на чердаке сено и говорит Петру:

— Ложись, Алексеич, отдыхай.

— А сам-то что не ложишься? — спрашивает Пётр.

— А дозор нести кто будет? — отвечает солдат. — Это дело солдатское. Да ты спи, спи. А я у окошечка посижу, полюбуюсь, как солнышко поднимается.

Пётр спит, а солдат у окошка сидит, в оба смотрит. «Как бы, — думает, — смерть свою не проглядеть».

Вдруг — бряк, стук, колокольцы звенят, копыта стучат, — с гиком, свистом едут на двор разбойники.

Посчитал их солдат — всех разбойников пятеро: четверо молодых, а пятый старик, над всеми, верно, голова.

Старуха на крылечко выбежала, руками на них машет:

— Тише, тише вы, ко мне в силки¹ два птенца попались. Один, видать, птица важная, одежда на нём с золотыми галунами, рог — серебряный. А другой хоть и простоват, да такой отчаянный! Одно слово — солдат.

— Ну, сынки, — говорит старшой своим сыновьям-разбойникам, — смотрите-ка, добыча сама в руки идёт!

¹ Силок — петля для ловли птиц и мелких животных.

Те смеются:

— А как же, на ловца и зверь бежит!

Распрягли они лошадей, задали им корму и пошли в дом. Мешки с золотом на скамейки побросали и говорят:

— Давай, хозяйка, есть-пить.

Старуха собрала разные остатки и выставила на стол.

— Что же ты, старая, ни гуся, ни пирогов не даёшь? — спрашивает старшой.

— Да ничего не осталось, — отвечает старуха. — Всё, что было, постояльцы съели-выпили.

— Ладно, — говорят разбойники, — получим с них расчёт за хлеб-соль. Где же они, твои гости?

— На чердаке, на сеновале. — говорит старуха. — Храпят во всё горло.

— Снять их, что ли? — один разбойничек говорит.

— Поди, не торопись, — приказывает атаман. — Пущай спят до времени.

А солдат слышит всё и давай погромче храпеть.

«Не стану, — думает, — Алексеича будить. Один справлюсь с разбойниками».

Приготовил тесак¹ и ждёт, что будет.

Тем временем старуха затопила печь, стала обед варить.

Наелись разбойники, напились, и говорит старик старшóму сыну:

— Ну, Саватейка, ты у меня первый, значит, тебе и начинать. Иди сними петушков с жёрдочек.

¹ Тесак — рубящее и колющее оружие с широким и коротким клинком на крестообразной рукояти.

Взял Саватейка нож и полез наверх. А солдат не дремлет. Только разбойник просунул голову на чердак, солдат как махнёт тесаком — Саватейка и свалился замертво с лестницы.

Отец с братьями удивляются: что это Саватейки долго нет?

— Иди-ка погляди, что он там возится, — говорит старик второму сыну.

Пошёл тот в сени, видит: Саватейка под лестницей лежит.

«Видно, выпил лишнего», — думает разбойник.

И сам полез по лестнице на чердак.

Солдат и его так же встретил.

За вторым братом третий пошёл, за третьим — четвёртый. И со всеми у солдата один разговор: махнёт тесаком, разбойник и повалится.

Ждал-ждал старый разбойник сыновей и пошёл сам.

Подходит к лестнице и видит: сыновья все вповалку лежат.

Заругался старик:

— Бездельники, дармоеды, не могли отцова дела выполнить.

И полез по лестнице.

Только просунул старик голову на чердак, солдат своим тесаком — раз!

— Иди, вожак, к своей стае!

И снял ему голову долой.

Тут принялся он будить Петра:

— Вставай, тёзка. Довольно спать! Эка ты сонюля, как я погляжу!

Пётр проснулся, протёр глаза и спрашивает:

— Что, неужто рассвет уже?

— Рассвет не рассвет, — говорит солдат, — а надо нам отсюда убираться. Занесло нас с тобой в разбойничье гнездо. Они-то, разбойники, думали, что напали на лёгкую добычу, да и сами в силки угодили. Вот, гляди, все лежат.

Пётр глянул — и верно, лежат в сенях пять мёртвых тел, пять разбойников.

— Что же ты меня не разбудил? — спрашивает Пётр.

— Уж больно ты сладко спал, — говорит солдат, — пожалел я тебя будить. Для усталого человека сон — первое дело.

Стали они спускаться по лестнице.

Старуха думает, что это разбойники, и выбежала с фонарём в сени посмотреть, какую добычу они несут.

Тут солдат на неё и налетел:

— Вот, старая карга, чем ты занимаешься! А ну, признавайся, кого ещё у себя прячешь?

А сам тесаком над её головой помахивает.

Пётр смеётся, а старуха плачет:

— Ой, служивенький, никого я больше не прячу! Ой, служивенький, не губи!

Солдат и слушать её не хочет — расходился так, что и не унять.

— Открывай, — кричит, — все потайные погреба, сейчас всех вас на чистую воду выведем, всю сорную траву повыдергаем!

Открыла старуха ему все погреба и подвалы, все потайные кладовые — а там золото горами лежит.

— Ну-ка, тёзка, — говорит царь солдату, — насыпай себе казны¹ сколько хочешь.

¹ Казна́ — имущество, деньги.

Солдат золотыми монетами оба кармана себе набил, и за голенища по горсти сунул, и за пазуху, — всего себя кругом деньгами обсыпал.

— Бери и ты, Петруша! — говорит.

— Мне, служивый, не надо! — отвечает Пётр. — А ты это золото и впрямь заслужил.

Для забавы только взял одну монетку царь Пётр, и всё.

Вот вылезли они из подвала. Солдат опять на старуху наступает:

— Показывай, старая карга, дорогу!

Ну, она и вывела их из лесу.

Выбрались они на большак¹. Тут Пётр говорит:

— Вот что, тёзка, теперь давай попрощаемся. Я вперёд один поеду. А ты, как придёшь в столицу, уж сделай милость, приходи в гости.

— Где ж мне тебя найти? — говорит солдат. — Да и поймают меня там!

— Не сомневайся, никто не тронет, — говорит Пётр. — Иди прямо во дворец и спроси Петрушу. Меня там всякий знает. — И проскакал на коне вперёд.

Подъехал Пётр к своей столице и на каждой заставе² приказывает караульным, чтобы таковому солдату прохожему все честь отдавали и в город пропускали.

А беглый солдат идёт-бредёт, не торопится. Подходит он к первой заставе. Что за диво! Ка-

¹ Большак — большая (основная) дорога, в отличие от просёлочной.

² Застава — в старой России место въезда в город, пункт контроля привозимых товаров, грузов и приезжающих.

раульные на караул берут и честь ему воздают, ну словно самому царю.

Пожертвовал он им горсть золота, а сам думает: «Ай, Петруша, вон что сделал! Ведь недаром честь-то мне воздают! Знают, что при мне деньги имеются!»

Дошёл до другой заставы — и там то же. Караульные, как увидели его, сразу навтыяжку.

— Что вы, братцы, — говорит солдат, — выпили, видно, лишнего? Рядового за офицера принимаете! Ну, коли так, уважение за уважение!

Сунул он руку в карман, достал горсть золота и раздаёт караульным.

— Выпейте за моё здоровье!

Наконец пришёл в столицу.

«А что, — думает, — пойду я во дворец, повидаюсь с Алексеичем».

Подошёл к дворцу и спрашивает у привратника:¹

— Как бы мне Алексеича повидать, Петрушу, он у вас в царской свите состоит, охотником.

— Извольте, — тот говорит, — я вас провожу.

И прямо в царёвы покои его ведёт.

«Ну, — думает солдат, — попал я!»

Тем временем Пётр царскую одежду скинул, охотничью надел и вышел к солдату:

— Здравствуй, тёзка!

А у того и язык не поворачивается. Тихонько так промолвил:

— Здравствуй, Петруша!

А потом и говорит:

— Что же ты, Петруша, со мной сделал? Царю выдал! Теперь пропала моя головушка!

¹ Привратник — сторож у входа, у ворот.

— Ты не сомневайся, — говорит ему Пётр. — Мне царь обещал! Да он сам тебе скажет.

И тут же за перегородку пошёл, царскую одежду надел и опять вышел к солдату.

— Здравствуй, служивый!

Солдат честь отдал, навытяжку стал, сам ни жив ни мёртв со страху.

— Здравия желаю! — отвечает.

Он хоть не робкого десятка был, а тут оробел. В глаза царю смотрит, как по уставу положено, а видеть — ничего не видит.

Стал царь его допрашивать:

— Ты чей, откуда?

Ну, делать нечего, надо сознаваться.

— Бежавший я, — говорит солдат.

— Слыхал, — говорит царь. А потом спрашивает: — Петрушу моего знаешь?

— Знаю малость, — отвечает солдат. — Вместе в лесу бедовали.

— Это, значит, ты его от смерти спас?

Молчит солдатик.

«Я-то спас, — думает, — а он вот меня погубил».

— А скажи-ка, солдат, — опять спрашивает царь, — правду ли говорят, что Петруша этот со мной лицом схож?

Солдат глядит и сам себе не верит, ну, одно лицо! Стоит пред ним вчерашний его друг Алексеич.

— Малость смахивает, — отвечает солдат.

Тут царь вынул из кармана золотую монетку, что у разбойников взял, повертел её, с руки на руку перекинул и будто подмигнул солдату.

— Так вот, — говорит, — мне-то хорошо известно, что ты Петрушу от смерти спас. Зато

и он тебя нынче спас. По уставу-то знаешь, что полагается за то, что убёг? Ну, да что там говорить! Иди в свой полк и служи, как служил, верой и правдой. Заступишь на место полковника, а полковник пускай на твоём месте послужит, разучится небось воровать.

Подал ему царь своеручное письмо, и зашагал солдат к себе в полк. А друга своего Алексеича не встречал больше никогда. Уж кого только он не спрашивал — никто про такого знать не знал.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВКИ¹

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один жёлудь в подполье. Пустил жёлудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево все растёт да растёт и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенёк, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот

¹ Жерновки — ручная мельница.

старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка, и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» — «Постой, — молвила старуха, — я попробую жерновцы». Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет — все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли, — спрашивает, — чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?» Взяла жерновцы и намолочила: нападали блинчики да пирожки. Приезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы». — «Нет, — говорит старушка, — продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как увéдали старик со старушкою, что украдены жерновцы, стали горе горевать. «Постой, — говорит кочеток золотой гребенёк, — я полечу, догоню!» Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услышал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый! Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!» — и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, но-

сик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!» — и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побежали из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток золотой гребенёк схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал. Слышал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребяташки, выбрался из избранников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут большой стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит царевич Фёдор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батьюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Идёт Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неёзженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру — красна солнышка до заката. И доезжает до росстаней, до трёх дорог. Лежит на росстанях плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять.

Налево поедешь — коня спасать, себя потерять.

Прямо поедешь — женату быть».

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду, где женату быть».

И повернул на ту дорожку, где женату быть. Ехал, ехал и доезжает до терема под золотой крышей. Тут выбегает прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать¹.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги не скоротать. Мне надо вперёд двигаться.

¹ Почивать — то же, что спать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем повела. Накормила его, напоила и спать на кровать положила.

Только лёг Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глубокую...

Долго ли, коротко ли, царь опять собирает пир, зовёт князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников привезти мне молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответа нет.

Выходит второй сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать. Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает коня неезженного, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлёстанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою.

Поехал Василий-царевич. Видели, что сажился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до росстаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять.

Налево поедешь — коня спасать, себя потерять.

Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женату быть. Доехал до терема с зо-

лотой крышей. Выбегает к нему прекрасная девица и просит его откусать хлеба-соли и лечь почивать:

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, она опять повернула кровать, он и полетел в подполье.

А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Фёдор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли, третий раз царь собирает пир, зовёт князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за среднего, а средний за меньшего, а от меньшего ответа нет. Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице с буйной головы до резвых ног ехать в тридцатое царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать ещё моих братцев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит, тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму. Идёт, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка.

— Здравствуй, дитяtko Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печален?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит закованный в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнётся. Сорвал конь железную цепь, выскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздой нежданной, оседлал седельцем неезженным, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красоты, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до расстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти. Эта дорога — самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять.

Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечера — красна солнышка до заката — и наезжает на избушку.

Стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашёл он в неё, а там сидит Баба-яга старых лет. Шёлковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу, — говорит, — русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл!

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, Баба-яга, костяная нога, не поймавши птицу — беребишь, не узнавши молодца — хулишь!¹ Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постель собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот Баба-яга это дело всё справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постель уложила. Села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять озёр, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум.

¹ Хулить — осуждать, бранить.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей средней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёшенько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу-ягу за ночлег и едет на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести вёрст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далёко ли. День до ночи коротается. И завидел он впереди избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся.

Кони-то были одностадные.

Услышала это Баба-яга — ещё старше той — и говорит:

— Фу, фу, русского духу слыхом мне не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл!

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, Баба-яга, костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба-яга это дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на по-

стель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцев проезживало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитяtko, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня знает, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встаёт ранёшенько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу-ягу за ночлег и едет на её коне. А этот конь ещё бойчей того.

Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже триста вёрст проскакал.

Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до заката. Наезжает на избушку на курьей ножке, об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь откликнулся. Выходит на крыльцо Баба-яга, старых лет, ещё старее той. Поглядела — конь её сестры, а седок чужестранный молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не возят — ночлег нужен каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба-яга всё дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к средней, а средняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могучим плечам, направь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стража — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моём добром коне. Доедешь до стены — и бей коня по бокам плетью нехлёстанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи и иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не заходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ноч-

ное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озёра хвостом замечает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, едет и доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стража спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлёстанной. Конь осерчал¹ и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, а под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рылец. И захотелось ему самому увидеть сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят по одну сторону шесть полениц — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал её и вышел...

Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

— Ах ты, конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об неё одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

¹ Осерчать — рассердиться.

Девушка Синеглазка проснулась и увидела пропажу:

— Вставайте, у нас покража большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девушка Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей Бабы-яги, а у неё уж конь выведенный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперёд поскакал. Иван-то царевич за дверь, а девушка Синеглазка — в дверь и спрашивает у Бабы-яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитяtko.

— Бабушка, здесь молодец не проезживал ли?

— Нет, дитяtko. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитяtko, живо справлю...

Пошла Баба-яга доить корову — доит, не торопится. Поела девушка Синеглазка молочка и опять погнала за Иваном-царевичем.

Доезжает Иван-царевич до средней Бабы-яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девушка Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитяtko. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитяtko, живо справлю...

Напекла Баба-яга блинков — печёт, не торопится. Девушка Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей Бабы-яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнался. Он — за дверь, девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у Бабы-яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитяtko, а ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитяtko, живо справлю...

Истопила Баба-яга баньку, всё изготовила. Девица Синеглазка попарилась, окатилась и опять погнала. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом заметает. Стала она Иван-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскокивает и кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что ж, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскокивали на три прыска лошадиных, брали палицы¹ боевые, копыя долгомёрные, сабельки острые. И съезжались три раза: палицы поломали, копыя-сабли исцербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапку.

¹ Палица — старинное оружие — тяжёлая дубинка с утолщённым концом.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до заката. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сыру землю. Девуца Синеглазка стала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный¹ — пороть ему белу грудь, Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи меня, девушка Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними с сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девушка Синеглазка подняла Ивана-царевича с сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелёных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они обручились и перстнями обменялись. Девуца Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди в своём царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли — не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, — доезжает Иван-царевич до росстаней, до трёх дорог, где плита-камень, и думает:

«Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушал он девушки Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьёвы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

¹ Булатный — сделанный из твёрдой стали.

Иван-царевич взошёл на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица:

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич столкнул её на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землёй уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до расстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покарауйте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг он на шёлковую траву и богатырским сном заснул. Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а эти вещи возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самое взморье, опамятовался и видит: только небо и вода и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьёт их непогода.

Иван-царевич снял с себя кафтан и птенцов накрыл, а сам укрылся под дубом.

Унялась погода, летит большая птица Нагай. Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погода-ненастье?

— Не кричи, мать, нас сберёг русский человек, своим кафтаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня чего хочешь: злата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни злата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана поклат, поставил один чан Нагай-птице на правое плечо, а другой — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но слаще последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три кусочка вырыгнула:

— Приставь их на место.

Иван-царевич приставил — мясо приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу.

Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровьем крепок и глазами зорек.

Не пошёл Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой гóли¹ и давай гулять по кабака́м².

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка роди-

¹ Голь — оборванцы, нищие, беднота.

² Каба́к — питейное заведение.

ла двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами¹ цветными. И посылает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — всё царство потопчу, пожгу, тебя в полон² возьму.

Царь испугался и посылает старшего — Фёдора-царевича. Идёт Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс.

А Синеглазка опять посылает к царю.

— Отдай царевича!

Пуще испугался царь и посылает среднего — Василия-царевича. Он подходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

¹ Сукно́ — плотная ткань.

² Полон — плен.

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унёс. А Синеглазка в третий раз посылает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сына, Ивана-царевича! Не найдёте — всё царство потопчу, пожгу!

Царь ещё пуще испугался, посылает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всём повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке, и с ним идёт голь кабацкая. Они под ногами сукна рвут и в стороны мечут.

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам какой-то пьяница идёт с голью кабацкой!

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатёр. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нём сменила и спать уложила. А голи кабацкой по стаканчику поднесла, и они домой отправились.

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком да за свадебку. Фёдо-

ру-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

ХИТРАЯ НАУКА

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмёт кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повёл сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда:

— Что, старичок, пригорюнился?

— Как мне не пригорюниться! — сказал дед. — Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

— Ну так отдай его мне, — говорит встречный, — я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь — придёшь вовремя да узнаешь своего сына, — возьмёшь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живёт и чему учить станет

малого? Отдал ему сына и пошёл домой. Пришёл домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошёл в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходиться; и рассказал, куда за ним приходиться и как его узнавать.

— У хозяина моего не я один в науке; есть, — говорит, — еще одиннадцать работников, навсегда при нём остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нём двенадцатым. Завтра, как придёшь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молод-

цев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня.

Рассказал все это, распротился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну.

— Ну, старик, — говорит колдун, — выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит:

— Узнавай, старик, своего сына!

Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка! — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все, как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

— Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

— Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правую ногою, сейчас показал на него:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос

в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошёл мимо молодцев — ничего не приметил, в другой прошёл — тоже ничего, а как проходил в третий раз — увидел у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

— Кажись, это мой!

— Узнал, узнал, дедушка!

Вот делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

— Батюшка, — говорит сын, — я сейчас сделаю собакою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да в ту же минуту ударился оземь и оборотился собакою.

Барин увидел, что старик ведет собаку, начал ее торговать: не так ему собака показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собаку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник — куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается.

— Я ошейника не продавал, — говорит дед, — я продал одну собаку. А барин:

— Нет, врешь! Кто купил собаку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал её с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошёл домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись — бежит навстречу заяц.

— Что, — думает барин, — али выпустить собачку за зайцем да посмотреть её прыти?

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес.

Ждал, ждал её барин, не дождался и поехал ни при чём.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его.

— Эх, батюшка! — говорит. — Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

— Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь.

Ударился оземь, сделался птичкою, старик посадил её в клетку и понёс продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася!

Пришёл и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот даёт дорого, другой даёт дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдаёт; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берёт!

Взял одну птичку, завернул в платок и понёс домой.

— Ну, дочка, — говорит дома, — я купил нашего шельмеца!

— Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет — улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

— Батюшка! Я обернусь нынче лошадыю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадыю; повел её дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, всё барышники: тот даёт дорого, другой даёт дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

— Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун. — Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продав лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привёл коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

— Ну, дочка, — сказывает опять колдун, — вот когда купил, так купил нашего шельмеца.

— Где же он?

— На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь

тем временем вырвался и пошёл вёрсты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

— Батюшка, — говорит, — прости! Грех меня попутал, конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит!

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою.

Ёрш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

— Отдай, — пристает к ней, — мое золотое кольцо.

— Бери! — говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зёрнами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал — одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!

Тем сказке конец, а мне водочки корец.

БЫЛИНЫ

САДКО

Во славном во Нове-граде
Как был Садкѣ-купец богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садке.
Садка день не зовут на почестей пир,
Другой не зовут на почестей пир
И третий не зовут на почестей пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,
Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестей пир,
Другой не зовут на почестей пир
И третий не зовут на почестей пир.
По том Садке соскучился.
Как пошёл Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садке перепался,

Пошёл прочь от озера во свой во Новгород.
Садка день не зовут на почестей пир,
Другой не зовут на почестей пир
И третий не зовут на почестей пир.
По том Садке соскучился.
Как пошел Садке к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гуселки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильменя со озера,
Сам говорил таковы слова:
«Ай же ты, Садке Новгородскийй!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехи за великия,
За твою-то игру нежную.
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложи свою буйну голову,
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди — свяжи шелковой невод,
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золоты перья.
Тогда ты, Садке, счастлив будешь».
Пошёл Садке от Ильменя от озера.
Как приходил Садке во свой во Новгород,
Позвали Садке на почестей пир.
Как тут Садке Новгородскийй
Стал играть в гуселки яровчаты;
Как тут стали Садке поपाивать,

Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садке стал похвастьвать:
«Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба — золоты перья
в Ильмень-озере».

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы —
золоты перья».

«Ай же вы, купцы новгородские!
О чём же бьете со мной о велик заклад?

Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного».
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара красного.
Как тут-то связали невод шелковый
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку — золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку — золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку — золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.
Стал Садке поторговывать,
Стал получать барыши великие,
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садке все по-небесному:
На небе солнце, и в палатах солнце,
На небе месяц, и в палатах месяц,

На небе звёзды, и в палатах звёзды.
Потом Садке-купец богатый гость
Зазвал к себе на почестей пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.
Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись:
Иный хвастает бессчётной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым
молодечеством.

Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.
Говорят настоятели новгородские:
«Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садке ничем не похвастает,
Что у нас Садке ничем не похваляется?»
Говорит Садке-купец богатый гость:
«А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платье не носится,
Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать не похвастать бессчётной
золотой казной:

На свою бессчётну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!»
Не успел он слова вымолвить,

Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчётной золотой казны,
О денежках тридцати тысячах:
Как повыкупить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле
не было.

Ставал Садке на дру́гой день раным-рано́,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распуцал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд,
Как повыкупил товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчётну золоту казну.

На другой день ставал Садке раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распуцал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые
На свою бессчётну золоту казну.

На третий день ставал Садке раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счёта давал золотой казны
И распуцал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шёл в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,

«Ай же ты, дружинushка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требует дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во сине море».

Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра.
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные;
А корабли нейдут с места на синем море.
Тут его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломает кораблики черлёные;

А корабли все нейдут с места на синем
море.

Говорит Садке-купец богатый гость:
«Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребей ко дну пойдёт,
Таковому идти в сине море».
Делали жеребья вольжаны,
А сам Садке делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:

Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжанный».

Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садке делал жеребей вольжанный,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрыя
Жеребья гоголем по воды пловут,
А у Садка-купца ключом на дно.
Говорит Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги (гербовый)».

Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги (гербовый).
Он стал именице отписывать:
Кое именье отписывал Божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жены,
Остатнее именье — дружине хоробрыя.
Говорил Садке-купец богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гуселки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гуселки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море
Взимает он гуселки яровчаты,

Сам говорит таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не толь мне страшно принять смерть
на синем море».

Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как чёрные вороны.
Остался Садке на синем море.
Со тоя со страсти со великия
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садке во синем море,
Во синем море на самом дне.
Сквозь воду увидел пекучись красное
солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.

Увидел Садке: во синем море
Стоит палата белокаменная,
Заходил Садке в палату белокаменну.
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя, как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
«Ай же ты, Садке-купец богатый гость!
Век ты, Садке, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гуселки яровчаты:
Поиграй же мне в гуселки яровчаты».
Как начал играть Садке в гуселки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем
море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садке сутки, играл и другие,
Да играл ощё Садке и третьии,

А всё пляшет царь во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со жёлтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем
море,

Стало много гинуть именищев,
Стало много тонуть людей праведных:
Как стал народ молиться Миколы
Можайскому.

Как тронуло Садка в плечо во правое:
«Ай же ты, Садке Новгородскийй!
Полно играть в гусельшки яровчаты!»
Обернулся — глядит Садке Новгородскийй:
Ажно стоит старик седатыйй.
Говорил Садке Новгородскийй:
«У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гуселки яровчаты».
Говорит старик таковы слова:
«А ты струночки повырываай,
А ты шпенечки повыломаай.
Скажи: «У меня струночек не случилось,
А шпенечков не пригодилось,
Не во что больше играть:
Приломались гуселки яровчаты».
Скажет тебе царь морской:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красная девушке?»
Говори ему таковы слова:
«У меня воля не своя во синем море».
Опять скажет царь морской:
«Ну, Садке, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
И друго триста девиц пропусти,

И третье триста девиц пропусти:
Позади идёт девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка, —
Бери тую Чернаву за себя замуж.
Будешь, Садке, во Нове-граде.
А на свою бессчётну золоту казну
Построй церковь соборную Миколе
Можайскому».

Садке струночки во гуселках повыдернул,
Шпенечки во яровчатых повыломал.

Говорит ему царь морской:
«Ай же ты, Садке Новгородский!
Что же не играешь в гуселки яровчаты?» —
«У меня струночки во гуселках выдернулись,
А шпенечки во яровчатых повыломались:
А струнчек запасных не случилось,
А шпенечков не пригодилось».

Говорит царь таковы слова:
«Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красная девушке?»

Говорит ему Садке Новгородский:
«У меня воля не своя во синем море».

Опять говорит царь морской:
«Ну, Садке, вставай по утру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу».
Вставал Садке поутру ранёшенько,
Поглядит: идёт триста девушек красных;
Он перво триста девиц пропустил,
И друго триста девиц пропустил,
И третье триста девиц пропустил;
Позади шла девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка.
Брал тую Чернаву за себя замуж.
Как ложится спать Садке во первую ночь.

Как проснулся Садке во Нове-граде,
О реку Чернаву на крутом кряжу.
Как поглядит, ажно бежат
Свои черлёные корабли по Волхову.
Поминает жена Садка со дружиной

во синем море:

«Не бывать Садку со синя моря!»

А дружина поминает одного Садка:

«Остался Садке во синем море!»

А Садке стоит на крутом кряжу,

Встречает свою дружинушку со Волхова.

Тут его ли дружина сдивовалася:

«Остался Садке во синем море,

Очутился впереди нас во Нове-граде,

Встречает дружину со Волхова!»

Встретил Садке дружину хоробрую

И повел в палаты белокаменны.

Тут его жена зрадовáлася,

Брала Садка за белы руки,

Целовала во уста во сахарныя.

Начал Садке выгружать со черлёных

со кóраблей

Именьице — бессчётну золоту казну.

Как повыгрузил со черлёных кораблей,

Состроил церкву соборную Миколе

Можайскому.

Не стал больше ездить Садке на сине море,

Стал поживать Садке во Нове-граде.

НАЧАЛЬНАЯ РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ

И ПОВЕСИЛ ОЛЕГ ЩИТ СВОЙ НА ВРАТАХ ЦАРЬГРАДА

В лето 6415 (907). Пошёл Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же он с собой множество варягов, и словен, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов — всех их называют греки «Великая Скифь». И с этими со всеми пошёл Олег на конях и на кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришёл к Царьграду. И вышел Олег на берег и начал воевать. И много убийства сделал около города, и разбил много палат, и церкви пожёг. И много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колёса и поставить на них корабли. И так как был попутный ветер с поля, то подняли они паруса и пошли к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали, послав послов к Олегу:

— Не губи города, дадим тебе дани, какой захочешь.

И остановил Олег воинов, и вынесли ему греки яства и вино, но не принял Олег вина, ибо было оно отравлено. Испугались греки и сказали:

— Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас от Бога.

И приказал Олег грекам дать дани на две тысячи кораблей, по двенадцати гривен¹ на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей; а потом дать дани для русских городов: прежде всего для Киева, а затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов, ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу.

И согласились на это греки, и начали они просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. И обещали греческие цари уплачивать дань. И давали друг другу присягу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те оружием своим и Перуном, богом своим, и Белесом, богом скота, и утвердили мир.

И пришёл Олег в Киев, неся золото, и паволоки², и плоды, и вино, и всякое узорочье³. И народ прозвал Олега Вещим.

И ВСПОМНИЛ ОЛЕГ КОНЯ СВОЕГО

В лето 6420 (912). И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить и уже не садился на

¹ Гривна — денежная единица в Древней Руси — серебряный или золотой слиток весом около 400 граммов.

² Паволоки — шёлковые ткани, покрывала.

³ Узорочье — драгоценности, наряды.

него. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников:

— От чего мне умереть?

И сказал ему кудесник один:

— Княже! Коня любишь и ездешь на нём — от него тебе и умереть!

И запали слова эти в душу Олегу, и сказал он:

— Никогда не сяду на него и не увижу его больше.

И повелел кормить коня и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока ходил на греков.

Когда прошло четыре лета, на пятое, пришёл Олег от Царьграда в Киев и вспомнил своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшего конюха и сказал:

— Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?

Он же ответил:

— Уже умер!

Олег засмеялся и укорил того кудесника, сказав:

— Неправду говорят волхвы, но всё то ложь: конь умер, а я жив.

И повелел оседлать себе коня:

— Да увижу кости его.

И приехал на место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал:

— От сего ли черепа смерть мне принять?

И ступил ногою на череп. И выползла змея из черепа и ужалила его в ногу. И с того разболелся и умер. И оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили

на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и до сего дня, слывёт могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

НАЧАЛИ БРАТЬЯ ЭТИ СОСТАВЛЯТЬ СЛАВЯНСКУЮ АЗБУКУ

Был един народ славянский: и те славяне, что сидели по Дунаю, покорённые уграми, и моравы, и чехи, и ляхи, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, первых, для моравов, созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у руси, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещёными, князь их, Ростислав, Святополк и Коцел, послали к царю греческому Михаилу, говоря:

— Земля наша крещёна, но нет у нас учителя, который бы наставил и поучил нас и истолковал святыя книги, ибо не знаем мы ни греческого языка, ни латинского. Одни учат нас так, а другие иначе, от того не знаем ни начертания букв, ни их значения. Пошлите нам учителей, которые могли бы нам рассказать о книжных словах и о смысле их.

Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им речи славянских князей. И сказали философы:

— Есть муж в Солуни, именем Лев. У него два сына, искусные философы, разумеющие славянский язык, Кирилл и Мефодий.

Царь, узнав об этом, послал в Солунь ко Льву, говоря:

— Пошли к нам скорей сыновей своих, Кирилла и Мефодия.

Лев вскоре послал их и, когда они пришли, сказал им:

— Прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги.

И уговорил их царь и послал в Славянскую землю. Когда же братья эти пришли, начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол, Евангелие и Псалтырь и другие книги. И собрали хороших скорописцев и перевели все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября.

Русская литература XIX века

АПУХТИН
Алексей Николаевич
1840—1893

ПРОСЁЛОК

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
Через леса да реки, по степям, по нивам,
Всё бежит куда-то шагом торопливым,
И чудес хоть мало встретишь той дорогой,
Но мне мил и близок вид её убогой.
Утро ли займётся на́ небе румяном —
Вся она росую блещет под туманом;
Ветерок разносит из поляны сонной
Скошенного сена запах благовонный;
Всё молчит, всё дремлет, — в утреннем

покое

Только ржи мелькает море золотое,
Да куда ни глянешь освежённым взором,
Отовсюду веет тишью и простором.
На гору ль въезжаешь — за горой селенье
С церковью зелёной видно в отдаленьи.
Вот и деревенька, барский дом повыше...
Покосились набок сломанные крыши.
Ни садов, ни речки; в роще невысокой
Липы да орешник разрослись широко,
А вдали, над прудом, высится плотина...
Бедная картина! Милая картина!..
Уж с серпами в поле шумно йдут жницы,

Между лип немолчно распевают птицы,
За клячонкой жалкой мужичок шагает,
С диким воплем стадо путь перебегаёт.
Жарко... День, краснея, всходит понемногу...
Скоро на большую выедем дорогу.
Там скрипят обозы, там стоят ракиты.
Из краёв заморских к нам тропой пробитой
Там идёт криливо всякая новинка...
Там ты и заглохнешь, русская тропинка!

По Руси великой, без конца, без края,
Тянется дорожка, узкая, кривая,
На большую съехал — впереди застава,
Сзади пыль да вёрсты... Смотришь,
а направо
Снова вьётся путь мой лентою узорной —
Тот же прихотливый, тот же непокорный!

БАРАТЫНСКИЙ

Евгений Абрамович

1800—1844

* * *

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блестят ручьи!
Взревев, река несёт
На торжествующем хребте
Поднятый ею лёд!

Ещё древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жавронок поёт
Заздравный гимн весне...

* * *

Где сладкий шёпот
Моих лесов?
Потоков ропот,
Цветы лугов?
Деревья голы;
Ковёр зимы
Покрыл холмы,
Луга и доли.
Под ледяной
Своей корой
Ручей немеет;
Всё цепенеет,
Лишь ветер злой,
Бушующий, воеет
И небо кроет
Седую мглой...

БЕНЕДИКТОВ
Владимир Григорьевич
1807—1873

МОСКВА

Близко... Сердце встрепенулось,
Ближе... ближе... Вот видна!
Вот раскрылась, развернулась,
Храмы блещут — вот она!
Так — она! — Давно ль из пепла?
А взгляните, какова!
Встала, выросла, окрепла
И по-прежнему жива!
И кресты церквей далече,
В радость сердцу и очам,
Идут в золоте навстречу
Золотым небес лучам, —
И спокойный, величавый,
Бодрый сторож Русской славы —
Кремль — и красен, и велик, —
И светла, златовенчанна
Колокольня Иоанна
Движет звучный свой язык;
Только с бурей поборолась,
Глядь! Опять в лучах горит
И во весь свой медный голос
С Божьим небом говорит.
Город — досыта простору!
Город — есть на что взглянуть!

Город — под гору да в гору!
Так и эдак повернуть!
Он не в вытяжку, не стройно,
Но широко, но спокойно
На холмах по-барски лёг,
Дал разгул своим палатам,
И рассыпался по скатам,
И раскинулся, как мог.
Много прожил он на свете,
Помнит предков времена,
И в живом его привете
Нараспашку Русь видна.

Русь... Блестящий в чинном стро
Ей Петрополь — голова,
Ты ей — сердце ретивое,
Благодатная Москва!
Хладный, строгий, многодумный
Он воспитанник Петра,
Полн заботою разумной
О стяжании добра.

Он — питомец полуночи —
К морю Финскому приник;
У него России очи,
Слух, и дума, и язык.
А она — Москва родная —
В грудь России залегла
И в себе родного края
Жилы жаркие сплела,
И богата Русской кровью,
И кипучею любовью
К славе царской горяча,
Исполинов коронует,
И трезвонит, и ликует,

Бьёт по всем струнам сплеча;
Но когда ей угрожает
Силы вражеской напор,
Для себя сама слагает
Славный жертвенный костёр
И, врагов завидя знамя,
К древней близкое стене,
Повергается во пламя
И красуется в огне,
И, как феникс, вылетая
Из трескучего огня,
Снова блещет, золотая,
С кликом: «Русь, целуй меня!»

ВЯЗЕМСКИЙ
Пётр Андреевич
1792—1878

ОСЕНЬ

Кокетничает осень с нами:
Красавица на западе своём
Последней ласкою, последними дарами
Приманивает нас нежнее с каждым днём.

Всё в ней мне нравится: и пестрота наряда,
И бархат, и парча, и золота струя,
И яхонт, и янтарь, и гроздья винограда,
Которыми она обвешала себя.

И тем дороже мне, чем ближе их утрата,
Ещё душистее цветы её венка,
И в светлом зареве прекрасного заката
Сил угасающих и неги и тоска.

Н. ГАРИН
(МИХАЙЛОВСКИЙ
Николай Георгиевич)
1852—1906

ДЕТСТВО ТЁМЫ

(Главы)

Неудачный день

Маленький, восьмилетний Тёма стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения.

Всего несколько минут тому назад, как он, проснувшись, напился чаю, причём съел с аппетитом два куска хлеба с маслом, — одним словом, добросовестным образом исполнив все лежавшие на нём обязанности, вышел через террасу в сад в самом весёлом, беззаботном расположении духа. В саду так хорошо было!

Он шёл по аккуратно расчищенным дорожкам сада, вдыхая в себя свежесть начинающегося летнего утра, и с наслаждением осматривался.

Вдруг... Его сердце от радости и наслаждения сильно забилося... Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец расцвёл! Ещё вчера папа внимательно его осматривал и сказал, что раньше недели не будет цвести. И что это за роскошный, что это за прелестный цветок! Никогда никто, конечно, подобного

не видал. Папа говорит, что когда герр¹ Готлиб (главный садовник ботанического сада) увидит, то у него слюнки потекут. Но самое большое счастье во всём этом, конечно, то, что никто другой, а именно он, Тёма, первый увидел, что цветок расцвёл. Он вбежит в столовую и крикнет во все горло:

— Махровый расцвёл!

Папа бросит чай и с чубуком в руках, в своем военном вицмундире сейчас же пройдет в сад. Он, Тёма, будет бежать впереди и беспрестанно оглядываться: радуется ли папа?

Папа, наверное, сейчас же поедет к герру Готлибу, может, прикажет запрячь Гнедка, которого только что привели из деревни. Еремей (кучер, он же и дворник), высокий, одноглазый, добродушный и ленивый хохол², Еремей говорит, что Гнедко бегаёт так быстро, что ни одна лошадь в городе его не догонит. Еремей, конечно, знает это: он каждый день ездит на Гнедке верхом на водопой. И вот сегодня в первый раз запрягут Гнедка, Гнедко побежит скоро-скоро! Все погонятся за ним — куда! Гнедка и след простыл.

А вдруг папа и Тёму возьмет с собой? Какое счастье! Восторг переполняет маленькое сердце Тёмы. От мысли, что всё это счастье произошло от этого чудного, так неожиданно распутившегося цветка, в Тёме просыпается нежное чувство к цветку.

— Ми-и-ленький! — говорит он, приседая на корточки, и тянется к нему губами.

¹ Герр (нем.) — господин; обращение к мужчине.

² Хохол — пренебрежительное название украинцев.

Его поза самая неудобная и неустойчивая. Он теряет равновесие, протягивает руки и...

Всё погибло! Боже мой, но как же это случилось?! Может быть, можно поправить? Ведь это случилось оттого, что он не удержался, упал. Если б он немножко вот сюда упёрся рукой, цветок остался бы целым. Ведь это одно мгновение, одна секунда... Пойдите!.. Но время не стоит. Тёма чувствует, что его точно кружит что-то, что-то точно вырывает у него то, что хотел бы он удержать, и уносит на своих крыльях — уносит совершившийся факт, оставляя Тёму одного с ужасным сознанием непоправимости этого совершившегося факта.

Какой резкой, острой чертой, какой страшной, неумолимой, беспощадной силой оторвало его вдруг сразу от всего!

Что из того, что так весело поют птички, что сквозь густую листву пробивается солнце, играя на мягкой земле весёлыми светлыми пятнышками, что беззаботная мошка ползёт по лепестку, вот остановилась, надувается, выпускает свои крылышки и собирается лететь куда-то, навстречу нежному, ясному дню?

Что из того, что когда-нибудь будет опять сверкать такое же весёлое утро, которое он не испортит, как сегодня? Тогда будет другой мальчик, счастливый, умный, довольный. Чтоб добраться до этого другого, надо пройти бездну, разделяющую его от этого другого, надо пережить что-то страшное, ужасное. О, что бы он дал, чтобы всё вдруг остановилось, чтобы всегда было это свежее, яркое утро, чтобы папа и мама всегда спали... Боже мой, отчего он такой несчастный? Отчего над ним тяготеет какой-

то вечный неумолимый рок? Отчего он всегда хочет так хорошо, а выходит все так скверно и гадко?.. О, как сильно, как глубоко старается он заглянуть в себя, постигнуть причину этого! Он хочет ее понять, он будет строг и беспристрастен к себе... Он действительно дурной мальчик. Он виноват, и он должен искупить свою вину. Он заслужил наказание, и пусть его накажут. Что же делать? И он знает причину, он нашёл её! Всею виною его гадкие, скверные руки! Ведь он не хотел, руки сделали, и всегда руки. И он придёт к отцу и прямо скажет ему:

«Папа, зачем тебе сердиться даром? Я знаю теперь хорошо, кто виноват, — мои руки. Отруби мне их, и я всегда буду добрый, хороший мальчик. Потому что я люблю и тебя, и маму, и всех люблю, а руки мои делают так, что я как будто никого не люблю. Мне ни капли их не жалко!»

Мальчику кажется, что его доводы так убедительны, так чистосердечны и ясны, что они должны подействовать.

Но цветок по-прежнему лежит на земле... Время идёт... Вот отец, встающий раньше матери, покажется, увидит, всё сразу поймёт, загадочно посмотрит на сына и, ни слова не говоря, возьмёт его за руку и поведёт... Поведёт, чтоб не разбудить мать, не через террасу, а через парадный ход, прямо в свой кабинет. Затворится большая дверь, он останется с глазу на глаз с ним.

Ах, какой он страшный, какое нехорошее у него лицо!.. И зачем он молчит, не говорит ничего?! Зачем он расстёгивает свой мундир?! Какой противный этот жёлтенький узенький ре-

мешок, который виднеется в складке синих штанов его! Тёма стоит и, точно очарованный, впился в этот ремешок. Зачем же он стоит? Он свободен, его никто не держит, он может убежать... Никуда он не убежит. Он будет мучительно-тоскливо ждать. Отец не спеша снимет этот гадкий ремешок, сложит вдвое, посмотрит на сына; лицо отца нальётся кровью, и почувствует, бесконечно сильно почувствует мальчик, что самый близкий ему человек может быть страшным и чужим, что к человеку, которого он должен и хотел бы только любить до обожания, он может питать и ненависть, и страх, и животный ужас, когда прикоснутся к его щекам мягкие, тёплые ляжки отца, в которых зажметса голова мальчика.

Маленький Тёма, бледный, с широко раскрытыми глазами, стоял перед сломанным цветком, и все муки, весь ужас предстоящего возмездия ярко рисовались в его голове. Все его способности сосредоточились теперь на том, чтобы найти выход — выход во что бы то ни стало.

Какой-то шорох послышался ему по направлению от террасы. Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватает цветок и втискивает его в землю рядом с корнем. Для чего? Смутная надежда обмануть? Протянуть время, пока проснетса мать, объяснить ей, как всё это случилось, и тем отвратить предстоящую грозу? Ничего ясного не соображает Тёма; он опрометью, точно его преследуют все те ведьмы и волшебники, о которых рассказывает ему по вечерам няня, убегает от злополучного места, минуя страшную теперь для него террасу — терра-

су, где вдруг он может увидеть грозную фигуру отца, который, конечно, по одному его виду сейчас же поймёт, в чём дело.

Он бежит, и ноги бессознательно направляют его подальше от опасности. Он видит между деревьями большую площадку, посреди которой устроены качели и гимнастика и где возвышается высокий, выкрашенный зелёной краской столб для гигантских шагов, видит сестёр, бонну¹-немку. Он делает вольт² в сторону, незаметно пригнувшись, торопливо пробирается в виноградник, огибает большой каменный сарай, выходящий в сад своими глухими стенами, перелезает ограду, отделяющую сад от двора, и, наконец, благополучно достигает кухни.

Здесь он только свободно вздыхает.

В закоптелой, обширной, но низкой кухне, устроенной в подвальном этаже, освещённой сверху маленькими окнами, всё спокойно, всё идет своим чередом.

Повар в грязном белом фартуке, белокурый, ленивый, молодой, из бывших крепостных, Аким, лениво собирается разводить плиту. Ему не хочется приниматься за скучную ежедневную работу, он тянет, хлопает дверцами печки, заглядывает в духовой ящик, внимательно осматривает, точно в первый раз видит, конфорки, фыркает, брюзжит, двадцать раз их то сдвигает, то опять ставит на место...

На большом некрашеном столе в беспорядке валяются грязные тарелки. Горничная Таня,

¹ Бонна (франц.) — воспитательница маленьких детей в богатых семьях.

² Вольт — здесь: крутой поворот.

молодая девушка с длинной, ещё не чёсанной косой, торопливо обглаживает какую-то вчерашнюю холодную кость. Еремей в углу молча возится с концами упряжных ремней, бесконечно налаживая и пригоняя конец к концу, собираясь сшивать их приготовленными шилом и дратвой. Его жена Настасья, толстая и грязная судомойка, громко и сердито перемывает тарелки, энергично хватая их со дна дымящейся, тёплой лоханки. Вытертые тарелки с шумом летят на рядом стоящую скамью. Рукава Настасьи засучены; здоровое белое тело на руках трясётся при всяком её движении, губы плотно сжаты, глаза сосредоточенны и мечут искры.

Ровесник Тёмы — произведение Настасьи и Еремея — толстопузый рябой Иоська сидит на кровати, болтает ногами и пристаёт к матери, чтобы та дала ему грошик.

— Не дам, не дам, сто чертив твоей мами! — кричит отчаянно Настасья и ещё плотнее стискивает свои губы, ещё энергичнее сверкает глазами.

— Г-е?! — тянет Иоська плаксивую монотонную ноту. — Дай грошик!

— Отчипысь, прокляте! Будь ты сказано! — кричит Настасья, точно её режут.

Тёма с завистью смотрит на эти простые, несложные отношения. Вот она, кажется, и кричит и бранится, а не боится ее Иоська. Если мать и побить его захочет — Иоська отлично знает, когда она этого захочет, — он, вырвавшись, убежит во двор. Если мать и бросится за ним и, не догнав, станет кричать своим громким голосом, так кричать, что живот ее то и дело будет подпрыгивать кверху: «Ходи сюда,

бисова дытына!», то «бисова дытына» понимает, что ходить не следует, потому что его побьют, а так как ему именно этого и не хочется, то он и не идёт, но и не скрывается, инстинктивно сознавая, что очень раздражать не следует. Стоит Иоська где-нибудь поодаль и хнычет лениво и притворно, а сам зорко следит за всяким движением матери; ноги у него расставлены, сам наклонился вперёд, вот-вот готов дать нового стрекача.

Мать постоит, постоит, ещё сто чертей посулит себе и уйдёт в кухню. Иоська фланирует¹, развлекается, шалит, но голод заставляет его наконец возвратиться в кухню. Подойдёт к двери и пустит пробный шар:

— Г-е?!

Это нечто среднее между нахальным требованием и просьбой о помиловании, между хныканьем и криком.

— Только взойды, бодай тебе чертяка взяла! — несётся из кухни.

— Г-е?! — настойчивее и смелее повторяет Иоська. Кончается все это тем, что дверь с шумом растворяется,

Иоська с быстротой ветра улепётывает подалее, на пороге появляется грозная мать с первым попавшимся поленом в руках, которое и летит вдогонку за блудным сыном.

Дело уж Иоськи увернуться от полена, но после этого путь к столу с объедками барской еды считается свободным.

Иоська сразу сбрасывает свой скромный облик и с видом делового человека, которому не-

¹ Фланировать — разгуливать, прохаживаться без цели.

когда тратить время на пустые формальности, прямо и смело направляется к столу.

Если по дороге он всё-таки получал иной раз лёгкую затрещину, он за этим не гнался и, огрызнувшись каким-нибудь упрямым звуком вроде «у-у!», энергично принимался за еду.

— Еремей, Буланку закладывай! — кричит сверху нянька. — В дрожки!

— Кто едет? — кричит снизу встрепенувшийся Тёма.

— Папа и мама в город.

Это целое событие.

— Скоро едут? — спрашивает Тёма.

— Одеваются.

Тёма соображает, что отец торопится, значит, перед отъездом в сад не пойдёт, и, следовательно, до возвращения родителей он свободен от всяких взысканий. Он чувствует мгновенный подъём духа и вдохновенно кричит:

— Иоська, игратья!

Он выбегает снова в сад и теперь смело и уверенно направляется к сёстрам.

— Будем игратья! — кричит он, подбегая. — В индейцев?

И Тёма от избытка чувств делает быстрый прыжок перед сёстрами.

Пока бонна и сёстры, под предводительством старшей сестры Зины, обсуждают его предложение, он уже рыщет, отыскивая подходящий материал для луков. Бежать к изгороди слишком далеко, хочется скорей, сейчас... Тёма выхватывает несколько прутьев, почему-то торчавших из бочки, пробует их гибкость, но они ломаются, не годятся.

— Тёма! — раздаётся дружный вопль. Тёма замирает на мгновение.

— Это папины лозы! Что ты сделал?!

Но Тёма уже всё и без этого сообразил; у него вихрем мелькает сознание необходимости протянуть время до отъезда, и он небрежно кричит:

— Знаю, знаю, папа приказал их выбросить — они не годятся!

И для большей убедительности он подбирает поломанные лозы и с помощью Иоськи несёт их на чёрный двор. Зина подозрительно провожает его глазами, но Тёма искусно играет свою роль — идёт тихо, не спеша, вплоть до самой калитки. Но за калиткой он быстро бросает лозы; отчаяние охватывает его. Он стремительно бежит, бежит от мрачных мыслей тяжёлой развязки, от туч, неизвестно откуда скопляющихся над его горизонтом. Одно с мучительной ясностью стоит в голове: поскорее бы отец и мать уезжали.

Еремей с озабоченным видом стоит около дрожek, нерешительно чешет спину, мрачно смотрит на невымытый экипаж, на засохшую грязь и окончательно теряется от мыслей, что теперь делать: начинать ли мыть, подмазывать ли или уж так запрягать? Тёма волнуется, хлопочет, тащит хомут, понуждает Еремея выводить лошадь, и Еремей под таким энергичным давлением начинает наконец запрягать.

— Не так, панычику, не так! — громко замечает флегматичный Еремей, тяготясь этой суетливой, бурной помощью.

Тёме кажется, что время идёт невыносимо медленно. Наконец экипаж готов.

Еремей надевает свой кучерской парусиновый кафтан с громадным сальным пятном на животе, клеёнчатую, с поломанными полями шляпу, садится на козлы, трогает, задевает обязательно за ворота, отделяющие грязный двор от чистого, и подкатывает к крыльцу.

Время бесконечно тянется. Отчего они не выходят? Вдруг не поедут?! Тёма переживает мучительные минуты. Но вот парадные двери отворяются, выходят отец с матерью.

Отец, седой, хмурый по обыкновению, в белом кителе, что-то озабоченно соображает; мать в кринолине¹, черных нитяных перчатках без пальцев, в шляпе с широкими чёрными лентами. Сёстры бегут из сада. Мать наскоро крестит и целует их и спохватывается о Тёме; сёстры ищут его глазами, но Тёма с Иоськой притаились за углом, и сёстры говорят матери, что Тёма в саду.

— Будьте с ним ласковы.

Тёма, благоразумно решивший было не показываться, стремительно выскакивает из засады и стремительно бросается к матери. Если бы не отец, он сейчас бы ей всё рассказал. Но он только особенно горячо целует её.

— Ну, довольно! — говорит ласково мать и смутно соображает, что совесть Тёмы не совсем чиста.

Но мысль о забытых ключах отвлекает её.

— Ключи, ключи! — говорит она, и все стремительно бросаются в комнаты за ключами.

¹ Кринолин — широкая юбка на тонких стальных обручах, бывшая в моде в середине XIX века.

Отец пренебрежительно косится на ласки сына и думает, что это воспитание выработает в конце концов из его сына какую-то противную слюнявку. Он срывает своё раздражение на Еремее.

— Буланка опять закована на правую переднюю ногу? — говорит он.

Еремей перегибается с козёл и внимательно всматривается в отставленную ногу Буланки.

Тёма озабоченно следит за ними глазами. Еремей прокашливается и говорит каким-то поперхнувшимся голосом:

— Мабуть, оступився.

Ложь возмущает и бесит отца.

— Болван! — говорит он, точно выстреливает из ружья.

Еремей энергично откашливается, ёрзает на козлах и молчит. Тёма не понимает, за что отец бранит Еремея, и тоскливое чувство охватывает его.

— Размазня, лентяй! Грязь развёл такую, что сесть нельзя!

Тёма быстро окидывает взглядом экипаж.

Еремей невозмутимо молчит. Тёма видит, что Еремею нечего сказать, что отец прав, и, облегчённо вздыхая, чувствует удовлетворение за отца.

Ключи принесли; мать и отец сидят в экипаже, Еремей подобрал вожжи, Настасья стоит у ворот.

— Трогай! — приказывает отец.

Мать крестит детей и говорит: «Тёма, не шали», и экипаж торжественно выкатывается на улицу. Когда же он исчезает из глаз, Тёма вдруг ощущает такой прилив радости, что ему хочет-

ся выкинуть что-нибудь такое, чтобы все, все — и сёстры, и бонна, и Настасья, и Иоська — так и ахнули. Он стоит, несколько мгновений ищет в уме чего-нибудь подходящего и ничего другого не может придумать, как, стремглав выбежав на улицу, перерезать дорогу какому-то несущемуся экипажу. Раздается общий отчаянный вопль:

— Тёма, Тёма, куда?!

— Тёма-а! — несется пронзительный крик бонны и достигает чуткого уха матери.

Из облака пыли вдруг раздается голос матери, сразу всё понявшей:

— Тёма, домой!

Тёма, успевший пробежать до половины дороги, останавливается, зажимает обеими руками рот, на мгновение замирает на месте, затем стремглав возвращается назад.

— А хочешь, я на Гнедке верхом поеду, как Еремей? — мелькает в голове Тёмы новая идея, с которой он обращается к Зине.

— Ну да! Тебя Гнедко сбросит! — говорит пренебрежительно Зина.

Этого совершенно достаточно, чтобы у Тёмы явилось непреодолимое желание привести в исполнение свой план. Его сердце усиленно бьётся и замирает от мысли, как поразятся все, когда увидят его верхом на Гнедке, и, выждав момент, он лихорадочно шепчет что-то Иоське. Они оба незаметно исчезают.

Препятствий нет.

В опустелой конюшне раздается ленивая, громкая еда Гнедка. Тёма дрожащими руками торопливо отвязывает повод. Красивый жеребец Гнедко пренебрежительно обнюхивает маленькую

фигурку и нехотя плетется за тянущим его изо всей силы Тёмой.

— Но, но! — возбуждённо понукает его Тёма, стараясь губами делать, как Еремей, когда тот выводит лошадь.

Но от этого звука лошадь пугается, фыркает, задирает голову и не хочет выходить из низких дверей конюшни.

— Иоська, подгони её сзади! — кричит Тёма.

Иоська лезет между ног лошади, но в это время Тёма кричит ему:

— Возьми кнут!

Получив удар, Гнедко стрелой вылетает из конюшни и едва не вырывается из рук Тёмы.

Тёма замечает, что Гнедко от удара кнутом взял сразу в галоп, и приказывает Иоське, когда он сядет, снова ударить лошадь.

Иоське одно удовольствие лишний раз хлестнуть лошадь.

Гнедко торжественно выводится с чёрного на чистый двор и подтягивается к близстоящей водовозной бочке. В последний момент к Иоське возвращается благоразумие.

— Упадёте, панычику! — нерешительно говорит он.

— Ничего, — отвечает Тёма с пересохшим от волнения горлом. — Ты только, как я сяду, крепко ударь её, чтоб она сразу в галоп пошла. Тогда легко сидеть.

Тёма, стоя на бочке, подбирает поводья, опирается руками на холку Гнедка и легко вспрыгивает ему на спину.

— Дети, смотрите! — кричит он, захлебываясь от удовольствия.

— Ай, ай, смотрите! — в ужасе взвизгивают сёстры, бросаясь к ограде.

— Бей! — командует, не помня себя от восторга, Тёма.

Иоська изо всей силы вытягивает кнутом жеребца. Лошадь, как ужаленная, мгновенно подбигрывается и делает первый произвольный скачок к улице, куда мордой она была поставлена, но затем, сообразив, она взвизгивает на дыбы, круто на задних ногах делает поворот и полным карьером несётся назад, в конюшню.

Тёме, каким-то чудом удержавшемуся при этом маневре, некогда рассуждать. Перед ним ворота чёрного двора; он вовремя успевает наклонить голову, чтобы не разбить её о перекладину, и вихрем влетает на чёрный двор.

Здесь ужас его положения обрисовывается ему с неумолимой ясностью.

Он видит в десяти саженьях перед собой высокую каменную стену конюшни и маленькую тёмную отворённую дверь и сознает, что разобьётся о стену, если лошадь влетит в конюшню. Инстинкт самосохранения удесят�еряет его силы, он натягивает, как может, левый повод, лошадь сворачивает с прямого пути, налетает на торчащее дышло, спотыкается, падает с маху на землю, а Тёма летит дальше и распластывается у самой стены, на мягкой, теплой куче навоза. Лошадь вскакивает и влетает в конюшню. Тёма тоже вскакивает, запирает за нею дверь и оглядывается.

Теперь, когда всё благополучно миновало, ему хочется плакать, но он видит в воротах бонну, сестёр и соображает по их вытянувшимся лицам, что они всё видели. Он бодрится, но руки

его дрожат; на нём лица нет, улыбка выходит какой-то жалкой, болезненной гримасой.

Град упрёков сыплется на его голову, но в этих упрёках он чувствует некоторое уважение к себе, удивление к его молодечеству и мирится с упрёками. Непривычная мягкость, с которой Тёма принимает выговоры, успокаивает всех.

— Ты испугался? — пристаёт к нему Зина. — Ты бледен, как стена. Выпей воды, помочи голову.

Тёму торжественно ведут опять к бочке и мочат голову. Между ним, бонной и сестрой устанавливаются дружеские, миролюбивые отношения.

— Тёма, — говорит ласково Зина, — будь умным мальчиком, не распускай себя. Ты ведь знаешь свой характер, ты видишь: стоит тебе разойтись, тогда уж ты не удержишь себя и сделаешь чего-нибудь такого, чему и сам не будешь рад потом.

Зина говорит ласково, мягко, просит.

Тёме это приятно; он сознает, что в словах сестры всё — голая правда, и говорит:

— Хорошо, я не буду шалить.

Но маленькая Зина, хотя на год всего старше своего брата, уже понимает, как тяжело будет брату сдержать свое слово.

— Знаешь, Тёма, — говорит она как можно вкрадчивее, — ты лучше всего дай себе слово, что ты не будешь шалить. Скажи: любя папу и маму, я не буду шалить.

Тёма морщится.

— Тёма, тебе же лучше! — подъезжает Зина. — Ведь никогда ещё папа и мама не приезжали без того, чтобы не наказать тебя.

И вдруг приедут сегодня и узнают, что ты не шалил!

Просительная форма подкупает Тёму.

— Как люблю папу и маму, я не буду шалить.

— Ну вот, умница, — говорит Зина. — Смотри же, Тёма, — уже строгим голосом продолжает сестра, — грех тебе будет, если ты обманешь.

— Но игратья можно?

— Всё то можно, что фрейлейн¹ скажет — можно, а что фрейлейн скажет — нельзя, то уже грех.

Тёма недоверчиво смотрит на бонну и насмешливо спрашивает:

— Значит, фрейлейн святая?

— Вот видишь, ты уж глупости говоришь! — замечает сестра.

— Ну хорошо! Будем игратья в индейцев! — говорит Тёма.

— Нет, в индейцев опасно без мамы: ты разойдешься.

— А я хочу в индейцев! — настаивает Тёма, и в его голосе слышится капризное раздражение.

— Ну хорошо! Спроси у фрейлейн — ведь ты обещал, как папу и маму любишь, слушаться фрейлейн?

Зина становится так, чтобы только фрейлейн видела ее лицо, а Тёма — нет.

— Фрейлейн, правда в индейцев играть не надо?

¹ Фрейлейн (нем.) — обращение к девушке. В дореволюционной России название воспитательницы-немки (бонны) в богатых семьях.

Тёма все ж таки видит, как Зина делает невозможные гримасы фрейлейн; он смеется и кричит:

— Э, так нельзя!

Он бросается к фрейлейн, хватая ее за платье и старается повернуть от сестры. Фрейлейн смеётся.

Зина энергично подбегает к брату, кричит: «Оставь фрейлейн», а сама в то же время старается стать так, чтобы фрейлейн видела ее лицо, а брат не видел. Тёма понимает маневр, хохочет, хватая за платье сестру и делает попытку повернуть её лицо к себе.

— Пусти! — отчаянно кричит сестра и тянет своё платье. Тёма ещё больше хохочет и не выпускает сестрино платье, держась другой рукой за платье бонны. Зина вырывается изо всей силы. Вдруг юбка фрейлейн разрывается пополам, и взбешённая бонна кричит:

— Думмер кнабе! (Дурной мальчишка!)

Тёма считает, что, кроме матери и отца, никто не смеет его ругать. Озадаченный и сконфуженный неожиданным оборотом дела, но возмущённый, он, не задумываясь, отвечает:

— Ты сама!

— Ах! — взвизгивает фрейлейн.

— Тёма, что ты сказал?! — подлетает сестра. — Ты знаешь, как тебе за это достанется?! Проси сейчас прощения!!

Но требование — плохое оружие с Тёмой; он окончательно упирается и отказывается просить прощения. Доводы не действуют.

— Так ты не хочешь?! — угрожающим голосом спрашивает Зина.

Тёма трусит, но самолюбие берет верх.

— Так вот что: уйдём от него все, пусть он один останется.

Все, кроме Иоськи, уходят от Тёмы.

Сестра идёт и беспрестанно оглядывается: не раскаялся ли Тёма? Но Тёма явного раскаяния не обнаруживает. Хотя сестра и видит, что Тёму кошки скребут, но этого, по ее мнению, мало. Её раздражает упорство Тёмы. Она чувствует, что ещё капельку — и Тёма сдастся. Она быстро возвращается, хватая Иоську за рукав и говорит повелительно:

— Уходи и ты, пусть он совсем один останется!

Неудачный маневр. Тёма кидается на неё, толкает так, что она летит на землю, и кричит:

— Убирайся к чёрту!

Зина испускает страшный вопль, поднимается на руки, некоторое время не может продолжать кричать от схвативших её горловых спазм и только судорожно поводит глазами.

Тёма в ужасе пятится. Зина испускает наконец новый отчаянный крик, но на этот раз Тёме кажется, что крик не совсем естественный, и он говорит:

— Притворяйся, притворяйся!

Зину поднимают и уводят; она хромает. Тёма внимательно следит и остаётся в мучительной неизвестности: действительно ли Зина хромает или только притворяется?

— Пойдём, Иоська! — говорит он, подавляя вздох.

Но Иоська говорит, что он боится и уйдёт на кухню.

— Иоська, — говорит Тёма, — не бойся: я всё сам расскажу маме.

Но кредит¹ Тёмы в глазах Иоськи подорван. Он молчит, и Тёма чувствует, что Иоська ему не верит. Тёма не может остаться без поддержки друга в такую тяжёлую для себя минуту.

— Иоська, — говорит он взволнованно, — если ты не уйдёшь от меня, я после завтрака принесу тебе сахару.

Это меняет положение вещей.

— Сколько кусков? — спрашивает нерешительно Иоська.

— Два, три, — обещает Тёма.

— А куда пойдём?

— За горку, — отвечает Тёма, выбирая самый дальний угол сада.

Он понимает, что Иоська не желал бы теперь встретиться с барышнями.

Они огибают двор, перелезают ограду и идут по самой отдалённой дорожке.

Тёма взволнован и переполнен всевозможными чувствами.

— Иоська, — говорит он, — какой ты счастливый, что у тебя нет сестёр! Я хотел бы, чтобы у меня ни одной сестры не было. Если б они умерли все вдруг, я ни капельки не плакал бы о них. Знаешь, я попросил бы, чтобы тебя сделали моим братом. Хорошо?

Иоська молчит.

— Иоська, — продолжает Тёма, — я тебя ужасно люблю... так люблю, что что хочешь со мной делай...

Тёма напряжённо думает, чем доказать Иоське свою любовь.

¹ Кредит — здесь: доверие к кому-либо, авторитет.

— Хочешь, зарой меня в землю... или, хочешь, плюнь на меня.

Иоська озадаченно смотрит на Тёму.

— Милый, голубчик, плюнь... Милый, дорогой...

Тёма бросается Иоське на шею, целует его, обнимает и умоляет плюнуть.

После долгих колебаний Иоська осторожно плюет на кончик Тёминой рубахи.

Край рубахи с плевком Тёма поднимает к лицу и растирает по своей щеке.

Иоська поражённо и сконфуженно смотрит...

Тёма убежденно говорит:

— Вот... вот как я тебя люблю!

Друзья подходят к кладбищенской стене, отделяющей дом от старого, заброшенного кладбища.

— Иоська, ты боишься мертвецов? — спрашивает Тёма.

— Боюсь, — говорит Иоська.

Тёма предпочел бы похвастаться тем, что он ничего не боится, потому что его отец ничего не боится, и что он хочет ничего не бояться, но в такую торжественную минуту он чистосердечно признаётся, что тоже боится.

— Кто ж их не боится? — раздражается красноречивой тирадой¹ Иоська. — Тут хоть самый первый генерал приди, как они ночью повылазят да рассядутся по стенкам, так и тот убежит. Всякий убежит. Тут побежишь, как за ноги да за плечи тебя хватать станет или вскочит на тебя, да и ну колотить ногами, чтобы вёз его, да еще перегнётся, да зубы и оскалит; у другого

¹ Тирада — здесь: длинная фраза.

половина лица выгнила, глаз нет. Тут забоишься! Хоть какой, и то...

— Артемий Николаич, завтракать! — раздаётся по саду молодой, звонкий голос горничной Тани. Из-за деревьев мелькает платье Тани.

— Пожалуйте завтракать, — говорит горничная, ласково и фамильярно обхватывая Тёму.

Таня любит Тёму. Она в чистом, светлом ситцевом платье; от неё несёт свежестью, густая коса её аккуратно расчесана, добрые карие глаза смотрят весело и мягко.

Она дружелюбно ведёт за плечи Тёму, наклоняется к его уху и весёлым шёпотом говорит:

— Немка плакала!

Немку, несмотря на ее полную безобидность, прислуга не любит.

Тёма вспоминает, что в его столкновении с бонной у него союзники вся дворня, — это ему приятно, он чувствует подъём духа.

— Она назвала меня дураком. Разве она смеет?

— Конечно, не смеет. Папаша ваш — генерал, а она что? Дрянь какая-то. Зазналась!

— Правда, когда я маме скажу всё, меня не накажут?

Таня не хочет огорчать Тёму; она еще раз наклоняется и ещё раз его целует, гладит его густые золотистые волосы.

За завтраком обычная история: Тёма почти ничего не ест. Перед ним лежит на тарелке котлетка, он косится на неё и лениво пощипывает хлеб. Так как с ним никто не говорит, то обязанность уговаривать его есть добровольно берет на себя Таня:

— Артемий Николаич, кушайте!

Тёма только сдвигает брови.

В Зине борется гнев к Тёме с желанием, чтобы он ел. Она смотрит в окошко и, ни к кому особенно не обращаясь, говорит:

— Кажется, мама едет!

— Артемий Николаич, скорей кушайте, — шепчет испуганно Таня.

Тёма в первое мгновение поддается на удочку и хватает вилку, но, убедившись, что тревога ложная, опять кладёт вилку на стол.

Зина снова смотрит в окно и замечает:

— После завтрака всем, кто хорошо ел, будет сладкое.

Тёме хочется сладкого, но не хочется котлеты.

Он начинает привередничать. Ему хочется налить на котлетку прованского масла.

Таня уговаривает его, что масло не идёт к котлетке.

Но ему именно так хочется, и, так как ему не дают судка с маслом, он сам лезет за ним. Зина не выдерживает: она не может переваривать его капризов, быстро вскакивает, хватает судок с маслом и держит его в руке под столом.

Тёма садится на место и делает вид, что забыл о масле. Зина зорко следит и наконец ставит судок на стол, возле себя. Но Тёма улавливает подходящий момент, стремительно бросается к судку, Зина схватывает с другой стороны, и судок летит на пол, разбиваясь вдребезги.

— Это ты! — кричит сестра.

— Нет, ты!

— Это тебя бог наказал за то, что ты папу и маму не любишь.

— Неправда, я люблю! — кричит Тёма.

— Лясен зи ин!¹ — говорит бонна и встаёт из-за стола.

За ней встают все, и начинается раздача пастилы. Когда очередь доходит до Тёмы, бонна колеблется. Наконец она отламывает меньшую против других порцию и молча кладет перед Тёмой.

Тёма возмущённо толкает свою порцию, и она летит на пол.

— Очень мило, — говорит Зина. — Мама всё будет знать!

Тёма молчит и начинает ходить по комнате. Зину интересует: отчего сегодня Тёма не убегает, по обыкновению, сейчас после завтрака? Сначала она думает, что Тёма хочет просить прощения у бонны, и уже вступает в свои права: она доказывает, что теперь уже поздно, что после этого сделано ещё столько...

— Убирайся вон! — перебивает грубо Тёма.

— И это мама будет знать! — говорит Зина и окончательно становится в тупик: зачем он не уходит?

Тёма продолжает упорно ходить по комнате и наконец достигает своего: все уходят, он остаётся один. Тогда он мгновенно кидается к сахарнице и запускает в нее руку...

Дверь отворяется. На пороге появляются бонна и Зина. Он бросает сахарницу и стремглав выскакивает на террасу.

Теперь всё погибло! Такой поступок, как воровство, даже мать не простит.

К довершению несчастья собирается гроза. По небу полезли со всех сторон тяжёлые гро-

¹ Оставьте его! (нем.)

зовые тучи; солнце исчезло; как-то сразу потемнело; в воздухе запахло дождём. Ослепительной змейкой блеснула молния, над самой головой оглушительными раскатами прокатился гром. На минуту все стихло, точно притаилось, выжидая. Что-то зашумело — ближе, ближе, и первые тяжёлые, большие капли дождя упали на землю. Через несколько мгновений всё превратилось в сплошную серую массу. Целые реки полились сверху. Была настоящая южная гроза.

Волей-неволей надо бежать в комнаты, и так как вход туда Иоське воспрещён, то Тёме приходится остаться одному, наедине со своими грустными мыслями.

Скучно. Время бесконечно тянется.

Тёма уселся на окне в детской и уныло следил, как потоки воды стекали по стёклам, как постепенно двор наполнялся лужами, как бульки и пузыри точно прыгали по мутной и грязной поверхности.

— Артемий Николаич, кушать хотите? — спросила, появляясь в дверях, Таня.

Тёме давно хотелось есть, но ему было лень оторваться.

— Хорошо, только сюда принеси хлеба и масла.

— А котлетку?

Тёма отрицательно замотал головой.

В ожидании Тёма продолжал смотреть в окно. Потому ли, что ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, потому ли, что ему было скучно и он придумывал, чем бы ему ещё развлечься, или, наконец, по общечеловеческому свойству вспоминать о своих друзьях в тяжёлые минуты жизни, Тёма вдруг вспомнил о своей

Жучке. Он вспомнил, что целый день не видел её. Жучка никогда никуда не отлучалась.

Тёме пришли вдруг в голову таинственные недружелюбные намеки Акима, не любившего Жучку за то, что она таскала у него провизию. Подозрение закралось в его душу. Он быстро слез с окна, пробежал детскую, соседнюю комнату и стал спускаться по крутой лестнице, ведущей в кухню. Этот ход был строго-настрого воспрещён Тёме (за исключением, когда бралась ванна), ввиду возможности падения, но теперь Тёме было не до того.

— Аким, где Жучка? — спросил Тёма, войдя в кухню.

— А я откуда знаю! — отвечал Аким, тряхнув своими курчавыми волосами.

— Ты не убивал её?

— Ну вот, стану я руки марать об этукую дрянь!

— Ты говорил, что убьешь её?

— Ну! А вы и поверили? Так, шутил.

И, помолчав немного, Аким проговорил самым естественным голосом:

— Лежит где-нибудь, притаившись от дождя. Да вы разве её не видали сегодня?

— Нет, не видал.

— Не знаю. Польстился разве кто, украл?

Тёма было совсем поверил Акиму, но последнее предположение опять смутило его.

— Кто же ее украдет? Кому она нужна? — спросил он.

— Да никому, положим, — согласился Аким. — Дрянная собачонка!

— Побожись, что ты её не убил! — И Тёма впился глазами в Акима.

— Да что вы, панычику? Да ей-богу же, я её не убивал! Что ж, вы мне не верите?

Тёме стало неловко, и он проговорил, ни к кому особенно не обращаясь:

— Куда ж она девалась?

И так как ответа никакого не последовало, то Тёма, оглянувши ещё раз Акима и всех присутствующих, причём заметил лукавый взгляд Иоськи, свесившегося с печки и с любопытством наблюдавшего всю сцену, — возвратился наверх.

Он опять уселся на окно в детской и всё думал: куда могла деваться Жучка?

Перед ним живо рисовалась Жучка, тихая, безобидная Жучка, и мысль, что её могли убить, наполнила его сердце такой горечью, что он не выдержал, отворил окно и стал звать изо всей силы:

— Жучка, Жучка! На, на, на! Цу-цу! Цу-цу! Фью, фью, фью!

В комнату ворвался шум дождя и свежий, сырой воздух. Жучка не отзывалась.

Все неудачи дня, все пережитые невзгоды, все предстоящие ужасы и муки, как возмездие за сделанное, отодвинулись на задний план перед этой новой бедой: лишиться Жучки.

Мысль, что он больше не увидит своей курчавой Жучки, не увидит больше, как она при его появлении будет жалостно визжать и ползти к нему на брюхе, мысль, что, может быть, уже больше её нет на свете, переполняла душу Тёмы отчаянием, и он тоскливо продолжал кричать:

— Жучка! Жучка!

Голос его дрожал и вибрировал, звучал так нежно и трогательно, что Жучка должна была отозваться. Но ответа не было.

Что делать? Надо немедленно искать Жучку. Вошедшая Таня принесла хлеб.

— Подожди, я сейчас приду.

Тёма опять спустился по лестнице, которая вела на кухню, осторожно пробрался мимо дверей, узким коридором достиг выхода, некоторое время постоял в раздумье и выбежал во двор.

Осмотрев чёрный двор, он заглянул во все любимые закоулки Жучки, но Жучки нигде не было. Последняя надежда! Он бросился к воротам заглянуть в будку цепной собаки. Но у самых ворот Тёма услышал шум колес подъехавшего экипажа и, прежде чем что-нибудь сообразить, столкнулся лицом к лицу с отцом, отворявшим калитку. Тёма опрометью бросился к дому.

Старый колодец

Ночь. Тёма спит нервно и возбуждённо... Неясный полусвет ночника слабо освещает четыре детских кровати и пятую большую, на которой сидит теперь няня в одной рубаше, с выпущенной косой, сидит и сонно качает маленькую Аню.

— Няня, где Жучка? — спрашивает Тёма.

— И-и, — отвечает няня. — Жучку в старый колодец бросил какой-то ирод. — И, помолчав, прибавляет: — Хоть бы убил, а то так, живьём... Весь день, говорят, визжала, сердечная...

Тёме живо представляется старый, заброшенный колодец в углу сада, давно превращённый

в свал всяких нечистот, представляется скользкое жидкое дно его, которое иногда с Иоськой они любили освещать, бросая туда зажжённую бумагу.

— Кто бросил? — спрашивает Тёма.

— Да ведь кто? Разве скажет?

Тёма с ужасом вслушивается в слова няни. Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов, как спасти Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя снова засыпает. Он просыпается опять от какого-то толчка среди прерванного сна, в котором он всё вытаскивал Жучку какой-то длинной петлёй. Но Жучка всё обрывалась, пока он не решил сам лезть за нею. Тёма совершенно явственно помнит, как он привязал верёвку к столбу и, держась за эту верёвку, начал осторожно спускаться по срубам вниз; он уже добрался до половины, когда ноги его вдруг соскользнули, и он стремглав полетел на дно вонючего колодца. Он проснулся от этого падения и опять вздрогнул, когда вспомнил впечатление падения.

Сон с поразительной ясностью стоял перед ним. Через ставни слабо брезжил начинающийся рассвет.

Тёма чувствовал во всём теле какую-то болезненную истому, но, преодолев слабость, решил немедленно выполнить первую половину сна. Он начал быстро одеваться...

Одевшись, Тёма подошёл к няниной постели, поднял лежавшую на полу коробочку с серными спичками, взял горсть их к себе в карман, на цыпочках прошёл через детскую и вышел в сто-

ловую. Благодаря стеклянной двери на террасу здесь было уже порядочно светло.

В столовой царил обычный утренний беспорядок: на столе стоял холодный самовар, грязные стаканы, чашки, валялись на скатерти куски хлеба, стояло холодное блюдо жаркого с застывшим белым жиром.

Тёма подошёл к отдельному столику, на котором лежала кипа газет, осторожно выдернул из середины несколько номеров, на цыпочках подошёл к стеклянной двери и тихо, чтобы не произвести шума, повернул ключ, нажал ручку и вышел на террасу.

Его обдало свежей сыростью рассвета.

День только что начинался. По бледному голубому небу там и сям, точно клочьями, повисли мохнатые пушистые облака. Над садом лёгкой дымкой стоял туман. На террасе было пусто, и только платок матери одиноко валялся, забытый на скамейке...

Он спустился по ступенькам террасы в сад. В саду царил такой же беспорядок вчерашнего дня, как и в столовой. Цветы с слепившимися перевёрнутыми листьями, как их прибил вчера дождь, пригнулись к грязной земле. Мокрые жёлтые дорожки говорили о силе вчерашних потоков. Деревья с опрокинутой ветром листвой так и остались наклонёнными, точно забывшись в сладком предрассветном сне.

Тёма пошёл по главной аллее, потому что в каретнике надо было взять для петли вожжи. Что касается до жердей, то он решил выдернуть их из беседки...

Каретник оказался запёртым, но Тёма знал и без замка ход в него: он пригнулся к зем-

ле и подлез в подрывную собаками подворотню. Очутившись в сарае, он взял двое вожжей и захватил на всякий случай длинную верёвку, служившую для просушки белья.

При взгляде на фонарь он подумал, что будет удобнее осветить колодец фонарём, чем бумагой, потому что горящая бумага может упасть на Жучку — обжечь её.

Выбравшись из сарая, Тёма избрал кратчайший путь к беседке — перелез прямо через стену, отделявшую чёрный двор от сада. Он взял в зубы фонарь, намотал на шею вожжи, подвязался верёвкой и полез на стену. Он мастер был лазить, но сегодня трудно было взбираться: в голову точно стучали два молотка, и он едва не упал.

Взобравшись наверх, он на мгновение присел, тяжело дыша, потом свесил ноги и наклонился, чтобы выбрать место, куда прыгнуть. Он увидел под собой сплошные виноградные кусты и только теперь спохватился, что его всего забрызгает, когда он попадёт в свеженамоченную листву. Он оглянулся было назад, но, дорожа временем, решил прыгать. Он всё-таки наметил глазами более редкое место и спрыгнул прямо на чернеющий кусок земли. Тем не менее это его не спасло от брызг, так как надо было пробираться между сплошными кустами виноградника, и он вышел на дорожку совершенно мокрый. Эта холодная ванна мгновенно освежила его, и он почувствовал себя настолько бодрым и здоровым, что пустился рысью к беседке, взобрался проворно на горку, выдернул несколько самых длинных прутьев и большими шагами по откосу горы спустился вниз...

Подбежав к отверстию старого, заброшенного колодца, пустынно торчавшего среди глухой, поросшей только высокой травой местности, Тёма вполголоса позвал:

— Жучка, Жучка!

Тёма замер в ожидании ответа.

Сперва ничего, кроме биения своего сердца да ударов молотков в голове, не слышал. Но вот откуда-то издалека, снизу, донёсся до него жалобный, протяжный стон. От этого сто-на сердце Тёмы мучительно сжалось, и у него каким-то воплем вырвался новый громкий оклик:

— Жучка, Жучка!

На этот раз Жучка, узнав голос хозяина, радостно и жалобно завизжала.

Тёму до слёз тронуло, что Жучка его узнала.

— Милая Жучка! Милая, милая, я сейчас тебя вытащу! — кричал он ей, точно она понимала его.

Жучка ответила новым радостным визгом, и Тёме казалось, что она просила его поторопиться с исполнением обещания.

— Сейчас, Жучка, сейчас, — ответил ей Тёма и принялся с сознанием всей ответственности принятого на себя обязательства перед Жучкой выполнять свой сон.

Прежде всего он решил выяснить положение дела. Он почувствовал себя бодрым и напряжённым, как всегда.

Болезнь куда-то исчезла. Привязать фонарь, зажечь его и опустить в яму было делом одной минуты.

Тёма, наклонившись, стал вглядываться.

Фонарь тускло освещал потемневший сруб колодца, теряясь всё глубже и глубже в охва-

тившем его мраке, и наконец на трёхсаженной глубине осветил дно.

Тонкой глубокой щелью какой-то далёкой панорамы¹ мягко сверкнула перед Тёмой в бесконечной глубине мрака неподвижная, прозрачная, точно зеркальная, гладь вонючей поверхности, тесно обросшая со всех сторон слизистыми стенками полусгнившего сруба.

Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далёкой, нежно светившейся страшной глади. Он точно почувствовал на себе её прикосновение и содрогнулся за свою Жучку. С замиранием сердца заметил он в углу чёрную шевелившуюся точку и едва узнал, вернее, угадал в этой беспомощной фигурке свою некогда резвую, весёлую Жучку, державшуюся теперь на выступе сруба. Терять времени было нельзя. От страха, хватит ли у Жучки силы дожждаться, пока он всё приготовит, у Тёмы удвоилась энергия. Он быстро вытащил назад фонарь, а чтобы Жучка не подумала, очутившись опять в темноте, что он её бросил, Тёма во всё время приготовления кричал:

— Жучка, Жучка, я здесь!

И радовался, что Жучка отвечает ему постоянно тем же радостным визгом. Наконец всё было готово. При помощи вожжей фонарь и два шеста с перекладиной внизу, на которой лежала петля, начали медленно спускаться в колодец.

Но этот так обстоятельно обдуманый план потерпел неожиданное и непредвиденное фиаско

¹ Панора́ма — вид местности, открывающийся обычно с высоты.

благодаря стремительности Жучки, испортившей всё.

Жучка, очевидно, поняла только одну сторону идеи, а именно, что спустившийся снаряд имел целью её спасение, и поэтому, как только он достиг её, она сделала попытку схватиться за него лапами. Этого прикосновения было достаточно, чтобы петля бесполезно соскочила, а Жучка, потеряв равновесие, свалилась в грязь.

Она стала барахтаться, отчаянно визжа и тщетно отыскивая оставленный ею уступ.

Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было ещё спасти и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, что он сам устроил гибель своей любимице, заставляет Тёму, не думая, благо план готов, решиться на выполнение второй части сна — самому спуститься в колодец.

Он привязывает вожжи к одной из стоек, поддерживающих перекладину, и лезет в колодец. Он сознаёт только одно: что времени терять нельзя ни секунды.

Его обдаёт вонью и смрадом. На мгновение в душу закрадывается страх, как бы не задохнуться, но он вспоминает, что Жучка сидит там уже целые сутки; это успокаивает его, и он спускается дальше. Он осторожно щупает спускающейся ногой новую для себе опору и, найдя её, сначала пробует, потом твёрдо упирается и спускает следующую ногу.

Добравшись до того места, где застряли брошенные жердь и фонарь, отвязывает конец вожжи и спускается дальше. Вонь всё-таки даёт себя чувствовать и снова беспокоит и пугает его. Тёма начинает дышать ртом. Результат по-

лучается блестящий: вони нет, страх окончательно улетучивается.

Снизу тоже благополучные вести. Жучка, опять уже усевшаяся на прежнее место, успокоилась и весёлым попискиванием выражает сочувствие безумному предприятию.

Это спокойствие и твёрдая уверенность Жучки передаются мальчику, и он благополучно достигает дна.

Между ним и Жучкой происходит трогательное свидание друзей, не чаявших уже больше свидеться в этом мире. Он наклоняется, гладит её; она лижет его пальцы, и так как опыт заставляет её быть благоразумной — она не трогается с места, но зато так трогательно, так нежно визжит, что Тёма готов заплакать...

Не теряя времени, он, осторожно держась зубами за изгаженную вожжу, обвязывает свободным её концом Жучку, затем поспешно карабкается наверх.

Жучка, видя такую измену, подымает отчаянный визг, но этот визг только побуждает Тёму быстрее подниматься.

Но подниматься труднее, чем спускаться! Нужен воздух, нужны силы, а того и другого у Тёмы уже мало. Он судорожно ловит в себя всеми лёгкими воздух колодца, рвётся вперёд, и чем больше торопится, тем скорее оставляют его силы.

Тёма поднимает голову, смотрит наверх, в далёкое ясное небо, видит где-то высоко над собою маленькую весёлую птичку, беззаботно скачущую по краю колодца, и сердце его сжимается тоской: он чувствует, что не долезет.

Страх охватывает его. Он растерянно останавливается, не зная, что делать: кричать, плакать, звать маму? Чувство одиночества, бессилия, сознания гибели закрадывается в его душу...

— Не надо бояться, не надо бояться! — говорит он дрожащим от ужаса голосом. — Стыдно бояться! Трусы только боятся. Кто делает дурное — боится, а я дурного не делаю: я Жучку вытаскиваю, меня и папа и мама за это похвалят. Папа на войне был, там страшно, а здесь разве страшно? Здесь ни капельки не страшно. Вот отдохну и полезу дальше, потом опять, опять отдохну и опять полезу, так и вылезу, потом и Жучку вытащу. Жучка рада будет, все будут удивляться, как я её вытащил.

Тёма говорит громко, у него голос крепнет, звучит энергичнее, твёрже, и, наконец успокоенный, он продолжает взбираться дальше.

Когда он снова чувствует, что начинает уставать, он опять громко говорит себе:

— Теперь опять отдохну и потом опять полезу. А когда я вылезу и расскажу, как я смешно кричал сам на себя, все будут смеяться, и я тоже.

Тёма улыбается и снова спокойно ждёт прилива сил.

Таким образом, незаметно его голова высовывается наконец над верхним срубом колодца. Он делает последнее усилие, вылезает сам и вытаскивает Жучку.

Теперь, когда дело сделано, силы быстро оставляют его.

Почувствовав себя на твёрдой почве, Жучка энергично встряхивается, бешено бросается на грудь Тёмы и лижет его в самые губы. Но

этого мало, слишком мало для того, чтобы выразить всю её благодарность, — она кидается ещё и ещё. Она приходит в какое-то безумное неистовство.

Тёма бессильно, слабеющими руками отмахивается от неё, поворачивается к ней спиной, надеясь этим манёвром спасти хоть лицо от липкой, вонючей грязи.

Занятый одной мыслью — не испачкать об Жучку лицо, Тёма ничего не замечает, но вдруг его глаза случайно падают на кладбищенскую стену, и Тёма замирает на месте.

Он видит, как из-за стены медленно поднимается чья-то чёрная, страшная голова.

Напряжённые нервы Тёмы не выдерживают, он испускает неистовый крик и без сознания валится на траву, к великой радости Жучки, которая теперь уже свободно, без препятствий, выражает ему свою горячую любовь и признательность за спасение.

Еремей (это был он), подымавшийся со свеженакошенной травой со старого кладбища, увидев Тёму, сообразил, что надо спешить к нему на помощь.

Через час Тёма, лёжа на своей кроватке с ледяными компрессами на голове, пришёл в себя.

ГАРШИН
Всеволод Михайлович
1855—1888

СКАЗКА О ЖАБЕ И РОЗЕ

Жили на свете роза и жаба.

Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которые уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решётка с колышками, обделанными в виде четырёхгранных пик, когда-то выкрашенная зелёной масляной краской, теперь совсем облезла, рассохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки и, чтобы отбиваться от сердитого барбоса с компаниею прочих собак, подходившие к дому мужики.

А цветник от этого разрушения стал несколько не хуже. Остатки решётки заплели хмель, повилика с крупными белыми цветами и мышиный горошек, висевший целыми бледно-зелёными кучками, с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов. Колючие чертополохи на жирной и влажной почве цветника (вокруг него был большой тенистый сад) достигали та-

ких больших размеров, что казались чуть не деревьями. Жёлтые коровяки подымали свои усаженные цветами стрелки ещё выше их. Крапива занимала целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться её тёмною зеленью, особенно когда эта зелень служила фоном для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетавшая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг неё всё было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда она в первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, пронизавшего её тонкие лепестки розовым светом; в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить. Она не могла говорить; она могла только, склонив свою голову, разливать вокруг себя тонкий и свежий запах, и этот запах был её словами и молитвой.

А внизу, между корнями куста, на сырой земле, как будто прилипнув к ней плоским брюхом, сидела довольно жирная старая жаба, которая проохотилась целую ночь за червяками и мошками и под утро уселась отдыхать от трудов, выбрав местечко потенистее и посырее. Она сидела, закрыв перепонками свои жабыи глаза, и едва заметно дышала, раздувая грязно-серые бородавчатые и липкие бока и отставив одну безобразную лапу в сторону: ей было лень подвинуть её к брюху. Она не радовалась ни утру,

ни солнцу, ни хорошей погоде; она уже наелась и собралась отдыхать.

Но когда ветерок на минуту стихал и запах розы не уносился в сторону, жаба чувствовала его, и это причиняло ей смутное беспокойство; однако она долго ленилась посмотреть, откуда несётся этот запах.

В цветник, где роза росла и где сидела жаба, уже давно никто не ходил. Ещё в прошлом году осенью, в тот самый день, когда жаба, отыскав себе хорошую щель под одним из камней фундамента дома, собиралась залезть туда на зимнюю спячку, в цветник в последний раз зашёл маленький мальчик, который целое лето сидел в нём каждый ясный день под окном дома. Взрослая девушка, его сестра, сидела у окна; она читала книгу или шила что-нибудь и изредка поглядывала на брата. Он был маленький мальчик лет семи, с большими глазами и большой головой на худеньком теле. Он очень любил свой цветник (это был его цветник, потому что, кроме него, почти никто не ходил в это заброшенное местечко) и, придя в него, садился на солнышке, на старую деревянную скамейку, стоявшую на сухой песчаной дорожке, уцелевшей около дома, потому что по ней ходили закрывать ставни, и начинал читать принесённую с собой книжку.

— Вася, хочешь, я тебе брошу мячик? — спрашивает из окна сестра. — Может быть, ты с ним побегаешь?

— Нет, Маша, я лучше так, с книжкой.

И он сидел долго и читал. А когда ему надоело читать о робинзонах, и диких странах,

и морских разбойниках, он оставлял раскрытую книжку и забирался в чащу цветника. Тут ему был знаком каждый куст и чуть ли не каждый стебель. Он садился на корточки перед толстым, окружённым мохнатыми беловатыми листьями стеблем коровяка, который был втрое выше его, и подолгу смотрел, как муравьиный народ бегаёт вверх к своим коровам — травяным тлям, как муравей деликатно трогает тонкие трубочки, торчащие у тлей на спине, и подбирает чистые капельки сладкой жидкости, показывавшиеся на кончиках трубочек. Он смотрел, как навозный жук хлопотливо и усердно тащит куда-то свой шар, как паук, раскинув хитрую радужную сеть, сторожит мух, как ящерица, раскрыв тупую мордочку, сидит на солнце, блестя зелёными щитиками своей спины; а один раз, под вечер, он увидел живого ежа! Тут и он не мог удержаться от радости и чуть было не закричал и не захлопал руками, но, боясь спугнуть колючего зверька, притаил дыхание и, широко раскрыв счастливые глаза, в восторге смотрел, как тот, фыркая, обнюхивал своим свиным рыльцем корни розового куста, ища между ними червей, и смешно перебирал толстенькими лапами, похожими на медвежьи.

— Вася, милый, иди домой, сыро становится, — громко сказала сестра.

И ёжик, испугавшись человеческого голоса, живо надвинул себе на лоб и на задние лапы колючую шубу и превратился в шар. Мальчик тихонько коснулся его колючек; зверёк ещё больше съёжился и глухо-торопливо запыхтел, как маленькая паровая машина.

Потом он немного познакомился с этим ёжиком. Он был такой слабый, тихий и кроткий мальчик, что даже разная звериная мелкота как будто понимала это и скоро привыкала к нему. Какая была радость, когда ёж попробовал молока из принесённого хозяином цветника блюдечка!

В эту весну мальчик не мог выйти в свой любимый уголок. По-прежнему около него сидела сестра, но уже не у окна, а у его постели; она читала книгу, но не для себя, а вслух ему, потому что ему было трудно поднять свою исхудалую голову с белых подушек и трудно держать в тощих руках даже самый маленький томик, да и глаза его скоро утомлялись от чтения. Должно быть, он уже больше никогда не выйдет в свой любимый уголок.

— Маша! — вдруг шепчет он сестре.

— Что, милый?

— Что, в садике теперь хорошо? Розы расцвели?

Сестра наклоняется, целует его в бледную щёку и при этом незаметно стирает слезинку.

— Хорошо, голубчик, очень хорошо. И розы расцвели. Вот в понедельник мы пойдём туда вместе. Доктор позволит тебе выйти.

Мальчик не отвечает и глубоко вздыхает. Сестра начинает снова читать.

— Уже будет. Я устал. Я лучше посплю.

Сестра поправила ему подушки и белое одеяльце, он с трудом повернулся к стенке и замолчал. Солнце светило сквозь окно, выходящее на цветник, и кидало яркие лучи на постель и на лежавшее на ней маленькое тельце,

освещающая подушки и одеяло и золотая коротко остриженные волосы и худенькую шею ребёнка.

Роза ничего этого не знала: она росла и красовалась; на другой день она должна была распуститься полным цветом, а на третий начать вянуть и осыпаться. Вот и вся розовая жизнь! Но и в эту короткую жизнь ей довелось испытать немало страха и горя.

Её заметила жаба.

Когда она в первый раз увидела цветок своими злыми и безобразными глазами, что-то странное зашевелилось в жабьем сердце. Она не могла оторваться от нежных розовых лепестков и всё смотрела и смотрела. Ей очень понравилась роза, и она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:

— Постой, — прохрипела она, — я тебя слопаю.

Роза содрогнулась. Зачем она была прикреплена к своему стебельку? Вольные птички, щебетавшие вокруг неё, перепрыгивали и перелетали с ветки на ветку; иногда они уносились куда-то далеко, куда — не знала роза. Бабочки тоже были свободны. Как она завидовала им! Будь она такою, как они, она вспорхнула бы и улетила от злых глаз, преследовавших её своим пристальным взглядом. Роза не знала, что жабы подстерегают иногда и бабочек.

— Я тебя слопаю! — повторила жаба, стараясь говорить как можно нежнее, что выходило ещё ужаснее, и переползла поближе к розе.

— Я тебя слопаю! — повторяла она, всё глядя на цветок. И бледное создание с ужасом увидело, как скверные липкие лапы цепляются за ветки куста, на котором она росла. Однако жабе лезть было трудно: её плоское тело могло свободно ползать и прыгать только по ровному месту. После каждого усилия она глядела вверх, где качался цветок, и роза замирала.

— Господи! — молилась она. — Хоть бы умереть другою смертью!

А жаба всё карабкалась выше. Но там, где кончились старые стволы и начинались молодые ветки, ей пришлось немного пострадать. Тёмно-зелёная гладкая кора розового куста была вся усажена острыми и крепкими шипами. Жаба переколола себе о них лапы и брюхо и, окровавленная, свалилась на землю. Она с ненавистью посмотрела на цветок...

— Я сказала, что я тебя слопаю! — повторила она.

Наступил вечер; нужно было подумать об ужине, и раненая жаба поплелась подстерегать неосторожных насекомых. Злость не помешала ей набить себе живот, как всегда; её царапины были не очень опасны, и она решила, отдохнув, снова добираться до привлекавшего её и ненавистного ей цветка.

Она отдыхала довольно долго. Наступило утро, прошёл полдень, роза почти забыла о своём враге. Она совсем уже распустилась и была самым красивым созданием в цветнике. Некому было прийти полюбоваться ею: маленький хозяин неподвижно лежал на своей постели, сестра не отходила от него и не показывалась у окна.

Только птицы и бабочки сновали около розы, да пчёлы, жужжа, садились иногда в её раскрытый венчик и вылетали оттуда, совсем косматые от жёлтой цветочной пыли. Прилетел соловей, забрался в розовый куст и запел свою песню. Как она была не похожа на хрипение жабы! Роза слушала эту песню и была счастлива: ей казалось, что соловей поёт для неё, а может быть, это была и правда. Она не видела, как её враг незаметно взбирался на ветки. На этот раз жаба уже не жалела ни лапок, ни брюха: кровь покрывала её, но она храбро лезла всё вверх — и вдруг, среди звонкого и нежного рокота соловья, роза услышала знакомое хрипение:

— Я сказала, что слопаю, и слопаю!

Жабы глаза пристально смотрели на неё с соседней ветки. Злому животному оставалось только одно движение, чтобы схватить цветок. Роза поняла, что погибает...

Маленький хозяин уже давно неподвижно лежал на постели. Сестра, сидевшая у изголовья в кресле, думала, что он спит. На коленях у неё лежала развёрнутая книга, но она не читала её. Понемногу её усталая голова склонилась: бедная девушка не спала несколько ночей, не отходя от больного брата, и теперь слегка задремала.

— Маша, — вдруг прошептал он.

Сестра встрепенулась. Ей приснилось, что она сидит у окна, что маленький брат играет, как в прошлом году, в цветнике и зовёт её. Открыв глаза и увидев его в постели, худого и слабого, она тяжело вздохнула.

— Что, милый?

— Маша, ты мне сказала, что розы расцвели! Можно мне... одну?

— Можно, голубчик, можно! — Она подошла к окну и посмотрела на куст. Там росла одна, но очень пышная роза.

— Как раз для тебя распустилась роза, и какая славная! Поставить тебе её сюда на столик в стакане? Да?

— Да, на столик, мне хочется.

Девушка взяла ножницы и вышла в сад. Она давно уже не выходила из комнаты; солнце ослепило её, и от свежего воздуха у неё слегка закружилась голова. Она подошла к кусту в то самое мгновение, когда жаба хотела схватить цветок.

— Ах, какая гадкая! — вскричала она. И, схватив ветку, она сильно трянула её: жаба свалилась на землю и шлёпнулась брюхом. В ярости она было прыгнула на девушку, но не могла подскочить выше края платья и тотчас далеко отлетела, отброшенная носком башмака. Она не посмела попробовать ещё раз и только издали видела, как девушка осторожно срезала цветок и понесла его в комнату.

Когда мальчик увидел сестру с цветком в руке, то в первый раз после долгого времени слабо улыбнулся и с трудом сделал движение худенькой рукой.

— Дай её мне, — прошептал он. — Я понюхаю.

Сестра вложила стебелёк ему в руку и помогла подвинуть её к лицу. Он вдыхал в себя нежный запах и, счастливо улыбаясь, прошептал:

— Ах, как хорошо...

Потом его личико сделалось серьёзным и неподвижным, и он замолчал... навсегда.

Роза, хотя и была срезана прежде, чем начала осыпаться, чувствовала, что её срезали не даром. Её поставили в отдельном бокале у маленького гробика. Тут были целые букеты из других цветов, но на них, по правде сказать, никто не обращал внимания, а розу молодая девушка, когда ставила её на стол, поднесла к губам и поцеловала.

Маленькая слезинка упала с её щеки на цветок, и это было самым лучшим происшествием в жизни розы. Когда она начала вянуть, её положили в толстую старую книгу и высушили, а потом, уже через много лет, подарили мне. Потому-то я и знаю эту историю.

ГЛИНКА
Федор Николаевич
1786—1880

МОСКВА

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах...
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.

На твоих церквях старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных.
Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьёт златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернёт?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе, —
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?..

Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

ДАЛЬ
Владимир Иванович
1801—1872

У ТЕБЯ У САМОГО СВОЙ УМ

Козёл повадился в огород: бывало, как только пастухи выгонят гурт свой, то Васька мой сперва, как добрый, идёт, головой помахивает, бородой потряхивает; а как только ребятишки засядут в овражке где-нибудь в камешки играть, то Васька отправляется прямо в капусту.

Раз и пошёл он тем же знакомым путём, идёт себе да пофыркивает. В это время отбилась от гурта глупая овца, зашла в чашу, в крапиву да в лопушник; стоит, сердечная, да кричит, да оглядывается — не найдётся ли кто добрый человек, чтобы вывел из этой беды. Увидавши козла, обрадовалась она, как родному брату: пойду, дескать, хоть за ним. «Этот выведет: мне не первина за ним идти; у нас и впереди гурта тот козёл-вожак идёт, за ним ступай смело!»

Пошла овца наша, увязавшись за козлом. Он через овраг — она через овраг; он через тын — она через тын, и попала с ним же в огород.

На этот раз огородник заглянул как-то пораньше в капусту свою да и увидал гостей. Схватил он хворостину предолгую да кинулся на незваных. Козёл, как попроворнее, успел пере-

скочить опять через тын, мемекнул да и пошёл себе в чистое поле, а бедная овца замоталась, стала кидаться, оробев, во все стороны да и попалась. Не пожалел огородник хворостины своей: всю измочалил о бедную овцу так, что уже она кричит не своим голосом, да помощи нет ни от кого. Наконец огородник, подумавши про себя: чего доброго, ещё убьёшь дуру эту, да после хозяин привяжется, выгнал её в калитку и ещё-таки на дорогу вытянул во всю длину хворостиной.

Пришла овца домой, в гурт, да и плачется на козла; а козёл говорит:

— А кто велел тебе за мною хвостом бегать? Я пошёл в свою голову, так мой и ответ; коли мужик мне отомнёт бока, так я ни на кого плакаться не стану, ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, зачем-де не приглядел за мною, а уж буду молчать да терпеть. А тебя зачем нелёгкая понесла за мною? Я тебя не звал.

И козёл, хоть и плут, вор, а прав в этом деле. Смотри всяк своими глазами, раскидывай своим умом да и ступай туда, где лучше. И у нас то же бывает: один пустится на какой ни есть грех, а другой, на него глядя, за ним же, да после, как попадётся, и плачется на учителя. А разве у тебя у самого своего ума нет?

ИШИМОВА
Александра Осиповна
1805—1881

ИСТОРИЯ РОССИИ
В РАССКАЗАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Славяне

до 862 года христианского
летосчисления

Милые дети! Вы любите слушать чудесные рассказы о храбрых героях и прекрасных царевнах, вас веселят сказки о добрых и злых волшебницах. Но, верно, для вас еще приятнее будет слышать не сказку, а быль, т. е. сущую правду? Послушайте же, я расскажу вам о делах ваших предков.

В старину в отечестве нашем, России, не было таких прекрасных городов, как Петербург и Москва. На тех местах, где вы любуетесь теперь красивыми строениями, где вы так весело бегаєте в тени прохладных садов, некогда были непроходимые леса, топкие болота и дымные избушки; местами были и города, но вовсе не такие обширные, как в наше время. В них жили люди, красивые лицом и станом, гордые славными делами предков, честные, добрые и ла-

сковые дома, но страшные и непримиримые на войне. Их называли славянами. Верно, и самые маленькие из вас понимают, что значит слава? Славяне старались доказать, что недаром их называли так, и отличались всеми хорошими качествами, которыми можно заслужить славу.

Они были так честны, что в обещаниях своих вместо клятв говорили только: «Если я не сдержу моего слова, да будет мне стыдно!» — и всегда исполняли обещанное, так храбры, что и отдаленные народы боялись их, так ласковы и гостеприимны, что наказывали того хозяина, у которого гость был чем-нибудь оскорблён. Жаль только, что они не знали истинного Бога и молились не ему, а разным идолам. Идол — значит статуя, сделанная из дерева или какого-нибудь металла и представляющая человека или зверя.

Славяне разделялись на разные племена. У северных, или новгородских, славян не было и государя, что бывает у многих необразованных народов: они почитали начальником своим того, кто более всех отличался на войне. По этому вы видите, как они любили войну и все соединённое с ней. На поле, где сражались они и потом торжествовали победу или славную смерть погибших товарищей, можно было всего лучше видеть истинный характер славян. Жаль, что до нас не дошли песни, которые обыкновенно пелись в это время певцами. Мы хорошо узнали бы тогда их самих, потому что в песнях народных выражается народ. Но я могу предложить вам здесь несколько строк, из которых вы всё-таки получите понятие о славянах. Это от-

рывок из «Песни барда над гробом славян-победителей» Жуковского:

Ударь во звонкий щит! стекитесь, ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
Лишь пар над пеплом сел густой;
Лишь волк, сокрытый ночи мглой,
Очами блещущий, бежит на лов обильный;
Зажжём костёр дубов; изroyте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах.
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след
священной!

Гремит... раздался гул в дубраве
пробужденной!

Стеклись вождей и ратных сонм;
Глухой полнощи тьма кругом;
Пред ними вещий бард, венчаный сединою,
И падших страшный ряд, простёртых на
щитах.

Объяты думою, с поникнутой главою;
На грозных лицах кровь и прах;
Опёрлись на мечи; среди них костёр пылает,
И с свистом горный ветер их кудри воздымает.
И се! воздвигся холм, и камень водружён;
И дуб, краса полей, воспитанный веками,
Склонил главу на дерн, потоком орошён;
И се! могущими перстами
Певец ударил по струнам —
Одушевленны забряцали!
Воспел — дубравы застенали,
И гул помчался по горам.

Эта картина из жизни древних славян представлена прекрасно и верно.

Но эта самая воинственность, охраняя землю их, была причиной и большого зла для неё. Вы слышали уже, что, не имея государей, они почитали начальником своим того, кто более других отличался на войне, а так как они все были храбры, то иногда случалось, что таких начальников было много. Каждый из них хотел приказывать по-своему; народ не знал, кого слушать, и оттого были у них беспрестанные споры и несогласия. А ведь вы знаете, как несносны ссоры! И вам в ваших маленьких делах, верно, случалось уже испытать, какие неприятные последствия имеют они.

Славяне также видели, что во время несогласий их все дела шли у них дурно, и они даже переставали побеждать своих неприятелей. Долго не знали они, что делать, наконец придумали средство привести все в порядок.

На берегах Балтийского моря, не очень далеко от отечества нашего, жил народ по имени варяги-русь, происходивший от великих завоевателей в Европе — норманнов. Эти варяги-русь считались народом умным: у них давно уже были добрые государи, которые заботились о них так, как заботится добрый отец о детях, были и законы, по которым эти государи управляли, и оттого варяги жили счастливо и им удавалось даже иногда побеждать славян.

Вот старики славянские, видя счастье варягов и желая такого же своей родине, уговорили всех славян отправить послов к этому храброму и предприимчивому народу — просить у него

князей управлять ими. Послы сказали варяжским князьям: «Земля наша велика и богата, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами».

Начало Русского государства и первые государи русские

802—944 годы

Варяги-русь были рады такой чести, и три брата из князей их — Рюрик, Синеус и Трувор — тотчас поехали к славянам. Рюрик сделался государем в Нове-городе¹, самом старинном из городов славянских, Трувор — в Изборске, Синеус — в земле, лежащей около Белого озера. От этих-то варяго-русских князей славяне начали называться русскими, а земля их Русью или Россией. Синеус и Трувор скоро умерли, и Рюрик сделался один великим князем русским и основателем Русского государства. Он княжил счастливо два года с братьями и пятнадцать лет один.

Есть стихи, написанные одним из лучших поэтов наших, Державиным, на победы, одержанные русскими в Италии, во времена позднейшие, и в этих стихах есть изображение Рюрика. Так как всякое поэтическое описание гораздо живее действует на ум и долго остается в нём, нежели сделанное прозой, то я уверена, что вы навсегда оставите в памяти черты, в которых великий поэт представил первого государя России:

¹ Т. е. в Новгороде (прим. ред.).

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копье склонясь главою,
Событие слушает времён? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских¹ твёрдость стен?
Так, он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времён его хвала.
Так, он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале² звук своих побед
И перстом долу показывает
На росса³, что по нём идет.

После Рюрика остался маленький сын его Игорь, который еще не мог быть государем, и для того Рюрик просил своего родственника и товарища — Олега управлять государством, пока не вырастет Игорь. Олег был храбр и умён, победил много соседних народов и так увеличил Россию, что при нём она простиралась почти до гор Карпатских, которые лежат в Венгрии. Но Олег не совсем заслуживал похвалы. Вы увидите это сами.

Вместе с Рюриком приехали к славянам многие варяги, которые ещё на родине служили ему и, любя доброго начальника, не хотели расстаться с ним. Рюрик за это усердие дарил не-

¹ Здесь говорится о завоеваниях норманнов, которыми они приводили в ужас Западную Европу.

² Валкала назывался рай у языческих норманнов.

³ Это относится к Суворову.

которым из них деревни и селения славянские: от этого появились у нас помещики, т. е. такие бояре, которые владели людьми и землями. Но не все помещики были довольны своими поместьями: иным казалось веселее искать счастья на войне, нежели сидеть дома. Надобно сказать, что тогда люди очень любили войну. Это потому, что, будучи язычниками, они почитали непрременным долгом мстить за обиды, а обижали они друг друга очень часто. К тому же они мало учились и не понимали приятностей мира, который доставляет нам возможность предаться занятиям тихим, сладостным для сердца и полезным для ума. Они думали только о том, чтобы сражаться и побеждать своих врагов.

Двое из таких смелых воинов, Аскольд и Дир, отправились с товарищами к югу от Новгорода и на прекрасных берегах реки Днепр увидели маленький городок, который им очень понравился. Этот городок был Киев. Они, недолго думая, завладели им и сделались государями киевскими. Это государство можно назвать Южным, потому что оно лежало к югу от Новгородского.

Олег, управляя Новгородом после смерти Рюрика, слышал, что все приезжавшие из Киева хвалили новое княжество, и вздумал завоевать его. Но он знал, что князья киевские и народ их храбры, что они будут сражаться с такою же смелостью, как и его воины, и потому решил употребить хитрость. Подойдя к Киеву, он оставил войско сзади, приплыл к киевскому берегу в небольшой лодке только с Игорем и несколькими воинами и послал сказать государям киевским, что с ними желают видеться купцы варяжские из Новгорода, их друзья и земляки.

Аскольд и Дир были очень рады таким гостям и тотчас отправились на лодку. Но только они вошли туда, воины Олега окружили их, а сам Олег, подняв на руках маленького Игоря, сказал: «Вы не князья, но я князь, и вот сын Рюрика!» В эту самую минуту воины бросились на обоих князей киевских и убили их. Вот одно дурное дело Олега, а впрочем, он был хорошим опекуном маленького воспитанника своего, старался о пользе народа русского, соединил оба новых государства варягов в одно, сделал столицей Киев и так прославился своей храбростью, что даже греки в Константинополе боялись его и имени русского. Олег вел с ними войну, подходил к самым стенам славной столицы их, в знак победы повесил свой щит на воротах ее, собрал дань с греков, и, когда он возвратился в Киев, народ назвал его вещим — это значит почти то же, что всеведущим.

Славные дела его кратко и прекрасно описал Языков в стихотворении «Олег». Он представил, как наследовавший ему государь, молодой Игорь, вместе с народом справлял торжественную тризну, или поминки, по нём, и на этой тризне был, по обыкновению славян, певец, долженствовавший воспеть дела умершего. Но прочтите стихи Языкова с того самого места, как певец, или, как звали его славяне, баян, приходит в середину народа, торжествовавшего память знаменитого князя своего:

Вдруг, — словно мятеж усмиряется шумный
И чинно дорогу даёт,
Когда поседелый в добре и разумный
Боярин на вече идёт, —

Толпы расступились — и стал среди схода
С гусями в руках славянин.
Кто он? Он не князь и не княжеский сын,
Не старец, советник народа,
Не славный дружин воевода,
Не славный соратник дружин;
Но все его знают, он людям знаком
Красой вдохновенного гласа...
Он стал среди схода — молчанье кругом,
И звучная песнь раздалася!
Он пел, как премудр и как мужествен был
Правитель полночной державы,
Как первый он громом войны огласил
Древлян вековые дубравы;
Как дружно собирались в далёкий поход
Народы по слову Олега;
Как шли через пороги под грохотом вод
По высям днепровского берега;
Как по морю бурному ветер носил
Проворные русские чёлны;
Летела, шумела станица ветрил,
И прыгали чёлны через волны!
Как после, водима любимым вождем,
Сражалась, гуляла дружина
По градам и сёлам с мечом и огнём
До града царя Константина;
Как там победитель к воротам прибил
Свой щит, знаменитый во брани,
И как он дружину свою оделил
Богатствами греческой дани!
Умолк он — и радостным криком похвал
Народ отозвался несметный,
И братски баяна сам князь обнимал;
В стакан золотой и заветный
Он мёд наливал искрометный

И с ласковым словом ему подавал.
И, вновь наполняемый мёдом,
Из рук молодого владыки славян
С конца до конца меж народом
Ходил золотой и заветный стакан.

Олег управлял государством 33 года: добрый Игорь не хотел напоминать ему, что сам уже может княжить, и сделался государем русским только тогда, как умер Олег.

Игорь, как и все русские князья, был храбр, но не так счастлив, как Олег: при нём явились в первый раз в Россию печенеги — народ, который потом всегда был страшным врагом наших предков.

Печенеги поселились между реками Дон и Днепр, на лугах, где паслись стада их. Они не строили домов, но делали подвижные шатры или шалаши. Когда стада не находили более корма на лугах, они переносили шалаши на другое место и оставались там, пока была трава. Они сами и лошади их бегали очень скоро, по рекам же умели плавать, почти как рыбы. Это помогало им нападать на соседей своих, уводить в плен бедных жителей и избавляться от наказания. Злые печенеги даже нанимались на службу к таким народам, которые вели с кем-нибудь войну, и тогда-то злодействовали сколько им хотелось. Игорь, хотя и наложил на них дань, т. е. заставил каждого платить в казну свою, не мог прогнать их подалее от границ своего государства.

Еще несчастнее был поход его к древлянскому народу, который жил там, где теперь Волынская губерния. Древляне также были славян-

ского племени, их покорил Олег. Игорь ездил к ним для того, чтобы взять более дани, нежели сколько они всегда платили. Древлянам показалось это так обидно, что они забыли всё почтение, какое должно иметь к государю своему, и совершили ужасный грех: убили Игоря.

Так погиб этот несчастный государь. Он княжил 32 года, но не отличался никакими особенно примечательными делами.

Начало Москвы

1146—1155 годы

В то время когда народ киевский с радостью встречал нового великого князя своего Изяслава II Мстиславича, в отдаленной Суздальской области собирались враги рассуждать о том, как бы скорее выгнать его из Киева. Главный из этих врагов, кроме дяди его, суздальского князя Георгия, или Юрия, Владимировича Долгорукого, считавшего себя законным наследником киевского престола, был Святослав Олегович, брат несчастного Игоря, заключённого в Переяславский монастырь. Он готов был пожертвовать всем счастьем своим и даже жизнью, чтобы только освободить бедного Игоря из рук Изяслава. Думая, что Георгий — отец семи храбрых князей, ненавидевший великого князя, — скорее всех может помочь ему в войне с Киевом, он приехал к нему вместе с сыном своим Олегом.

Георгий ласково принял и угощал их в новом городе своём Москве. Но эта маленькая, бедная Москва вовсе не походила тогда на нашу нынешнюю белокаменную, гордую Москву — не

прошло и года от ее построения. Многие ещё называли ее не Москвою, а Кучковым. Это название произошло от того, что прежде на месте, где она построена, было несколько сёл и деревень богатого боярина Степана Ивановича Кучки. Георгий был недоволен каким-то дерзким поступком этого боярина и приказал убить его, а сёла взять в казну.

Через некоторое время он приехал вместе с любимым сыном своим, прекрасным и храбрым Андреем, посмотреть имение убитого боярина. В одной из деревень жили сироты Кучки — два сына и дочь. Необыкновенная красота этой молодой девушки удивила обоих князей. Отец упрекал себя, что причинил несчастье такому милому и нежному созданию, сын говорил с восхищением, что во всём свете нет девушки добрее прелестной сироты Кучковой, и умолял отца позволить ему жениться на ней. «Родитель, — говорил добрый Андрей, — ты облегчишь этим горестную судьбу бедных детей, у которых отнял отца». Георгий, нежно любивший сына, не мог отказать неотступным просьбам его; он велел готовиться к свадьбе и позволил сыну взять к себе на службу братьев невесты. Между тем красивые места по берегам реки Москвы так понравились ему, что он вздумал основать тут городок и назвал его по имени реки — Москвою. Андрей был очень доволен этим: ему казалось, что не было места лучше того, где узнал он милую невесту свою. Здесь праздновали свадьбу, и здесь-то через некоторое время Георгий Владимирович угощал Святослава Олеговича и бояр его, собираясь вместе с ними идти к Киеву.

Но прежде чем успели собраться защитники Игоря, этот несчастный князь был взят силою из монастыря и убит народом. Такое злодейство ещё более ожесточило Святослава Олеговича: он мог подозревать, что великий князь сам позволил народу это убийство, и ещё более начал просить Георгия поспешить с походом. Но Георгий, соглашаясь помогать ему, думал более о собственных выгодах, нежели о нём; он хотел мстить Изяславу II не за Игоря, а за киевский престол, и потому неудивительно, что он обращал мало внимания на просьбы его и, верно, ещё долго бы медлил, если бы великий князь не сделал ему новой жестокой обиды: он напал с новгородцами на суздальские города его, жёг и разорял их и наконец выгнал из Киева сына Георгия Ростислава, прежнего друга своего. Всё это заставило Георгия решиться. Он выступил со Святославом и наёмными половцами.

Пять лет продолжалась эта война почти беспрестанно. В небольшие промежутки мира киевляне имели государями своими то Георгия Владимировича, то Изяслава Мстиславича, то ещё третьего князя — Вячеслава, старшего сына Владимира Мономаха. Этот последний князь более всех имел право быть государем киевским, но он был тихого, нечестолюбивого нрава, никогда не искал сам престола, но принимал его всякий раз, когда Изяслав II предлагал ему. Изяслав же делал это для того, чтобы от его имени управлять государством. Вячеслав был уже так стар, что не мог заниматься делами, и отдавал всё во власть Изяслава Мстиславича, которому обязан был именем великого князя. Однако, несмотря на старость свою, Вячеслав

пережил своего племянника. Война с Георгием ещё не была окончена, как умер Изяслав II. Вскоре после него скончался и старый Вячеслав Владимирович, и тогда-то честолюбивый князь суздальский достиг своего желания. Никто уже не спорил с ним: как старший из всех князей, он был законный наследник Великого княжества, и киевляне должны были покориться, хотя и не любили его.

КОЗЛОВ
Иван Иванович
1779—1840

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда весёлых, молодых!
И крепок их могильный сон;
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесёт;
Другой певец по ней пройдёт,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!

КРЫЛОВ
Иван Андреевич
1769—1844

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна с вином,
Другая
Пустая.
Вот первая себе без шуму и шажком
Плетётся,
Другая вскачь несётся;
От ней по мостовой и стукотня, и гром,
И пыль столбом;
Прохожий к стороне скорей от страху
жмётся,
Её заслышавши издалека.
Но как та Бочка ни громка,
А польза в ней не так, как в первой,
велика.

Кто про свои дела кричит всем без умолку,
В том, верно, мало толку;
Кто дёлов¹ истинно, — тих часто на словах.
Великий человек лишь громок на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

¹ Дёлов — деловой, трудолюбивый.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала: —
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ: —
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдёт,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

ЛЕРМОНТОВ

Михаил Юрьевич

1814—1841

АШИК-КЕРИБ

Турецкая сказка

Давно тому назад, в городе Тифлизе, жил один богатый турок; много аллах дал ему золота, но дороже золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери; хороши звёзды на небеси, но за звёздами живут ангелы, и они ещё лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза. Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб; пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых; на одной свадьбе он увидел Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить её руку — и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул; в это время шла мимо Магуль-Мегери с своими подругами; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечник), отстала и подошла к нему. «Что ты спишь под виноградником, — запела она, — вставай, безумный, твоя газель идет мимо»; он проснулся — девушка порхнула прочь, как птичка; Магуль-Мегери слышала её песню и стала её бранить. «Если б

ты знала, — отвечала та, — кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб». — «Веди меня к нему», — сказала Магуль-Мегери; и они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать. «Как мне не грустить, — отвечал Ашик-Кериб, — я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею». — «Проси мою руку у отца моего, — говорила она, — и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоём достанет». — «Хорошо, — отвечал он, — положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери; но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан; нет, милая Магуль-Мегери, я положил зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажать себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею». Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за неё сватается.

Пришёл Ашик-Кериб к своей матери, взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, опёрся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, он смотрит — это Куршуд-бек. «Добрый путь, — кричал ему бек, — куда бы ты ни шёл, странник, я твой товарищ»; не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать; долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду. «Плы-ви вперёд, — сказал Куршуд-бек, — я за тобою

последую». Ашик сбросил верхнее платье и поплыл; переправившись, глядь назад — о, горе! о, всемогущий Аллах! Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеёю по гладкому полю. Прискакав в Тифлиз, несёт бек платье Ашик-Кериба к его старой матери. «Твой сын утонул в глубокой реке, — говорит он, — вот его одежда». В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливаться их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к наречённой невестке своей, Магуль-Мегери. «Мой сын утонул, — сказала она ей, — Куршуд-бек привёз его одежды; ты свободна». Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала: «Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем», — она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришёл бос и наг в одну деревню; добрые люди одели его и накормили; он за то пел им чудные песни; таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город; и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф; по обыкновению, взшёл в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников; многих к нему приводили — ни один ему не понравился; его чауши измучились, бегая по городу; вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос; они туда. «Иди с нами к великому паше, — закричали они, — или ты отвечаешь нам головою». — «Я человек вольный, странник из города Тифлиза, — говорит Ашик-Ке-

риб, — хочу пойду, хочу нет; пою, когда придет-ся, и ваш паша мне не начальник». Однако, не-смотря на то, его схватили и привели к паше. «Пой», — сказал паша, и он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба. Посы-палось к нему серебро и золото, заблистали на нём богатые одежды; счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат; забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, толь-ко срок истекал, последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться; в это время отправляется один купец с керва-ном из Тифлиза с сорока верблюдами и восе-мьюдесятью невольниками; призывает она купца к себе и даёт ему золотое блюдо. «Возьми ты это блюдо, — говорит она, — и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом». Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде пору-чение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай — и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца. «Это моё», — сказал он, схватив его рукою. «Точно твоё, — сказал купец, — я узнал тебя, Ашик-Кериб; сту-пай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она вый-

дет за другого». В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дни до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собою суму с золотыми монетами и поскакал, не жалея коня; наконец, измученный бегун упал бездыханный на Арзинган-горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дни. «Аллах всемогущий, — воскликнул он, — если ты уж мне не помогаешь, то мне нечего на земле делать», — и хочет он броситься с высокого утёса; вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос: «Оглан, что ты хочешь делать?» — «Хочу умереть», — отвечал Ашик. «Слезай же сюда, если так, я тебя убью». Ашик спустился кое-как с утёса. «Ступай за мною», — сказал грозно всадник. «Как я могу за тобою следовать, — отвечал Ашик, — твой конь летит, как ветер, а я отягощён сумою». — «Правда; повесь же суму свою на седло мое и следуй». Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать. «Что ж ты отстаешь?» — спросил всадник. «Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен». — «Правда, садись же сзади на коня моего и говори всю правду, куда тебе нужно ехать». — «Хоть бы в Арзерум поспеть нонче», — отвечал Ашик. «Закрой же глаза». Он закрыл. «Теперь открой». Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзрума. «Виноват, Ага, — сказал Ашик, — я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Карс». — «То-то же, — отвечал всадник, — я предупредил тебя, чтобы ты говорил мне сущую правду; закрой же опять глаза, — теперь открой». Ашик себе не

верит — то, что это Карс. Он упал на колени и сказал: «Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня; мне по-настоящему надо в Тифлизи». — «Экой ты неверный, — сказал сердито всадник, — но, нечего делать, прощаю тебе: закрой же глаза. Теперь открой», — прибавил он по прошествии минуты. Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику: «Ага, конечно, благодеяние твоё велико, но сделай ещё больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлизи, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство». — «Наклонись, — сказал тот, улыбнувшись, — и возьми из-под копыта коня комок земли и положи себе за пазуху; и тогда если не станут верить истине слов твоих, то вели к себе привести слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза — и она увидит». Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову, всадник и конь исчезли; тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хаде-рилиаз (св. Георгий).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой; стучит он в двери дрожащею рукою, говоря: «Ана, ана (мать), отвори: я божий гость, я холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня». Слабый голос старухи отвечал ему: «Для ночлега путников есть дома богатых и сильных, есть теперь в городе свадьбы — ступай туда; там можешь про-

вести ночь в удовольствии». — «Ана, — отвечал он, — я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сынапусти меня». Тогда сестра его говорит матери: «Мать, я встану и отворю ему двери». — «Негодная, — отвечала старуха, — ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слёз потеряла зрение». Но дочь, не внимая ее упрёкам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба: сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться, и видит он: на стене висит в пыльном чехле его сладкозвучная сааз. И стал он спрашивать у матери: «Что висит у тебя на стене?» — «Любопытный ты гость, — отвечала она, — будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом». — «Я уж сказал тебе, — возразил он, — что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?» — «Это сааз, сааз», — отвечала старуха сердито, не веря ему. «А что значит сааз?» — «Сааз то значит, что на ней играют и поют песни». И просит Ашик-Кериб, чтоб она позволила сестре снять сааз и показать ему. «Нельзя, — отвечала старуха, — это сааз моего несчастного сына, вот уже семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до неё не дотрагивалась». Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему; тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву: «О! всемогущий Аллах! если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней». И он ударил по

медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: «Я бедный Кериб (нищий) — и слова мои бедны; но великий Хадерилияз помог мне спуститься с крутого утёса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника». После этого мать его зарыдала и спрашивает его: «Как тебя зовут?» — «Рашид» (храбрый), — отвечал он. «Раз говори, другой раз слушай, Рашид, — сказала она, — своими речами ты изрезал сердце моё в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет я ослепла от слёз; скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придёт?» — И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя её сыном, но она не верила, и спустя несколько времени просит он: «Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и всё, что получу, принесу сюда и разделю с вами». — «Не позволю, — отвечала старуха, — с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому». Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны, «а если хоть одна струна порвётся, — продолжал Ашик, — то отвечаю моим имуществом». Старуха ощупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его; проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршудбека. Куршудбек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой

(занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил: «Селям алейкум, вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню». — «Почему же нет? — сказал Куршуд-бек. — Сюда должны быть впускаемы песельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь, Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота».

Тогда Куршуд-бек спросил его: «А как тебя зовут, путник?» — «Шинды Гёрурсез (скоро узнаете)». — «Что это за имя, — воскликнул тот со смехом. — Я первый раз такое слышу!» — «Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал, им отвечали: шинды гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя». — После этого он взял сааз и начал петь:

«В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог мне дал крылья, и я прилетел сюда в день».

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув: «Ты лжёшь; как можно из Халафа приехать сюда в день?»

«За что ж ты меня хочешь убить, — сказал Ашик, — певцов обыкновенно со всех четырёх сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте».

«Пускай продолжает», — сказал жених, и Ашик-Кериб запел снова:

«Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карсе, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору: Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери».

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую. «Так-то ты сдержала свою клятву, — сказали ее подруги, — стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека». — «Вы не узнали, а я узнала милый мне голос», — отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств. Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив: «Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при его рождении, того он не минует».

Придя в чувства, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

«Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, — сказал жених, — но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?» — «В доказательство истины, — отвечал Ашик, — сабля моя перерубит камень, если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска; но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала свету божье-

го, и я возвращу ей зрение». Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери и услышав такую речь, побежала к матери. «Матушка! — закричала она, — это точно брат и точно твой сын Ашик-Кериб», — и, взяв её под руку, привела старуху на пир свадебный. Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развёл его водою и намазал матери глаза, промолвил: «Знайте все люди, как могущ и велик Хадрилиаз», — и мать его прозрела. После этого никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери. Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему: «Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу, сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми её за себя — и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери».

ДАРЫ ТЕРЕКА

(Отрывок)

Терек воеет, дик и злобен,
Меж утёсистых громад,
Буре плач его подобен,
Слёзы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Поголял я на просторе,

Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.

Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов, им на славу,
Стадо целое пригнал».

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

НИЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От жажды, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

НЕКРАСОВ

Николай Алексеевич

1821—1878

* * *

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеётся, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она её смех молодой...

(Отрывок из поэмы «Саша»)

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живётся легко.
Вчера, утомлённый ходьбой по болоту,
Забрёл я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся весёлого солнца лучи.

Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз:
Чу! шёпот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шёпот опять!

ПЕРВЫЙ ГОЛОС

«Борода!

ВТОРОЙ

А барин, сказали!..

ТРЕТИЙ

Потише вы, черти!

ВТОРОЙ

У бар борода не бывает — усы.

ПЕРВЫЙ

А ноги-то длинные, словно как жерди.

ЧЕТВЕРТЫЙ

А вона на шапке, глядитко — часы!

ПЯТЫЙ

Ай, важная штука!

ШЕСТОЙ

И цепь золотая...

СЕДЬМОЙ

Чай, дорого стоит?

ВОСЬМОЙ

Как солнце горит!

ДЕВЯТЫЙ

А вона собака — большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

ПЯТЫЙ

Ружьё! поглядитко: стволина двойная,
Замочки резные...

ТРЕТИЙ (с испугом)

Глядит!

ЧЕТВЕРТЫЙ

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

ТРЕТИЙ

Прибьёт...»

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стайей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился — снова явились,
Глазёнки мелькают в щели.
Что́ было со мною — всему подивились
И мой приговор изрекли:
Такому-то гусю уж что́ за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота.
Так рядом с Гаврилой... «Услышит, молчи!»

О, милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я всё-таки должен сознаться открыто,
Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.

Счастливым народ! Ни науки, ни неги
Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набег:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хватъ
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «попался спроста!»
За то мы потом их губили довольно
И клали рядом на перилы моста,
Должно быть, за подвиги славы мы ждали.
У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнёт с Волочка, до Казани дойдёт!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернёт:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найпаче
На Господа Бога во всём потрафлять
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на Бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет мёду со пчёл, урожаю с земли,
И только в одном ему счастье было,

Что волосы из носу шибко росли...»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь — им всё покажи.
Прохожий заснёт под свои прибаутки,
Ребята за дело — пилить и строгать!
Иступят пилу — не наточишь и в сутки!
Сломают бурав — и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ...
Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли — навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
Тут драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки, обедать пора.
Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка... у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал своё —
Не пьет! отступились...
Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит бельё,
Кто нянчит сестрёнку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведёрко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:

Сплела себе славный венок,
Все беленькой, желтенькой, бледно-лиловой
Да изредка красный цветок.
Те спят на припёке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рождённой
И в фартуке с поля домой принесённой,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди — уж чернёхоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит — содом, суматоха!
Вот старый глухарь с обליнялым крылом
В кусту завозился... ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством...

— Довольно, Ванюша! гулял ты не мало,
Пора за работу, родной! —
Но даже и труд обернётся сначала
К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растёт, наливают зерно:
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,
Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребёнок

И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «полезай, пострелёнок!»
Ванюша в деревню въезжает царём...
Однако же зависть в дворянском дитяти
Посеять нам было бы жаль.
И так, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребёнок свободно
Растёт, не учась ничему,
Но вырастет он, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
За то беспощадно едят его мошки,
За то ему рано знакомы труды...

Однажды, в студёную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведёт под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!
— Здорово, парнище! — «Ступай себе

мимо!»

— Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки? — «Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу».

(В лесу раздавался топор дровосека.)

— А что́, у отца-то большая семья? —

«Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я...»

— Так вон оно что! А как звать тебя? —

«Власом».

— А кой тебе годик? — «Шестой миновал...

Ну, мертвая!» — крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребёнок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,
И снег до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы,
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли всеяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти — дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!
Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните своё вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..
Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
— Эй! воры идут! — закричал я Фингалу: —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей! —
Фингалушка скорчил серьёзную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лёг — и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки

Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!»
— Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха! —
«Смотри — умирает — смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актёр залился оглушительным лаем,
А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела.
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: тёмная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождём ребяташки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА¹

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нём:

¹ Светлый праздник, Святая — автор имеет в виду Пасху, самый почитаемый праздник Православной церкви.

Берёза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева — долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шёл.

Ни озера, дети,
Забуть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Её вспоминаю
Охотно всегда...

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В Страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжёлых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:
Кто плотник, кто слесарь
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь, и ругаться,
Да день не такой!
Идёт кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!¹

Смотрите — красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой²
И суриком³ глаз;

Он кисти и краски
Несёт за плечом,
И словно ландкарта⁴
Передник на нём.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И, словно солдаты,
Все в ногу идут,

¹ Аршин — старинная мера длины, меньше метра; здесь: равная аршину полоска из тонкой кожи, которой портной снимает мерку.

² Охра — жёлтая или красная краска.

³ Сурик — красно-оранжевая или красно-коричневая краска.

⁴ Ландкарта — географическая карта.

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плéчах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С весёлой душой...

ТИШИНА

(Отрывок)

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни зámков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашёл я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но тыдохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!
Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —

Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленьи посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозой выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенок тишину,
И нив широкие размеры...
Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!

НИКИТИН
Иван Саввич
1824—1861

* * *

В синем небе плывут над полями
Облака с золотыми краями;
Чуть заметен над лесом туман,
Тёплый вечер прозрачно-румян.

Вот уж веет прохладой ночью;
Грезит колос над узкой межою;
Месяц огненным шаром встаёт,
Красным заревом лес обдаёт.

Кротко звёзд золотое сиянье,
В чистом поле покой и молчанье;
Точно в храме, стою я в тиши
И в восторге молюсь от души.

МУЗЫКА ЛЕСА

Без конца поля
Развернулись,
Небеса в воде
Опрокинулись.
За крутой курган
Солнце прячется,
Облаков гряда

Развернулась.
Поднялись, растут
Горы медные,
На горах дворцы
Золочёные.
Между гор мосты
Перекинуты,
В серебро и сталь
Позакованы.
По траве, по ржи
Тени крадутся,
В лес густой бегут,
Собираются.
Лес стоит, покрыт
Краской розовой,
Провожает день
Тихой музыкой.
Разливайтесь,
Звуки чудные!
Сам не знаю я,
Что мне весело...
Всё мне кажется,
Что давным-давно
Где-то слышал я
Эту музыку.
Всё мне помнится
Сумрак вечера,
Тесной горенки
Стены тёмные.
Огонёк горел
Перед образом,
Как теперь горит
Эта звёздочка.
На груди моей
Милой матушки
Я дремал, и мне

Песни слышались.
Были песни те
Звуки райские,
Неземная жизнь
От них веяла!..
И тогда сквозь сон
Всё мне виделся
Яркий блеск и свет
В тёмной горенке.
Не от этого ль
Так мне весело
Слушать в сумерки
Леса музыку,
Что при ней одной
Детство помнится,
Безотрадный день
Забывается?

* * *

Помню я: бывало, няня,
Долго сидя за чулком,
Молвит: «Баловень ты, Ваня,
Все дурачишься с котом.

Встань, подай мою шубейку:
Что-то холодно, дрожу...
Да присядь вот на скамейку,
Сказку длинную скажу».

И старушка с расстановкой
До полночи говорит.
С приподнятою головкой
Я сижу. Свеча горит.

Петухи давно пропели.
Поздно. Тянется ко сну...
Где-то дрожки прогремели...
И под говор я засну.

Сон покоен. Утром встанешь —
Прямо в садик... Рай земной!
Песни, говор... А как глянешь
На росинки — сам не свой!

Чуть сорока защекочет —
Понимаешь, хоть молчишь,
Упрекнуть она, мол, хочет:
«Здравствуй, Ваня! Долго спишь!»

ПЛЕЩЕЕВ
Алексей Николаевич
1825—1893

ДЕТИ И ПТИЧКА

«Птичка! Нам жаль твоих песенок звонких!
Не улетай от нас прочь... Подожди!» —
«Милые крошки! Из вашей сторонки
Гонят меня холода и дожди.
Вон на деревьях, на крыше беседки
Сколько меня поджидает друг!

Завтра вы спать ещё будете, детки,
А уж мы все понесёмся на юг.
Нет там ни стужи теперь, ни дождей,
Ветер листы не срывает с ветвей,
Солнышко в тучи не прячется там...» —
«Скоро ли, птичка, вернёшься ты к нам?» —

«Я с запасом новых песен
К вам вернусь, когда с полей
Снег сойдёт, когда в овраге
Зажурчит, блестя, ручей —
И начнёт под вешним солнцем
Вся природа оживать...
Я вернусь, когда, малютки,
Вы уж будете читать!»

ДЕТСТВО

Мне вспомнились детские дальние годы
И тот городок, где я рос,
Приходского храма угрюмые своды,
Вокруг него зелень берёз.

Бывало, едва лишь вечерней прохладой
Повеет с соседних полей,
У этих берёз, за церковной оградой,
Сойдётся нас много, детей.

И сам я не знаю, за что облюбили
Мы это местечко, но нам
Так милы дорожки заглохшие были,
Сирень, окружавшая храм.

Там долго весёлый наш крик раздавался,
И не было играм конца;
Там матери нежный упрёк забывался
И выговор строгий отца.

Мы птичек к себе приручали проворных,
И поняли скоро оне,
Что детской рукой рассыпаются зёрна
Для них на церковном окне.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?
Иные далёко, а те уж в могилах...
Рассеялась наша семья!

Один мне всех памятей: кротко светились
Глаза его, был он несмел;
Когда мы, бывало, шумели, резвились,
Он молча в сторонке сидел.

И лишь улыбался, но доброго взора
С игравшей толпы не спускал.
Забитый, больной, он дружился не скоро,
Зато уж друзей не менял.

Двух лет сиротой он остался; призрела
Чужая семья бедняка.
Попрёки, толчки он терпел то и дело,
Без слёз не едал и куска.

Плохой он работник был в доме, но жадно
Читал всё и ночью и днём.
И что бы ни вычитал в книжках, так
складно,
Бывало, расскажет потом.

Расскажет, какие на свете есть страны,
Какие там звери в лесах,
Как тянутся в знойной степи караваны,
Как ловят акулу в морях.

Любили мы слушать его, и казался
Другим в те минуты он нам:
Нежданно огнём его взор загорался
И кровь прилиwała к щекам.

Он, добрый, голодному нашему брату
Отдать был последнее рад.
И часто дивился: зачем те богаты —
А эти без хлеба сидят?

Что случилось с тобою? Свела ли в могилу
Беднягу болезнь и нужда?
Иль их одолел ты, нашёл в себе силу
Для честной борьбы и труда?

Быть может, пустился ты в дальние страны
Свободы и счастья искать;
И всё ты увидел, что стало так рано
Ребяческий ум твой пленять.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Все, все разбрелись вы, друзья...
Иные далёко, а те уж в могилах...
Рассеялась наша семья!

А там, за оградой, всё так же сирени
Цветут, и опять вечерком
Малютки на старой церковной ступени
Болтают, усевшись рядком.

Там долго их говор и смех раздаются,
И звонкие их голоски
Тогда лишь начнут затихать, как зажгутся
В домах городских огоньки...

ПОЛОНСКИЙ
Яков Петрович
1819—1898

* * *

Я помню, как детьми, с румяными щеками,
По снегу хрупкому мы бегали с тобой —
Нас добрая зима косматыми руками
Ласкала и к огню сгоняла нас клюкой;
А поздним вечером твои сияли глазки
И на тебя глядел из печки огонёк,
А няня старая нам сказывала сказки,
О том, как жил да был на свете дурачок...

ПУШКИН
Александр Сергеевич
1799—1837

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!¹
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота²
На чёрный отдалённый путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.

ОТРЫВКИ ИЗ РОМАНА
«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

* * *

Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;

¹ Голубка дряхлая моя — так ласково называет Пушкин свою няню Арину Родионовну, к которой обращается в этом стихотворении.

² Ворóты (старинная форма) — ворота.

С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок...

* * *

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!

Вот, окружён своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклонённой
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приёмный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружён,
Глядел на грозный пламень он.

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несёшься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождём.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

СУРИКОВ
Иван Захарович
1841—1880

В НОЧНОМ

Летний вечер. За лесами
Солнышко уж село;
На краю далёком неба
Зорька заалела;

Но и та потухла. Топот
В поле раздаётся:
То табун коней в ночное
По лугам несётся.

Ухватя коней за гриву,
Скачут дети в поле.
То-то радость и веселье,
То-то детям воля!

По траве высокой кони
На просторе бродят;
Собрались дети в кучку,
Разговор заводят.

Мужички сторожевые
Улеглись под лесом
И заснули... Не шелохнет
Лес густым навесом.

Всё темней, темней и тише
Смолкли к ночи птицы;
Только на́ небе сверкают
Дальние зарницы.

Кой-где звякнет колокольчик,
Фыркнет конь на воле,
Хрупнет ветка, куст — и снова
Всё смолкает в поле.

И на ум приходят детям
Бабушкины сказки:
Вот с метлой несётся ведьма
На ночные пляски;

Вот над лесом мчится леший
С головой косматой,
А по небу, сыпля искры,
Змей летит крылатый;

И какие-то все в белом
Тени в поле ходят...
Детям боязно — и дети
Огонёк разводят.

И трещат сухие сучья,
Разгораясь жарко,
Освещая тьму ночную
Далеко и ярко.

ТОЛСТОЙ

Лев Николаевич

1828—1910

ДЕТСТВО

(Главы)

Детство

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений.

Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своём высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Матап говорит с кем-нибудь, и звуки голоса её так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! Отуманенными дремотой глазами я пристально смотрю на её лицо, и вдруг она сделалась вся маленькая, маленькая — лицо её не больше пуговки; но оно мне всё так же ясно видно: вижу, как она взглянула на меня и как улыбнулась. Мне нравится видеть её такой крошечной. Я прищури-

ваю глаза ещё больше, и она делается не больше тех мальчиков, которые бывают в зрачках; но я пошевелился — и очарование разрушилось; я суживаю глаза, поворачиваюсь, всячески стараюсь возобновить его, но напрасно.

Я встаю, с ногами забираюсь и уютно укладываюсь на кресло.

— Ты опять заснёшь, Николенька, — говорит мне татап, — ты бы лучше шёл наверх.

— Я не хочу спать, мамаша, — ответишь ей, и неясные, но сладкие грёзы наполняют воображение, здоровый детский сон смыкает веки, и через минуту забудешься и спишь до тех пор, пока не разбудят. Чувствуешь, бывало, впросонках, что чья-то нежная рука трогает тебя; по одному прикосновению узнаёшь её и ещё во сне невольно схватишь эту руку и крепко, крепко прижмёшь к губам.

Все уже разошлись; одна свеча горит в гостиной; татап сказала, что она сама разбудит меня; это она присела на кресло, на котором я сплю, своей чудесной нежной ручкой провела по моим волосам, и над ухом моим звучит милый знакомый голос:

— Вставай, моя душечка: пора идти спать.

Ничьи равнодушные взоры не стесняют её: она не боится излить на меня всю свою нежность и любовь. Я не шевелюсь, но ещё крепче целую её руку.

— Вставай, мой ангел.

Она другой рукой берёт меня за шею, и пальчики её быстро шевелятся и щекотят меня. В комнате тихо, полутемно; нервы мои возбуждены щекоткой и пробуждением; мамаша сидит подле самого меня; она трогает меня;

я слышу её запах и голос. Всё это заставляет меня вскочить, обвить руками её шею, прижать голову к её груди и, задыхаясь, сказать:

— Ах, милая, милая мамаша, как я тебя люблю!

Она улыбается своей грустной, очаровательной улыбкой, берёт обеими руками мою голову, целует меня в лоб и кладёт к себе на колени.

— Так ты меня очень любишь? — Она молчит с минуту, потом говорит: — Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай. Если не будет твоей мамыши, ты не забудешь её? не забудешь, Николенька?

Она ещё нежнее целует меня.

— Полно! и не говори этого, голубчик мой, душечка моя! — вскрикиваю я, целуя её колени, и слёзы ручьями льются из моих глаз — слёзы любви и восторга.

После этого, как, бывало, придёшь наверх и станешь перед иконами, в своём ваточном халатце, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, Господи, папеньку и маменьку». Повторяя молитвы, которые в первый раз лепетали детские уста мои за любимой матерью, любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство.

После молитвы завернёшься, бывало, в одеяльце; на душе легко, светло и отраднo; одни мечты гонят другие, — но о чём они? Они неуловимы, но исполнены чистой любовью и надеждами на светлое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карле Иваныче и его горькой участи — единственном человеке, которого я знал несчастливым, — и так жалко станет, так полюбишь его, что слёзы потекут из глаз, и думаешь: «Дай Бог

ему счастья, дай мне возможность помочь ему, облегчить его горе; я всем готов для него пожертвовать». Потом любимую фарфоровую игрушку — зайчика или собачку — уткнёшь в угол пуховой подушки и любишься, как хорошо, тепло и уютно ей там лежать. Ещё молишься о том, чтобы дал Бог счастья всем, чтобы все были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернёшься на другой бок, мысли и мечты перепутаются, смешаются, и уснёшь тихо, спокойно, ещё с мокрым от слёз лицом.

Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели — невинная весёлость и беспредельная потребность любви — были единственными побуждениями в жизни?

Где те горячие молитвы? Где лучший дар — те чистые слёзы умиления? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слёзы эти и навевал сладкие грёзы неиспорченному детскому воображению.

Неужели жизнь оставила такие тяжёлые следы в моём сердце, что навеки отошли от меня слёзы и восторги эти? Неужели остались одни воспоминания?

Игры

Охота кончилась. В тени молодых берёзок был разостлан ковёр, и на ковре кружком сидело всё общество. Буфетчик Гаврило, примяв около себя зелёную сочную траву, перетирал тарел-

ки и доставал из коробочки завёрнутые в листья сливы и персики.

Сквозь зелёные ветви молодых берёз просвечивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плешивую, вспотевшую голову Гаврилы круглые колеблющиеся просветы. Лёгкий ветерок, пробегая по листве деревьев, по моим волосам и вспотевшему лицу, чрезвычайно освежал меня.

Когда нас оделили мороженым и фруктами, делать на ковре было нечего, и мы, несмотря на косые, палящие лучи солнца, встали и отправились играть.

— Ну во что? — сказала Любочка, щурясь от солнца и припрыгивая на траве. — Давайте в Робинзона.

— Нет... скучно, — сказал Володя, лениво повалившись на траву и пережёвывая листья, — вечно Робинзон! Ежели непременно хотите, так давайте лучше беседочку строить.

Володя заметно важничал: должно быть, он гордился тем, что приехал на охотничьей лошади, и притворялся, что очень устал. Может быть и то, что у него уже было слишком много здравого смысла и слишком мало силы воображения, чтобы вполне наслаждаться игрою в Робинзона. Игра эта состояла в представлении сцен из «Robinson Suisse»¹, которого мы читали незадолго пред этим.

— Ну, пожалуйста... отчего ты не хочешь сделать нам этого удовольствия? — приставали к нему девочки. — Ты будешь Charles², или

¹ Швейцарский Робинзон (франц.).

² Карл (франц.).

Ernest¹, или отец — как хочешь? — говорила Катенька, стараясь за рукав курточки приподнять его с земли.

— Право, не хочется — скучно! — сказал Володя, потягиваясь и вместе с тем самодовольно улыбаясь.

— Так лучше бы дома сидеть, коли никто не хочет играть, — сквозь слезы выговорила Любочка. Она была страшная плакса.

— Ну, пойдёмте; только не плачь, пожалуйста: терпеть не могу!

Снисхождение Володи доставило нам очень мало удовольствия; напротив, его ленивый и скучный вид разрушал все очарование игры. Когда мы сели на землю и, воображая, что плывем на рыбную ловлю, изо всех сил начали грести, Володя сидел сложа руки и в позе, не имеющей ничего схожего с позой рыбака. Я заметил ему это; но он отвечал, что оттого, что мы будем больше или меньше махать руками, мы ничего не выиграем и не проиграем и все же далеко не уйдём. Я невольно согласился с ним. Когда, воображая, что я иду на охоту, с палкой на плече, я отправился в лес, Володя лёг на спину, закинул руки под голову и сказал мне, что будто бы и он ходил. Такие поступки и слова, охлаждая нас к игре, были крайне неприятны, тем более что нельзя было в душе не согласиться, что Володя поступает благоразумно.

Я сам знаю, что из палки не только что убить птицу, да и выстрелить никак нельзя. Это игра. Коли так рассуждать, то и на стульях ездить нельзя; а Володя, я думаю, сам помнит,

¹ Эрнест (франц.).

как в долгие зимние вечера мы накрывали кресло платками, делали из него коляску, один сиделся кучером, другой лакеем, девочки в середине, три стула были тройка лошадей, — и мы отправлялись в дорогу. И какие разные приключения случались в этой дороге! и как весело и скоро проходили зимние вечера!.. Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остаётся?..

Ивины

— Володя! Володя! Ивины! — закричал я, увидев в окно трёх мальчиков в синих бекешах с бровными воротниками, которые, следуя за молодым гувернёром-щеголем, переходили с противоположного тротуара к нашему дому.

Ивины приходились нам родственниками и были почти одних с нами лет; вскоре после приезда нашего в Москву мы познакомились и сошлись с ними.

Второй Ивин — Серёжа — был смуглый, курчавый мальчик со вздёрнутым твёрдым носиком, очень свежими красными губами, которые редко совершенно закрывали немного выдавшийся верхний ряд белых зубов, тёмно-голубыми прекрасными глазами и необыкновенно бойким выражением лица. Он никогда не улыбался, но или смотрел совершенно серьёзно, или от души смеялся своим звонким, отчётливым и чрезвычайно увлекательным смехом. Его оригинальная красота поразила меня с первого взгляда. Я почувствовал к нему непреодолимое влечение. Видеть его было достаточно для моего счастья; и одно время все силы души моей были со-

средоточены в этом желании; когда мне случилось провести дня три или четыре, не видав его, я начинал скучать, и мне становилось грустно до слёз. Все мечты мои, во сне и наяву, были о нём: ложась спать, я желал, чтобы он мне приснился; закрывая глаза, я видел его перед собою и лелеял этот призрак, как лучшее наслаждение. Никому в мире я не решился бы поверить того чувства, так много я дорожил им. Может быть, потому, что ему надоедало чувствовать, беспрестанно устремленными на него, мои беспокойные глаза, или просто не чувствуя ко мне никакой симпатии, он заметно больше любил играть и говорить с Володей, чем со мною; но я всё-таки был доволен, ничего не желал, ничего не требовал и всем готов был для него пожертвовать. Кроме страстного влечения, которое он внушал мне, присутствие его возбуждало во мне, в не менее сильной степени, другое чувство — страх огорчить его, оскорбить чем-нибудь, не понравиться ему: может быть, потому, что лицо его имело надменное выражение, или потому, что, презирая свою наружность, я слишком много ценил в других преимущества красоты, или, что вернее всего, потому, что это есть неперемный признак любви, я чувствовал к нему столько же страху, сколько и любви. В первый раз, как Серёжа заговорил со мной, я до того растерялся от такого неожиданного счастья, что побледнел, покраснел и ничего не мог отвечать ему. У него была дурная привычка, когда он задумывался, останавливать глаза на одной точке и беспрестанно мигать, подёргивая при этом носом и бровями. Все находили, что эта привычка очень портит его, но я находил её

до того люблю, что невольно привык делать то же самое, и чрез несколько дней после моего с ним знакомства бабушка спросила: не болят ли у меня глаза, что я ими хлопаю, как филин. Между нами никогда не было сказано ни слова о любви; но он чувствовал свою власть надо мной и бессознательно, но тиранически употреблял её в наших детских отношениях; я же, как ни желал высказать ему всё, что было у меня на душе, слишком боялся его, чтобы решиться на откровенность; старался казаться равнодушным и безропотно подчинялся ему. Иногда влияние его казалось мне тяжёлым, несносным; но выйти из-под него было не в моей власти.

Мне грустно вспомнить об этом свежем, прекрасном чувстве бескорыстной и беспредельной любви, которое так и умерло, не излившись и не найдя сочувствия.

Странно, отчего, когда я был ребёнком, я старался быть похожим на большого, а с тех пор, как перестал быть им, часто желал быть похожим на него. Сколько раз это желание — не быть похожим на маленького в моих отношениях с Серёжей, останавливало чувство, готовое излиться, и заставляло лицемерить. Я не только не смел поцеловать его, чего мне иногда очень хотелось, взять его за руку, сказать, как я рад его видеть, но не смел даже называть его Серёжа, а непременно Сергей: так уж было заведено у нас. Каждое выражение чувствительности доказывало ребячество и то, что тот, кто позволял себе его, был еще мальчишка.

Не пройдя ещё через те горькие испытания, которые доводят взрослых до осторожности и холодности в отношениях, мы лишали себя

чистых наслаждений нежной детской привязанности по одному только странному желанию подражать большим.

Ещё в лакейской встретил я Ивиных, поздоровался с ними и опрометью пустился к бабушке: объявил ей о том, что приехали Ивины, с таким выражением, как будто это известие должно было вполне осчастливить её. Потом, не спуская глаз с Серёжи, я последовал за ним в гостиную и следил за всеми его движениями. В то время, как бабушка сказала, что он очень вырос, и устремила на него свои пронизательные глаза, я испытывал то чувство страха и надежды, которое должен испытывать художник, ожидая приговора над своим произведением от уважаемого судьи.

Молодой гувернер Ивиных, Herr Frost¹, с позволения бабушки сошёл с нами в палисадник, сел на зелёную скамью, живописно сложил ноги, поставил между ними палку с бронзовым набалдашником и с видом человека, очень довольного своими поступками, закурил сигару.

Herr Frost был немец, но немец совершенно не того покроя, как наш добрый Карл Иванович: во-первых, он правильно говорил по-русски, с дурным выговором — по-французски, и пользовался вообще, в особенности между дамами, репутацией очень учёного человека; во-вторых, он носил рыжие усы, большую рубиновую булавку в чёрном атласном шарфе, концы которого были просунуты под помочи, и светло-голубые панталоны с отливом и со штрипками; в-третьих,

¹ Господин Фрост (нем.).

он был молод, имел красивую, самодовольную наружность и необыкновенно видные, мускулистые ноги. Заметно было, что он особенно дорожил этим последним преимуществом: считал его действие неотразимым в отношении особого женского пола и, должно быть, с этою целью старался выставлять свои ноги на самое видное место и, стоя или сидя на месте, всегда приводил в движение свои икры. Это был тип молодого русского немца, который хочет быть молодцом и волокитой.

В палисаднике было очень весело. Игра в разбойники шла как нельзя лучше; но одно обстоятельство чуть-чуть не расстроило всего. Серёжа был разбойник: погнавшись за проезжающими, он споткнулся и на всем бегу ударился коленом о дерево, так сильно, что я думал, он расшибётся вдребезги. Несмотря на то что я был жандарм и моя обязанность состояла в том, чтобы ловить его, я подошёл и с участием стал спрашивать, больно ли ему. Серёжа рассердился на меня: сжал кулаки, топнул ногой и голосом, который ясно доказывал, что он очень больно ушибся, закричал мне:

— Ну, что это? После этого игры никакой нет! Ну, что ж ты меня не ловишь? Что ж ты меня не ловишь? — повторял он несколько раз, искоса поглядывая на Володю и старшего Ивина, которые, представляя проезжающих, припрыгивая, бежали по дорожке, и вдруг взвизгнул и с громким смехом бросился ловить их.

Не могу передать, как поразил и пленил меня этот геройский поступок: несмотря на страшную боль, он не только не заплакал, но не показал

и виду, что ему больно, и ни на минуту не забыл игры.

Вскоре после этого, когда к нашей компании присоединился еще Илинька Грап и мы до обеда отправились наверх, Серёжа имел случай ещё более пленить и поразить меня своим удивительным мужеством и твёрдостью характера.

Илинька Грап был сын бедного иностранца, который когда-то жил у моего деда, был чем-то ему обязан и почитал теперь своим непременным долгом присылать очень часто к нам своего сына. Если он полагал, что знакомство с нами может доставить его сыну какую-нибудь честь или удовольствие, то он совершенно ошибался в этом отношении, потому что мы не только не были дружны с Илинькой, но обращали на него внимание только тогда, когда хотели посмеяться над ним. Илинька Грап был мальчик лет тринадцати, худой, высокий, бледный, с птичьей рожцей и добродушно-покорным выражением. Он был очень бедно одет, но зато всегда напомажен так обильно, что мы уверяли, будто у Грапа в солнечный день помада тает на голове и течёт под курточку. Когда я теперь вспоминаю его, я нахожу, что он был очень услужливый, тихий и добрый мальчик; тогда же он мне казался таким презренным существом, о котором не стоило ни жалеть, ни даже думать. Когда игра в разбойники прекратилась, мы пошли наверх, начали возиться и щеголять друг перед другом разными гимнастическими штуками. Илинька с робкой улыбкой удивления поглядывал на нас, и когда ему предлагали попробовать то же, отказывался, говоря, что у него совсем нет силы. Серёжа был удивительно мил; он снял

курточку — лицо и глаза его разгорелись, — он беспрестанно хохотал и затеивал новые шалости: перепрыгивал через три стула, поставленные рядом, через всю комнату перекатывался колесом, становился кверху ногами на лексиконы Татищева, положенные им, в виде пьедестала, на середину комнаты, и при этом выделывал ногами такие уморительные штуки, что невозможно было удержаться от смеха. После этой последней штуки он задумался, помигал глазами и вдруг, с совершенно серьёзным лицом, подошел к Илиньке: «Попробуйте сделать это; право, это нетрудно». Грап, заметив, что общее внимание обращено на него, покраснел и чуть слышным голосом уверял, что он никак не может этого сделать.

— Да что ж в самом деле, отчего он ничего не хочет показать? Что он за девочка... непременно надо, чтобы он стал на голову!

И Серёжа взял его за руку.

— Непременно, непременно на голову! — закричали мы все, обступив Илиньку, который в эту минуту заметно испугался и побледнел, схватили его за руку и повлекли к лексиконам.

— Пустите меня, я сам! Курточку разорвите! — кричала несчастная жертва. Но эти крики отчаяния ещё более воодушевляли нас; мы помирали со смеху; зелёная курточка трещала на всех швах.

Володя и старший Ивин нагнули ему голову и поставили её на лексиконы; я и Серёжа схватили бедного мальчика за тоненькие ноги, которыми он махал в разные стороны, засучили ему панталоны до колен и с громким смехом вскинули их кверху; младший Ивин поддерживал равновесие всего туловища.

Случилось так, что после шумного смеха мы вдруг все замолчали, и в комнате стало так тихо, что слышно было только тяжёлое дыхание несчастного Грапа. В эту минуту я не совсем был убеждён, что всё это очень смешно и весело.

— Вот теперь молодец, — сказал Серёжа, хлопнув его рукою.

Илинька молчал и, стараясь вырваться, кидал ногами в разные стороны. Одним из таких отчаянных движений он ударил каблуком по глазу Серёжу так больно, что Серёжа тотчас же оставил его ноги, схватился за глаз, из которого потекли невольные слёзы, и из всех сил толкнул Илиньку. Илинька, не будучи более поддерживаем нами, как что-то безжизненное грохнулся на землю и от слёз мог только выговорить:

— За что вы меня тираните?

Плачевная фигура бедного Илиньки, с заплаканным лицом, взъерошенными волосами и засученными панталонами, из-под которых видны были нечищенные голенища, поразила нас; мы все молчали и старались принуждённо улыбаться.

Первый опомнился Серёжа.

— Вот баба, нюня, — сказал он, слегка трогая его ногою, — с ним шутить нельзя... Ну, полно, вставайте.

— Я вам сказал, что вы негодный мальчишка, — злобно выговорил Илинька и, отвернувшись прочь, громко зарыдал.

— А-а! Каблуками бить да еще браниться! — закричал Серёжа, схватив в руки лексикон и взмахнув над головою несчастного, который и не думал защищаться, а только закрывал руками голову.

— Вот тебе!.. вот тебе!.. Бросим его, коли он шуток не понимает... Пойдёмте вниз, — сказал Серёжа, неестественно засмеявшись.

Я с участием посмотрел на бедняжку, который, лежа на полу и спрятав лицо в лексиконах, плакал так, что, казалось, ещё немного, и он умрет от конвульсий, которые дергали всё его тело.

— Э, Серёжа! — сказал я ему, — зачем ты это сделал?

— Вот хорошо!.. я не заплакал, надеюсь, сегодня, как разбил себе ногу почти до кости.

«Да, это правда, — подумал я. — Илинька больше ничего, как плакса, а вот Серёжа — так это молодец... что это за молодец!..»

Я не сообразил того, что бедняжка плакал, верно, не столько от физической боли, сколько от той мысли, что пять мальчиков, которые, может быть, нравились ему, без всякой причины все согласились ненавидеть и гнать его.

Я решительно не могу объяснить себе жестокости своего поступка. Как я не подошёл к нему, не защитил и не утешил его? Куда делось чувство сострадания, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыд при виде выброшенного из гнезда галчонка, или щенка, которого несут, чтобы кинуть за забор, или курицы, которую несёт поваренок для супа?

Неужели это прекрасное чувство было заглушено во мне любовью к Серёже и желанием казаться перед ним таким же молодцом, как и он сам? Незавидные же были эти любовь и желание казаться молодцом! Они произвели единственные тёмные пятна на страницах моих детских воспоминаний.

Что ожидало нас в деревне

18 апреля мы выходили из дорожной коляски, у крыльца петровского дома. Выезжая из Москвы, папа был задумчив, и когда Володя спросил у него, не больна ли татап, он с грустью посмотрел на него и молча кивнул головой. Во время путешествия он заметно успокоился; но, по мере приближения к дому, лицо его всё более и более принимало печальное выражение, и когда, выходя из коляски, он спросил у выбежавшего, запыхавшегося Фоки: «Где Наталья Николаевна?» — голос его был нетвёрд, и в глазах были слёзы. Добрый старик Фока, украдкой взглянув на нас, опустил глаза и, отворяя дверь в переднюю, отвернувшись, отвечал:

— Шестой день уж не изволят выходить из спальни.

Милка, которая, как я после узнал, с самого того дня, в который занемогла татап, не переставала жалобно выть, весело бросилась к отцу — прыгая на него, взвизгивала, лизала его руки; но он оттолкнул её и прошёл в гостиную, оттуда в диванную, из которой дверь вела прямо в спальню. Чем ближе подходил он к этой комнате, тем более, по всем телодвижениям, было заметно его беспокойство; войдя в диванную, он шёл на цыпочках, едва переводил дыхание и перекрестился, прежде чем решился взяться за замок затворённой двери. В это время из коридора выбежала нечесаная, заплаканная Мими. «Ах! Петр Александрыч! — сказала она шёпотом, с выражением истинного отчаяния, и потом, заметив, что папа поворачи-

чивает ручку замка, она прибавила чуть слышно: — Здесь нельзя пройти — ход из девичьей».

О, как тяжело всё это действовало на мое настроенное к горю страшным предчувствием детское воображение!

Мы пошли в девичью; в коридоре попался нам на дороге дурачок Аким, который всегда забавлял нас своими гримасами; но в эту минуту не только он мне не казался смешным, но ничто так больно не поразило меня, как вид его бессмысленно-равнодушного лица. В девичьей две девушки, которые сидели за какой-то работой, привстали, чтобы поклониться нам, с таким печальным выражением, что мне сделалось страшно. Пройдя ещё комнату Мими, папа отворил дверь спальни, и мы вошли. Направо от двери были два окна, завешанные платками; у одного из них сидела Наталья Савишна, с очками на носу, и вязала чулок. Она не стала целовать нас, как то обыкновенно делывала, а только привстала, посмотрела на нас через очки, и слёзы потекли у неё градом. Мне очень не понравилось, что все при первом взгляде на нас начинают плакать, тогда как прежде были совершенно спокойны.

Налево от двери стояли ширмы, за ширмами — кровать, столик, шкафчик, уставленный лекарствами, и большое кресло, на котором дремал доктор; подле кровати стояла молодая, очень белокурая, замечательной красоты девушка, в белом утреннем капоте, и, немного засучив рукава, прикладывала лёд к голове татап, которую мне не было видно в эту минуту. Девушка эта была *la belle Flamande*, про которую писала татап и которая впоследствии играла

такую важную роль в жизни нашего семейства. Как только мы вошли, она отняла одну руку от головы татап и поправила на груди складки своего капота, потом шёпотом сказала: «В забытьи». Я был в сильном горе в эту минуту, но невольно замечал все мелочи. В комнате было почти темно, жарко и пахло вместе мятой, одеколоном, ромашкой и гофманскими каплями. Запах этот так поразил меня, что, не только когда я слышу его, но когда лишь вспоминаю о нем, воображение мгновенно переносит меня в эту мрачную, душную комнату и воспроизводит все мельчайшие подробности ужасной минуты.

Глаза татап были открыты, но она ничего не видела... О, никогда не забуду я этого страшного взгляда! В нем выражалось столько страдания!..

Нас увели.

Когда я потом спрашивал у Натальи Савишны о последних минутах матушки, вот что она мне сказала:

— Когда вас увели, она ещё долго металась, моя голубушка, точно вот здесь её давило что-то; потом спустила головку с подушек и задремала, так тихо, спокойно, точно ангел небесный. Только я вышла посмотреть, что питьё не несут — прихожу, а уж она, моя сердечная, всё вокруг себя раскидала и всё манит к себе вашего папеньку; тот нагнётся к ней, а уж сил, видно, недостает сказать, что хотелось: только откроет губки и опять начнет охать: «Боже мой! Господи! Детей! детей!» Я хотела было за вами бежать, да Иван Васильич остановил, говорит: «Это хуже встревожит её, лучше не надо». После уж только поднимет ручку и опять опустит. И что она этим хотела, бог её знает. Я так ду-

маю, что это она вас заочно благословляла; да, видно, не привел её Господь (перед последним концом) взглянуть на своих деточек. Потом она приподнялась, моя голубушка, сделала вот так ручки и вдруг заговорила, да таким голосом, что я и вспомнить не могу: «Мать божия, не оставь их!..» Тут уж боль подступила ей под самое сердце, по глазам видно было, что ужасно мучилась бедняжка; упала на подушки, ухватилась зубами за простыню; а слёзы-то, мой батюшка, так и текут.

— Ну, а потом? — спросил я.

Наталья Савишна не могла больше говорить: она отвернулась и горько заплакала.

Мама скончалась в ужасных страданиях.

ТЮТЧЕВ
Фёдор Иванович
1803—1873

* * *

Ещё земли печален вид,
А воздух уж весною дышит,
И мёртвый в поле стебель колышет,
И елей ветви шевелит.
Ещё природа не проснулась,
Но сквозь редящего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...

* * *

Как неожиданно и ярко,
На влажной неба синеве,
Воздушная воздвиглась арка
В своём минутном торжестве!
Один конец в леса вонзила,
Другим за облако ушла —
Она полнеба охватила
И в высоте изнемогла.

О, в этом радужном виденье
Какая нега для очей!
Оно дано нам на мгновенье,
Лови его — лови скорей!
Смотри — оно уж побледнело,
Ещё минута, две — и что ж?
Ушло, как то уйдёт всецело,
Чем ты и дышишь и живёшь.

ФЕТ
(ШЕНШИН)
Афанасий Афанасьевич
1820—1892

БАБОЧКА

Ты прав. Одним воздушным очертаньем
Я так мила.
Весь бархат мой с его живым миганьем
Лишь два крыла.
Не спрашивай: откуда появилась?
Куда спешу?
Здесь на цветок я лёгкий опустилась
И вот — дышу.

Надолго ли, без цели, без усилья,
Дышать хочу?
Вот-вот сейчас, сверкнув, раскину крылья
И улечу.

* * *

Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.

Станицей тучки носятся,
Теплом озарены,
И в душу снова просятся
Пленительные сны.

Везде разнообразною
Картиной занят взгляд,
Шумит толпою праздною
Народ, чему-то рад...

Какой-то тайной жаждою
Мечта распалена —
И над душою каждою
Проносится весна.

* * *

Учись у них — у дуба, у берёзы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слёзы,
И треснула, сжимаяся, кора.

Всё злей метель и с каждою минутой
Сердито рвёт последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Её промчится гений,
Опять теплом и жизнью дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

ЧЕХОВ

Антон Павлович

1860—1904

МАЛЬЧИКИ

— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе.

— Володечка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую. — Ах, боже мой!

Вся семья Королёвых, с часу на час поджидавшая своего Володю, бросилась к окнам. У подъезда стояли широкие розвальни, и от тройки белых лошадей шёл густой туман. Сани были пусты, потому что Володя уже стоял в сенях и красными, озябшими пальцами развязывал башлык. Его гимназическое пальто, фуражка, калоши и волосы на висках были покрыты инеем, и весь он от головы до ног издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось озябнуть и сказать: «Бррр!» Мать и тётка бросились обнимать и целовать его, Наталья повалилась к его ногам и начала стаскивать с него валенки, сёстры подняли визг, двери скрипели и хлопали, а отец Володи в одной жилетке и с ножницами в руках вбежал в переднюю и закричал испуганно:

— А мы тебя ещё вчера ждали! Хорошо доехал? Благополучно? Господи боже мой, да дайте

же ему с отцом поздороваться! Что я, не отец, что ли?

— Гав! Гав! — ревел басом Милорд, огромный чёрный пёс, стуча хвостом по стенам и по мебели.

Всё смешалось в один сплошной радостный звук, продолжавшийся минуты две. Когда первый порыв радости прошёл, Королёвы заметили, что кроме Володи в передней находился ещё один маленький человек, укутанный в платки, шали и башлыки и покрытый инеем; он неподвижно стоял в углу в тени, бросаемой большою лисьей шубой.

— Володечка, а это кто же? — спросила шёпотом мать.

— Ах! — спохватился Володя. — Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса... Я привёз его с собой погостить у нас.

— Очень приятно, милости просим! — сказал радостно отец. — Извините, я по-домашнему, без сюртука... Пожалуйста! Наталья, помоги господину Черепицыну раздеться! Господи боже мой, да прогоните эту собаку! Это наказание!

Немного погодя Володя и его друг Чечевицын, ошеломлённые шумной встречей и всё ещё розовые от холода, сидели за столом и пили чай. Зимнее солнышко, проникая сквозь снег и узоры на окнах, дрожало на самоваре и купало свои чистые лучи в полоскательной чашке. В комнате было тепло, и мальчики чувствовали, как в их озябших телах, не желая уступать друг другу, щекотались тепло и мороз.

— Ну, вот скоро и Рождество! — говорил нараспев отец, крутя из тёмно-рыжего табаку па-

пиросу. — А давно ли было лето и мать плакала, тебя провожаячи? Ан ты и приехал... Время, брат, идёт быстро! Ахнуть не успеешь, как старость придёт. Господин Чибисов, кушайте, прошу вас, не стесняйтесь! У нас попросту.

Три сестры Володи, Катя, Соня и Маша — самой старшей из них было одиннадцать лет, — сидели за столом и не отрывали глаз от нового знакомого. Чечевицын был такого же возраста и роста, как Володя, но не так пухл и бел, а худ, смугл, покрыт веснушками. Волосы у него были щетинистые, глаза узенькие, губы толстые, вообще был он очень некрасив, и если б на нём не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркина сына. Он был угрюм, всё время молчал и ни разу не улыбнулся. Девочки, глядя на него, сразу сообразили, что это, должно быть, очень умный и учёный человек. Он о чём-то всё время думал и так был занят своими мыслями, что когда его спрашивали о чём-нибудь, то он вздрагивал, встряхивал головой и просил повторить вопрос.

Девочки заметили, что Володя, всегда весёлый и разговорчивый, на этот раз говорил мало, вовсе не улыбался и как будто даже не рад был тому, что приехал домой. Пока сидели за чаем, он обратился к сёстрам только раз, да и то с какими-то странными словами. Он указал пальцем на самовар и сказал:

— А в Калифорнии вместо чаю пьют джин.

Он тоже был занят какими-то мыслями, и, судя по тем взглядам, какими он изредка обменивался с другом своим Чечевицыным, мысли у мальчиков были общие.

После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для ёлки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что они тупы. Мамаша вбегала в детскую с очень озабоченным лицом и спрашивала:

— Кто взял мои ножницы? Опять ты, Иван Николаич, взял мои ножницы?

— Господи боже мой, даже ножниц не дают! — отвечал плачущим голосом Иван Николаич и, откинувшись на спинку стула, принимал позу оскорблённого человека, но через минуту опять восхищался.

В предыдущие свои приезды Володя тоже занимался приготовлением для ёлки или бегал на двор поглядеть, как кучер и пастух делали снеговую гору, но теперь он и Чечевицын не обратили никакого внимания на разноцветную бумагу и ни разу даже не побывали в конюшне, а сели у окна и стали о чём-то шептаться; потом они оба вместе раскрыли географический атлас и стали рассматривать какую-то карту.

— Сначала в Пермь... — тихо говорил Чечевицын... — оттуда в Тюмень... потом Томск... потом... потом... в Камчатку... Отсюда самоеды перевозят на лодках через Берингов пролив... Вот тебе и Америка... Тут много пушных зверей.

— А Калифорния? — спросил Володя.

— Калифорния ниже... Лишь бы в Америку попасть, а Калифорния не за горами. Добывать же себе пропитание можно охотой и грабежом.

Чечевицын весь день сторонился девочек и глядел на них исподлобья. После вечернего чая случилось, что его минут на пять оставили одного с девочками. Неловко было молчать. Он сурово кашлянул, потёр правой ладонью левую руку, поглядел угрюмо на Катю и спросил:

— Вы читали Майн-Рида?

— Нет, не читала... Послушайте, вы умеете на коньках кататься?

Погружённый в свои мысли, Чечевицын ничего не ответил на этот вопрос, а только сильно надул щёки и сделал такой вздох, как будто ему было очень жарко. Он ещё раз поднял глаза на Катю и сказал:

— Когда стадо бизонов бежит через пампасы, то дрожит земля, а в это время мустанги, испугавшись, брыкаются и ржут.

Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:

— А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты.

— А что это такое?

— Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?

— Господин Чечевицын.

— Нет. Я Монтигомо Ястребиный Коготь, вождь непобедимых.

Маша, самая маленькая девочка, поглядела на него, потом на окно, за которым уже наступал вечер, и сказала в раздумье:

— А у нас чечевицу вчера готовили.

Совершенно непонятные слова Чечевицына и то, что он постоянно шептался с Володей,

и то, что Володя не играл, а всё думал о чём-то, — всё это было загадочно и странно. И обе старшие девочки, Катя и Соня, стали зорко следить за мальчиками. Вечером, когда мальчики ложились спать, девочки подкрались к двери и подслушали их разговор. О, что они узнали! Мальчики собирались бежать куда-то в Америку добывать золото; у них для дороги было уже всё готово: пистолет, два ножа, сухари, увеличительное стекло для добывания огня, компас и четыре рубля денег. Они узнали, что мальчикам придётся пройти пешком несколько тысяч вёрст, а по дороге сражаться с тиграми и дикарями, потом добывать золото и слоновую кость, убивать врагов, поступать в морские разбойники, пить джин и в конце концов жениться на красавицах и обрабатывать плантации. Володя и Чечевицын говорили и в увлечении перебивали друг друга. Себя Чечевицын называл при этом так: «Монтигомо Ястребиный Коготь», а Володю — «бледнолицый брат мой».

— Ты смотри же, не говори маме, — сказала Катя Соне, отправляясь с ней спать. — Володя привезёт нам из Америки золота и слоновой кости, а если ты скажешь маме, то его не пустят.

Накануне Сочельника Чечевицын целый день рассматривал карту Азии и что-то записывал, а Володя, томный, пухлый, как укушенный пчелой, угрюмо ходил по комнатам и ничего не ел. И раз даже в детской он остановился перед иконой, перекрестился и сказал:

— Господи, прости меня грешного! Господи, сохрани мою бедную, несчастную маму!

К вечеру он расплакался. Идя спать, он долго обнимал отца, мать и сестёр. Катя и Соня по-

нимали, в чём тут дело, а младшая, Маша, ничего не понимала, решительно ничего, и только при взгляде на Чечевицына задумывалась и говорила со вздохом:

— Когда пост, няня говорит, надо кушать горох и чечевицу.

Рано утром в Сочельник Катя и Соня тихо поднялись с постелей и пошли посмотреть, как мальчики будут бежать в Америку. Подкралась к двери.

— Так ты не поедешь? — сердито спрашивал Чечевицын. — Говори: не поедешь?

— Господи! — тихо плакал Володя. — Как же я поеду? Мне маму жалко.

— Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем! Ты же уверял, что поедешь, сам меня сманил, а как ехать, так вот и струсил.

— Я... я не струсил, а мне... мне маму жалко.

— Ты говори: поедешь или нет?

— Я поеду, только... только погоди. Мне хочется дома пожить.

— В таком случае я сам поеду! — решил Чечевицын. — И без тебя обойдусь. А ещё тоже хотел охотиться на тигров, сражаться! Когда так, отдай же мои пистоны!

Володя заплакал так горько, что сёстры не выдержали и тоже тихо заплакали. Наступила тишина.

— Так ты не поедешь? — ещё раз спросил Чечевицын.

— По... поеду.

— Так одевайся!

И Чечевицын, чтобы уговорить Володю, хвалил Америку, рычал, как тигр, изображал пароход, бранился, обещал отдать Володе всю слоновую кость и все львиные и тигровые шкуры.

И этот худенький смуглый мальчик со щетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек, и рычал он так, что, стоя за дверями, в самом деле можно было подумать, что это тигр или лев.

Когда девочки вернулись к себе и одевались, Катя с глазами, полными слёз, сказала:

— Ах, мне так страшно!

До двух часов, когда сели обедать, всё было тихо, но за обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома. Послали в людскую, в конюшню, во флигель к приказчику — там их не было. Послали в деревню — и там не нашли. И чай потом тоже пили без мальчиков, а когда сядились ужинать, мамаша очень беспокоилась, даже плакала. А ночью опять ходили в деревню, искали, ходили с фонарями на реку. Боже, какая поднялась суматоха!

На другой день приезжал урядник, писали в столовой какую-то бумагу. Мамаша плакала.

Но вот у крыльца остановились розвальни, и от тройки белых лошадей валил пар.

— Володя приехал! — крикнул кто-то на дворе.

— Володечка приехали! — завопила Наталья, вбегая в столовую.

И Милорд залаял басом: «Гав! гав!» Оказалось, что мальчиков задержали в городе, в Гостином дворе (там они ходили и всё спрашивали, где продаётся порох). Володя как вошёл в переднюю, так и зарыдал и бросился матери на шею. Девочки, дрожа, с ужасом думали о том, что теперь будет, слышали, как папаша повёл Володю и Чечевицына к себе в кабинет и долго там говорил с ними; и мамаша тоже говорила и плакала.

— Разве так можно? — убеждал папаша. — Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевицын! Нехорошо-с! Вы зачинщик, и, надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. Разве так можно! Вы где ночевали?

— На вокзале! — гордо ответил Чечевицын.

Володя потом лежал, и ему к голове прикладывали полотенце, смоченное в уксусе. Послали куда-то телеграмму, и на другой день приехала дама, мать Чечевицына, и увезла своего сына домой.

Когда уезжал Чечевицын, то лицо у него было суровое, надменное, и, прощаясь с девочками, он не сказал ни одного слова; только взял у Кати тетрадку и написал в знак памяти:

«Монтигомо Ястребиный Коготь».

Русская литература
конца XIX —
начала XX века

БАЛЬМОНТ
Константин Дмитриевич
1867—1942

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В замке был весёлый бал,
Музыканты пели.
Ветерок в саду качал
Лёгкие качели.

В замке, в сладостном бреду,
Пела, пела скрипка,
А в саду была в пруду
Золотая рыбка.

И кружились под луной,
Точно вырезные,
Опьянённые весной
Бабочки ночные.

Пруд качал в себе звезду,
Гнулись травы гибко,
И мелькала там в пруду
Золотая рыбка.

Хоть не видели её
Музыканты бала,
Но от рыбки, от неё,
Музыка звучала.

Чуть настанет тишина,
Золотая рыбка
Промелькнёт, и вновь видна
Меж гостей улыбка.

Снова скрипка зазвучит,
Песня раздаётся.
И в сердцах любовь журчит,
И весна смеётся.

Взор ко взору шепчет: «Жду!»
Так светло и зыбко,
Оттого что там в пруду —
Золотая рыбка.

РОСИНКА

Росинка дрожала
На тонком листке.
Речонка дышала,
Шурша в тростнике.
В росинку гляжу я
И вижу, что в ней
Играет, ликуя,
Так много огней.
Их еле заметишь,
Так малы они.
Но где же ты встретишь
Такие огни?

БЛОК
Александр Александрович
1880—1921

НА ЛУГУ

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идёт сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

БРЮСОВ
Валерий Яковлевич
1873—1924

ДЕТСКАЯ

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тени свесило,
Расшумимся весело,
Бегать нам пора!

Раз, два, три, четыре, пять,
Бегом тени не догнать.
Слово скажешь, в траву ляжешь,
Чёрной цепи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между них вертись, вертись.

Что под нами, под цветами,
За железными столбами?
Кто на троне? Кто в короне?
Ветер высью листья гонит
И уронит с высоты...
Я ли первый или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тени свесило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

ОПЯТЬ СОН

Мне опять приснились дебри,
Глушь пустынь, заката тишь.
Жёлтый лев крадётся к зебре
Через травы и камыш.

Предо мной стволы упрямо
В небо ветви вознесли.
Слышу шаг гиппопотама,
Заросль мнущего вдали.

На утёсе безопасен,
Весь я — зренье, весь я — слух
Но виденья старых басен
Возмущают слабый дух.

Крылья огненного змея
Не затмят ли вдруг закат?
Не взлетит ли, искры сея,
Он над нами, смерти рад?

Из камней не выйдет вдруг ли
Племя карликов ко мне?
Обращая ветки в угли,
Лес не встанет ли в огне?

Месяц вышел. Громче шорох.
Зебра мчится вдалеке.
Лес, взрывая листьев ворох,
Тупо тянется к реке.

Дали сумрачны и глухи.
Хруст слышнее. Страшно. Ведь
Кто же знает: это ль духи
Иль пещеры царь — медведь!

БУНИН
Иван Алексеевич
1870—1953

МАТЕРИ

Я помню спальню и лампадку,
Игрушки, тёплую кровать
И милый, кроткий голос твой:
«Ангел-хранитель над тобой!»

Бывало, раздевает няня
И полушёпотом бранит,
А сладкий сон, глаза туманя,
К её плечу меня клонит.

Ты перекрестишь, поцелуешь,
Напомнишь мне, что он со мной,
И верой в счастье очаруешь...
Я помню, помню голос твой!

Я помню ночь, тепло кровати,
Лампадку в сумраке угла
И тени от цепей лампадки...
Не ты ли ангелом была?

РОДИНЕ

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом чёрных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни вёрст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик берегла.

ВОЛОШИН
(КИРИЕНКО-ВОЛОШИН)
Максимилиан Александрович
1877—1932

* * *

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле, таинственной и строгой,
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё
пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

ГУМИЛЁВ
Николай Степанович
1886—1921

ДЕТСТВО

Я ребёнком любил большие,
Мёдом пахнувшие луга,
Перелески, травы сухие
И меж трав бычачьи рога.

Каждый пыльный куст придорожный
Мне кричал: «Я шучу с тобой,
Обойди меня осторожно
И узнаешь, кто я такой!»

Только дикий ветер осенний,
Прошумев, прекращал игру.
Сердце билось ещё блаженней,
И я верил, что я умру.

Не один — с моими друзьями,
С мать-и-мачехой, с лопухом,
И за дальними небесами
Догадаюсь вдруг обо всём.

Я за то и люблю затеи
Грозовых военных забав,
Что людская кровь не святее
Изумрудного сока трав.

ЕСЕНИН
Сергей Александрович
1895—1925

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге,

И я знаю, есть радость в нём
Тем, кто листьёв целует дождь,
Оттого, что тот старый клён
Головой на меня похож.

Игорь СЕВЕРЯНИН
(ЛОТАРЕВ Игорь Васильевич)
1887—1941

В ИЮЛЕ

В полях созрел ячмень.
Он радует меня!
Брожу я целый день
По волнам ячменя.

Смеётся мне июль,
Кивают мне поля.
И облако — как тюль,
И солнце жжёт, паля.

Блуждаю целый день
В сухих волнах земли,
Пока ночная тень
Не омрачит стебли.

Спущусь к реке, взгляну
На илистый атлас;
Взгрустнётся ли — а ну,
А ну печаль от глаз.

Теперь ли тосковать,
Когда поспел ячмень?
Я всех расцеловать
Хотел бы в этот день!

ЗАПЕВКА

О России петь — что стремиться в храм
По лесным горам, полевым коврам...

О России петь — что весну встречать,
Что невесту ждать, что утешить мать...

О России петь — что тоску забыть,
Что Любовь любить, что бессмертным быть!

ЦВЕТАЕВА
Марина Ивановна
1892—1941

* * *

Бежит тропинка с бугорка,
Как бы под детскими ногами,
Всё так же сонными лугами
Лениво движется Ока;

Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И всё поют о добром, старом,
О детском времени они.

О дни, где утро было рай,
И полдень рай, и все закаты!
Где были шпагами лопаты
И замком царственным сарай.

Куда ушли, в какую даль вы?
Что между нами пролегло?
Всё так же сонно-тяжело
Качаются на клумбах мальвы.

ЗА КНИГАМИ

«Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?»
Я большая — мне семь лет,
Я упряма, — это лучше.

Удивительно упряма:
Скажут нет, а будет да.
Не поддамся никогда,
Это ясно знает мама.

«Поиграй, возьмись за дело,
Домик строй». — «А где картон?»
«Что за тон?» — «Совсем не тон!
Просто жить мне надоело!

Надоело... жить... на свете,
Все большие — палачи,
Дáвид Копперфилд...» — «Молчи!
Няня, шубу! Что за дети!»

Прямо в рот летят снежинки...
Огонёчки фонарей...
«Ну, извозчик, поскорей!
Будут, мамочка, картинки?»

Сколько книг! Какая давка!
Сколько книг! Я всё прочту!
В сердце радость, а во рту
Вкус солёного прилавка.

* * *

Красною кистью
Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.

Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов¹.

Мне и доньне
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.

(Из цикла
«Стихи о Москве»)

¹ Иоанн Богослов. — Марина Цветаева родилась 9 октября, в день памяти святого Иоанна Богослова.

Саша ЧЁРНЫЙ
(ГЛИКБЕРГ
Александр Михайлович)
1880—1932

ЗЕЛЁНЫЕ СТИХИ

Зеленеют все опушки,
Зеленеет пруд.
А зелёные лягушки
Песенку поют.

Ёлка — сноп зелёных свечек,
Мох — зелёный пол.
И зелёненький кузнечик
Песенку завёл...

Над зелёной крышей дома
Спит зелёный дуб.
Два зелёненькие гнома
Сели между труб.

И, сорвав зелёный листик,
Шепчет младший гном:
«Видишь? Рыжий гимназистик
Ходит под окном.

Отчего он не зелёный?
Май теперь ведь... Май!»
Старший гном зеваает сонно:
«Цыц! Не приставай».

Современная литература

АХМАТОВА (ГОРЕНКО)

Анна Андреевна

1889—1966

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

БЕРЕСТОВ
Валентин Дмитриевич
1928—1998

ЕЛЬ

Деревья все зазеленели.
Почти все птицы прилетели.
Всё обновиться норовит.
А у колючей тёмной ели
Всё тот же хмурый зимний вид.

Вся теплота, вся сила света
Ей, недоверчивой, нужна.
И, мягкой хвоей приодета,
Свою весну в расцвете лета
Смущённо празднует она.

КТО ЧЕМУ НАУЧИТСЯ

Чему первым делом
Научится кошка?

— Хватать!

Чему первым делом
Научится птица?

— Летать!

Чему первым делом
Научится школьник?

— Читать!

Котёнок вырастет кошкой,
Такой же, как все на свете.
Птенец превратится в птицу,
Такую ж, как все на свете.
А дети читают,
А дети мечтают,
И даже их мамы и папы не знают,
Кем станут, кем вырастут дети.

ПОДСОЛНУХ

Всё утро дождик. Ничего весёлого.
Но есть у солнца друг. Один из лучших.
Упрямо поворачивая голову,
Он ищет солнце, спрятанное в тучах.

ГОЛЯВКИН
Виктор Владимирович
1929—2001

НИКАКОЙ Я ГОРЧИЦЫ НЕ ЕЛ

Сумку я спрятал под лестницу. А сам за угол завернул, на проспект вышел.

Весна. Солнышко. Птички поют. Неохота как-то в школу. Любому ведь надоест. Вот и мне надоело.

Иду, витрины разглядываю, во весь голос песни пою. Попробуй в классе запой — сразу выгонят. А тут пой, сколько твоей душе угодно. Так до конца проспекта дошёл. Потом обратно. Хорошо ходить! Ходи себе и ходи.

Смотрю — машина стоит, шофёр что-то в моторе смотрит. Я его спрашиваю:

— Поломалась?

Молчит шофёр.

— Поломалась? — спрашиваю.

Он молчит.

Я постоял, постоял, говорю:

— Что, поломалась машина?

На этот раз он услышал.

— Угадал, — говорит, — поломалась. Помочь хочешь? Ну, давай чинить вместе.

— Да я... не умею...

— Раз не умеешь, не надо. Я уж как-нибудь сам.

Что мне оставалось делать? Вздохнул и дальше пошёл.

Вон двое стоят. Разговаривают. Подхожу поближе. Прислушиваюсь. Один говорит:

— Как с патентом?¹

Другой говорит:

— Хорошо с патентом.

«Что это, — думаю, — патент? Никогда я про него не слышал». Я думал, они про патент ещё скажут. А они про патент ничего не сказали больше. Про завод стали что-то рассказывать. Один заметил меня, говорит другому:

— Гляди-ка, парень как рот раскрыл.

И ко мне обращается:

— Что тебе?

— Мне ничего, — отвечаю, — я просто так...

— Тебе нечего делать?

— Ага.

— Вот хорошо! Видишь, вон дом кривой?

— Вижу.

— Пойди подтолкни его с того боку, чтоб он ровный был.

— Как это?

— А так. Тебе ведь нечего делать. Ты и подтолкни его.

И смеются оба.

Я что-то ответить хотел, но не мог придумать. По дороге придумал, вернулся к ним.

— Не смешно, — говорю, — а вы смеётесь.

Они как будто не слышат.

Я опять:

— Не смешно совсем. Что вы смеётесь?

¹ Патент — документ, дающий изобретателю исключительное право на изобретение.

Тогда один говорит:

— Мы совсем не смеёмся. Где ты видишь, что мы смеёмся?

Они и правда уже не смеялись. Это раньше они смеялись. Значит, я опоздал немножко...

О! Метла у стены стоит. И никого рядом нету. Дворник вдруг из ворот выходит.

— Не тронь метлу!

— Да зачем мне метла? Мне метлы не нужно...

— А не нужно, так не подходи к метле. Метла для работы, а не для того, чтобы к ней подходили.

Какой-то злой дворник попался! Метлы даже жалко.

Эх, чем бы заняться? Домой идти ещё рано. Уроки ещё не кончились. Ходить по улицам скучно. Ребят никого не видно.

На строительные леса залезть?! Как раз рядом дом ремонтируют. Погляжу сверху на город. Вдруг слышу голос:

— Куда лезешь? Эй!

Смотрю — нет никого. Вот это да! Никого нет, а кто-то кричит! Выше стал подниматься — опять:

— А ну слазь!

Головой верчу во все стороны. Откуда кричат? Что такое?

— Слезай! Эй! Слезай, слезай!

Перешёл на ту сторону улицы. Наверх, на леса, смотрю. Интересно, кто это кричит? Вблизи я никого не видел. А издали всё увидел — рабочие на лесах штукатурят, красят...

Сел на трамвай, до кольца доехал. Всё равно идти некуда. Лучше буду кататься. Устал ходить.

Второй круг на трамвае сделал. На то же самое место приехал. Ещё круг проехать, что ли? Не время пока домой идти. Рановато. В окно вагона смотрю. Все спешат куда-то, торопятся. Куда это все спешат? Непонятно.

Вдруг кондукторша говорит:

— Плати, мальчик, снова.

— У меня больше денег нету.

— Тогда сходи, мальчик. Иди пешком.

— Ой, мне далеко пешком идти!

— А ты попусту не катайся. В школу, наверное, не пошёл?

— Откуда вы знаете?

— Я всё знаю. По тебе видно.

— А чего видно?

— Видно, что в школу ты не пошёл. Вот что видно. Из школы ребята весёлые едут. А ты как будто горчицей объелся.

— Никакой я горчицы не ел...

— Всё равно сходи. Прогульщиков я не вожу бесплатно.

А потом говорит:

— Ну уж ладно, катайся. В другой раз не разрешу. Так и знай.

Но я всё равно сошёл. Неудобно как-то.

Место совсем незнакомое. Никогда я в этом районе не был. С одной стороны дома стоят. С другой стороны нет домов; пять экскаваторов землю роют. Как слоны по земле шагают. Зачёрпывают ковшами землю и в сторону сыпят. Вот это техника! Хорошо сидеть в будке. Куда лучше, чем в школу ходить. Сидишь себе, а он сам ходит, да ещё землю копает.

Один экскаватор остановился. Экскаваторщик слез на землю и говорит мне:

— В ковш хочешь попасть?

Я обиделся:

— Зачем мне в ковш? Я в кабину хочу.

И тут вспомнил я про горчицу, что кондукторша мне сказала, и стал улыбаться. Чтоб экскаваторщик думал, что я весёлый. И совсем мне не скучно. Чтобы он не догадался, что я не был в школе.

Он посмотрел на меня удивлённо:

— Ты что?

— А что?

— Вид у тебя, брат, какой-то дурацкий.

Я ещё больше стал улыбаться. Рот чуть не до ушей растянул.

А он:

— Что с тобой?

— А чего?

— Что ты мне рожи строишь?

— На экскаваторе покатайте меня.

— Это тебе не троллейбус. Это машина рабочая. На ней люди работают. Ясно?

Я говорю:

— Я тоже хочу на нём работать.

Он говорит:

— Эге, брат! Учиться надо.

Я думал, что он про школу. И опять улыбаться стал.

А он рукой на меня махнул и залез в кабину. Не захотел со мной разговаривать больше.

Весна. Солнышко. Воробьи в лужах купаются.

Но почему мне так скучно?

ДРАГУНСКАЯ Ксения Викторовна р. 1965

ЛЕКАРСТВО ОТ ПОСЛУШНОСТИ

Однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими ёлочками, где мох, завёлся гномик. Ведь уже давно известно, что гномики появляются сами по себе от тумана, сумерек, тепла и моха и грусти. Об этом писали в журнале «Волшебные Известия» за позапрошлый год. Там так прямо и написано, по-научному: ТУМАН + СУМЕРКИ + ТЕПЛО + ГРУСТНО = ГНОМИК. Только не надо пытаться завести гномика у себя дома. Вот один мой знакомый, Андрей Владимирович, как-то попробовал. Набрал моха в лукошко, большую банку тумана насобирал, в сумерках сел в тёплой комнате и стал грустить. Думаете, у него получился гномик? Ха-ха! Получились грибы. Самые обыкновенные разноцветные сыроежки. Но когда он вымыл их и совсем уж было собирался сварить, сыроежки засмеялись и убежали.

Так вот, однажды в июне, в сумерках, после дождя, когда всюду тепло, и туман, и немножко грустно, в лесу, под маленькими ёлочками, где мох, завёлся гномик. «Подожду, вдруг ещё кто-нибудь заведётся», — решил гномик и сел на

пенёк. Но никто не появлялся. «Значит, я завёлся один, — сообразил он. — Вперёд! К делу!» Он выбрался на дорогу. Дорога была коричневая. На ней были лужи, и в них отражалось светлое вечернее небо. В лесу становилось всё тише. Птицы засыпали. От травы и дороги поднимался туман. «До чего же хорошо жить на свете!» — подумал гномик. На берегу большой лужи он увидел красный игрушечный автомобиль, вскочил в кабину и помчался, освещая дорогу маленьким фонарём, сделанным из старой лампочки от ёлочной гирлянды.

Но гномики заводятся не просто от грусти, тепла, тумана и сумерек. Они появляются тогда, когда кто-то очень хочет, чтобы они появились. Когда они кому-нибудь очень нужны.

А гномик был очень нужен! Дело в том, что недалеко от леса, на берегу реки, в старом доме с колоннами жили ужасно примерные дети. Это был такой санаторий для ужасно примерных детей. Дети были ужасно примерные — они никогда не жгли костров, не приносили домой маленьких собачат и котят, не лазали по деревьям, не ходили гулять на крыши, не путешествовали по лужам и не пачкали одежду, не разбивали коленки и не верили в гномиков. Они целыми днями ходили парами друг за другом, хором пели песню «Вместе весело шагать» и ябедничали друг на друга. Дети были до того примерные, что сам знаменитый доктор Пяткин не знал, как их вылечить. Потому что от непослушности лекарства уже были, а от послушности — нет. И доктор Пяткин совсем загрустил и даже подумал: «Вот бы чудо какое-нибудь случилось.

Волшебство!» И от этого его большого хотения завёлся гномик.

Гномик на красном автомобиле приехал в санаторий утром. Дети сидели на скамейке, сложив руки на коленях, и шёпотом рассказывали друг другу таблицу умножения.

Гномик поскорее превратился в маленького пушистого котёнка и сел перед скамейкой, жалобно мяукая.

— Смотрите, котёнок! — сказала девочка с бантиками.

— Заразный, наверное, — сказала другая девочка.

— От котят лишаи, — сказал рыжий мальчишка.

— И глисты! — прибавил мальчик в очках.

— Надо позвать воспитательницу! — решил самый большой мальчик.

— Пусть посадит его в мусорное ведро! — сказала девочка с хвостиками.

Гном испугался мусорного ведра и поскорее превратился в мяч и весело запрыгал по дорожке.

— Смотрите, сейчас он попадёт в окно и разобьёт стекло! — сказал мальчик в очках.

— Позовите воспитательницу, пусть запрет его в кладовке.

Гномику не хотелось в кладовку. Он превратился в художника с красками и сказал:

— Давайте я нарисую вас всех прямо тут, на асфальте.

Тогда дети построились парами и пошли к воспитательнице и сказали ей хором:

— А чего там дядька какой-то сейчас асфальт своими красками вымажет?

— Где дядька? Какой дядька? — Воспитательница Алла Потаповна вышла на улицу.

А гномик уже превратился в невидимку.

— Да ведь тут никого нет, — сказала Алла Потаповна. А сама подумала: «Так, вот они уже начинают что-то выдумывать. Обязательно расскажу об этом доктору Пяткину. Может быть, дети выздоравливают?»

И ушла.

А гномик превратился в самого себя, в гномика на красном автомобильчике, и сказал:

— Знаете, ребята, скажу вам честно, я — гномик.

— Гномиков не бывает, — хором сказали примерные дети.

И тогда гномик совсем обиделся. Ещё бы не обидеться — ты спешишь на помощь в красном автомобиле, смотришь, слышишь, разговариваешь и превращаешься изо всех сил, а тебе говорят, что тебя не бывает.

«Ну хорошо же!» — подумал гномик и превратился в дождь.

Дождь намочил детей, и они превратились в маленьких лягушат.

— Дети, идите есть клубнику с молоком! — позвала воспитательница Алла Потаповна и вышла на крыльцо.

Но никаких детей не было.

— Куда же они подевались? — удивилась Алла Потаповна. — И откуда вдруг столько лягушат?

— Это мы! Это мы! — закричали лягушата и стали подпрыгивать, чтобы Алла Потаповна их получше разглядела.

— Что за шутки? — строго спросила Алла Потаповна и прибавила жалобно: — Дети, перестаньте безобразничать.

— Мы не можем! — завопили дети. — Нас заколдовали!

— Не выдумывайте! — рассердилась Алла Потаповна. — Превращайтесь обратно! Считаю до трёх! Раз! Два! Два с половиной! Два и три четверти! Три!

Но никто не превратился.

Алла Потаповна всплеснула руками и побежала звонить доктору Пяткину. А лягушата прыгали и хором пели песню «Три танкиста».

«Так вам и надо!» — сердито думал гномик. Он превратился в еловую шишку и смотрел на лягушат с высокой-высокой ёлки.

Приехал доктор Пяткин.

— Здравствуйте! — хором закричали лягушата.

Доктор надел очки, наклонился поближе к лягушатам, снял очки и упал в обморок. Но тут же вскочил на ноги и сказал:

— Случай очень сложный! Необходимо посоветоваться с заграничными докторами и знатоками лягушек. Я немедленно увожу лягушат в Америку. Алла Потаповна, вызывайте вертолёт!

— Не хотим в Америку! — захныкали лягушата. А один, самый большой и толстый, стал плакать и звать маму.

«Ну ладно. Так уж и быть», — подумал гномик. И как был еловой шишкой, так и свалился с ёлки. Шишка упала на лягушат, и они опять превратились в детей. Дети стояли и чихали, чихали, чихали. Из их носов вылетали очень красивые разноцветные бабочки.

Когда бабочки кончились, доктор вытер лысину платком и спросил:

— А бабочки-то как у вас в носях очутились?

— Это всё он, он! — закричали дети. — Такой меховой, маленький, с бородой и в красной шапочке. То в мяч превратился, то в котёнка. На красном автомобиле приехал. Гномик, в общем!

— Но ведь гномиков не бывает! — сказал доктор Пяткин.

— Ещё как бывают! — закричали дети. — Да вот он, вот он!

На дороге сидел маленький и толстый щенок с висячими ушками.

— Какой же это гномик? — удивился доктор. — Это щенок.

— Он только притворяется щенком. А сам сейчас ка-ак превратит нас опять...

Доктор Пяткин взял щенка под пузико и внимательно рассмотрел. Щенок твякнул и лизнул доктора в щёку.

— Наверное, он есть хочет, — догадался толстый мальчик.

— Надо было его сразу накормить, когда он в котёнка превратился, — сказала девочка с бантиками.

— Давайте же скорее его кормить! — крикнул мальчик в веснушках. — Я ему свой суп отдам.

— А я — компот!

— А я положу его спать к себе на подушку!

Дети схватили щенка и потащили в дом.

«Удивительно! — подумал доктор Пяткин. — Без всякого лечения за несколько дней примерные дети стали самыми настоящими выдумщиками!»

И правда, с тех пор дети перестали ябедничать, полюбили котят и щенков и верят в гномов.

А гномик уехал на красном автомобильчике обратно в лес и уютно устроился в тёплом мохе и спит, пока не придёт время снова заводиться, если кому-нибудь понадобится.

А щенок был настоящий щенок, а не гном. Щенок давно вырос и стал здоровенным барбосом.

ДРАГУНСКИЙ

Виктор Юзефович

1913—1972

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ ПОД КРОВАТЬЮ

Никогда я не забуду этот зимний вечер. На дворе было холодно, ветер тянул сильный, прямо резал щёки, как кинжалом, снег вертелся со страшной быстротой. Тоскливо было и скучно, просто выть хотелось, а тут ещё папа и мама ушли в кино. И когда Мишка позвонил по телефону и позвал меня к себе, я тотчас же оделся и помчался к нему. Там было светло и тепло, и собралось много народу, пришла Алёнка, за нею Костик и Андрюшка. Мы играли во все игры, и было весело и шумно. И под конец Алёнка вдруг сказала:

— А теперь в прятки! Давайте в прятки!

И мы стали играть в прятки. Это было прекрасно, потому что мы с Мишкой всё время подстраивали так, чтобы водить выпадало маленьким: Костику или Алёнке, — а сами всё время прятались и вообще водили малышей за нос. Но все наши игры проходили только в Мишкиной комнате, и это довольно скоро нам стало надоедать, потому что комната была маленькая, тесная и мы всё время прятались за портьеру, или за шкаф, или за сундук, и в конце концов мы стали потихоньку выплёскиваться

из Мишкиной комнаты и заполнили своей игрой большущий длинный коридор квартиры.

В коридоре было интереснее играть, потому что возле каждой двери стояли вешалки, а на них висели пальто и шубы. Это было гораздо лучше для нас, потому что, например, кто водит и ищет нас, тот, уж конечно, не сразу догадается, что я притаился за Марьсемённой шубой и сам влез в валенки как раз под шубой.

И вот, когда водить выпало Костику, он отвернулся к стене и стал громко выкрикивать:

— Раз! Два! Три! Четыре! Пять! Я иду искать! Опять!

Это считалось как бы вторым звонком. Мишка сейчас же залез на подоконник, Алёнка — за шкаф, а мы с Андрюшкой выскользнули в коридор. Тут Андрюшка, недолго думая, полез под шубу Марьи Семёновны, где я всё время прятался, и оказалось, что я остался без места! И я хотел дать Андрюшке подзатыльник, чтобы он освободил моё место, но тут Костик крикнул третье предупреждение:

— Пора не пора, я иду со двора!

И я испугался, что он меня сейчас увидит, потому что я совершенно не спрятался, и я за метался по коридору туда-сюда, как подстреленный заяц. И тут в самое нужное время я увидел раскрытую дверь и вскочил в неё.

Это была какая-то комната, и в ней на самом видном месте, у стены, стояла кровать, высокая и широкая, так что я моментально нырнул под эту кровать. Там был приятный полумрак и лежало довольно много вещей, и я стал сейчас же их рассматривать. Во-первых, под этой кроватью было очень много туфель, разных фа-

сонов, но все довольно старые, а ещё стоял плоский деревянный чемодан, а на чемодане стояло алюминиевое корыто вверх тормашками, и я устроился очень удобно: голову на корыто, чемодан под поясницей — очень ловко и уютно. Я рассматривал тапочки и шлёпанцы и всё время думал, как это здорово я спрятался и сколько смеху будет, когда Костик меня тут найдёт.

Я отогнул немножко кончик одеяла, которое свешивалось со всех сторон до пола и закрывало от меня всю комнату: я хотел глядеть на дверь, чтобы видеть, как Костик войдёт и как он будет меня искать. Но в это время в комнату вошёл никакой не Костик, а вошла Ефросинья Петровна, симпатичная старушка, но немножко похожая на бабу-ягу.

Она вошла, вытирая руки о полотенце.

Я всё время потихоньку наблюдал за нею, думал, что она обрадуется, когда увидит, как Костик вытащит меня из-под кровати. А я ещё для смеху возьму какую-нибудь её туфлю в зубы, она тогда наверняка упадёт от смеха. Я был уверен, что вот ещё секунда или две промелькнут, и Костик обязательно меня обнаружит. Поэтому я сам всё время смеялся про себя, без звука.

У меня было чудесное настроение. И я всё время поглядывал на Ефросинью Петровну. А она тем временем очень спокойно подошла к двери и ни с того ни с сего плотно захлопнула её. А потом, гляжу, повернула ключик — и готово! Заперлась. Ото всех заперлась! Вместе со мной и корытом. Заперлась на два оборота.

В комнате сразу стало как-то тихо и зловеще.

Но тут я подумал, что это она заперлась не надолго, а на минутку, и сейчас отойдёт дверь,

и всё пойдёт как по маслу, и опять будет смех и радость, и Костик будет просто счастлив, что вот он в таком трудном месте меня отыскал! Поэтому я хотя и оробел, но не до конца, и всё продолжал посматривать на Ефросинью Петровну, что же она будет делать дальше.

А она села на кровать, и надо мной запели и заскрежетали пружины, и я увидел её ноги. Она одну за другой скинула с себя туфли и прямо в одних чулках подошла к двери, и у меня от радости заколотилось сердце.

Я был уверен, что она сейчас отопрёт замок, но не тут-то было. Можете себя представить, она — чик! — и погасила свет. И я услышал, как опять завыли пружины над моей головой, а кругом кромешная тьма, и Ефросинья Петровна лежит в своей постели и не знает, что я тоже здесь, под кроватью. Я понял, что попал в скверную историю, что теперь я в заточении, в ловушке.

Сколько я буду тут лежать? Счастье, если час или два! А если до утра? А как утром вылезать? А если я не приду домой, папа и мама обязательно сообщат в милицию. А милиция придёт с собакой-ищейкой. По кличке Мухтар. А если в нашей милиции никаких собак нету? И если милиция меня не найдёт? А если Ефросинья Петровна проспит до самого утра, а утром пойдёт в свой любимый сквер сидеть целый день и снова запрет меня, уходя? Тогда как? Я, конечно, поем немножко из её буфета, и когда она придёт, придётся мне лезть под кровать, потому что я съел её продукты и она отдаст меня под суд! И чтобы избежать позора, я буду жить под кроватью целую вечность? Ведь это самый

настоящий кошмар! Конечно, тут есть тот плюс, что я всю школу просижу под кроватью, но как быть с аттестатом, вот в чём вопрос. С аттестатом зрелости! Я под кроватью за двадцать лет не то что созрею, я там вполне перезрею.

Тут я не выдержал и со злости как трахнул кулаком по корыту, на котором лежала моя голова! Раздался ужасный грохот! И в этой страшной тишине при погашенном свете и в таком моём жутком положении мне этот стук показался раз в двадцать сильнее. Он просто оглушил меня.

И у меня сердце замерло от испуга. А Ефросинья Петровна надо мной, видно, проснулась от этого грохота. Она, наверное, давно спала мирным сном, а тут пожалуйста — тах-тах из-под кровати! Она полежала маленько, отдышалась и вдруг спросила темноту слабым и испуганным голосом:

— Ка-ра-ул?!

Я хотел ей ответить: «Что вы, Ефросинья Петровна, какое там «караул»? Спите дальше, это я, Дениска!» Я всё это хотел ей ответить, но вдруг вместо ответа как чихну во всю ивановскую, да ещё с хвостиком:

— Апчи! Чхи! Чхи! Чхи!..

Там, наверное, пыль поднялась под кроватью ото всей этой возни, но Ефросинья Петровна после моего чиханья убедилась, что под кроватью происходит что-то неладное. Здорово перепугалась и закричала уже не с вопросом, а совершенно утвердительно:

— Караул!

И я, непонятно почему, вдруг опять чихнул изо всех сил, с каким-то даже подвыванием чихнул, вот так:

— Апчхи-уу!

Ефросинья Петровна как услышала этот вой, так закричала ещё тише и слабей:

— Грабят!..

И, видно, сама подумала, что если грабят, так это ерунда, не страшно. А вот если... И тут она довольно громко завопила:

— Режут!

Вот какое враньё! Кто её режет? И за что? И чем? Разве можно по ночам кричать неправду? Поэтому я решил, что пора кончать это дело, и раз она всё равно не спит, мне надо вылезать.

И всё подо мной загремело, особенно корыто, ведь я в темноте не вижу. Грохот стоит дьявольский, а Ефросинья Петровна уже слегка помешалась и кричит какие-то странные слова:

— Грабаул! Караулят!

А я выскочил и по стене шарю, где тут выключатель, и нашёл вместо выключателя ключ, и обрадовался, что это дверь. Я повернул ключ, но оказалось, что я открыл дверь от шкафа, и я тут же перевалился через порог этой двери, и стою, и тычусь в разные стороны, и только слышу, мне на голову разное барахло падает.

Ефросинья Петровна пищит, а я совсем онемел от страха, а тут кто-то барабанит в настоящую дверь!

— Эй, Дениска! Выходи сейчас же! Ефросинья Петровна! Отдайте Дениску, за ним его папа пришёл!

И папин голос:

— Скажите, пожалуйста, у вас нет моего сына?

Тут вспыхнул свет. Открылась дверь. И вся наша компания ввалилась в комнату. Они стали

бегать по комнате, меня искать, а когда я вышел из шкафа, на мне было две шляпки и три платья.

Папа сказал:

— Что с тобой было? Где ты пропадал?

Костик и Мишка сказали тоже:

— Где ты был, что с тобой приключилось?

Рассказывай!

Но я молчал. У меня было такое чувство, что я и в самом деле просидел под кроватью ровно двадцать лет.

ЧТО ЛЮБИТ МИШКА

Один раз мы с Мишкой вошли в зал, где у нас бывают уроки пения. Борис Сергеевич сидел за роялем и что-то тихо играл. Мы с Мишкой сели на окно и сидели тихо, чтобы не мешать, а он нас не замечал и продолжал играть. Мне очень нравились радостные и приветливые звуки, и я долго мог бы так сидеть и слушать. Но Борис Сергеевич закрыл крышку рояля, увидел нас и весело сказал:

— О! Какие люди! Сидят, как два воробья на ветке! Что скажете?

Я спросил:

— Что это вы играли, Борис Сергеевич?

Он ответил:

— Это Шопен. Я его очень люблю.

Я сказал:

— Понятно. Вы учитель пения, поэтому и любите разные песенки.

Он сказал:

— Это не песенка. То, что я играл, больше чем простая «песенка».

Я спросил:

— Что же это?

Он серьёзно ответил:

— Му-зы-ка. Шопен — великий композитор.

Он сочинил чудесную музыку. А я люблю музыку больше всего на свете.

Он посмотрел на меня внимательно и спросил:

— Ну а ты что любишь? Больше всего на свете!

Я ответил:

— Я много чего люблю.

И я рассказал про собаку, и про то, как я строгаю, и про слонёнка, и про лань с розовыми копытами, и про древних воинов, и про лошадиные лица, и про всё, всё...

Он слушал меня внимательно, а потом сказал:

— Удивительно! А я и не знал. Ты ещё маленький, а любишь так много! Целый мир!

В наш разговор вмешался Мишка.

Он сказал:

— А я ещё больше Дениса люблю!

Борис Сергеевич засмеялся и сказал:

— Очень интересно! Теперь твоя очередь, что же ты любишь?

Мишка подумал немного и начал:

— Я люблю булки, батоны и кекс. Я люблю хлеб, торт и пирожные. Пирожки люблю тоже, с мясом, джемом, капустой и рисом. И горячо люблю кильки, икру и картошку, особенно жареную. Можно и варёную.

Варёную колбасу люблю очень сильно — могу съесть на спор целый килограмм. Копчёную колбасу люблю больше всего! Очень люблю макароны с маслом, сыр — с дырочками и без

дырочек, с красной коркой или с белой — всё равно.

Люблю яблоки, котлеты, суп из фасоли, зелёный горошек, мясо, сахар, чай, яйца. Так... Про конфеты — говорить не буду. Кто их не любит? Ах да! Я всей душой люблю мороженое.

Мишка посмотрел на потолок и вздохнул. Видно, он уже здорово устал.

Борис Сергеевич внимательно смотрел на него, и Мишка поехал дальше. Он бормотал:

— Морковь, рыбу, бананы, пирожные, про пирожки я уже говорил. Бульон, компот, колбасу, колбасу я тоже говорил...

Мишка замолчал. Было ясно, что он ждёт, когда Борис Сергеевич его похвалит. Но тот молчал, только внимательно смотрел на Мишку. Мишка тоже молчал.

Первым заговорил Борис Сергеевич:

— Ты многое, конечно, любишь, но всё это какое-то одинаковое, съедобное. Получается целый продуктовый магазин. И только. А люди? Кого ты любишь? А животные?

Тут Мишка покраснел и сказал:

— Ой, совсем забыл! Ещё — котят! И бабушку!

МАЯКОВСКИЙ

Владимир Владимирович

1893—1930

ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штулки:
от первой до третьей — люди,
четвёртая была — верблюдик.
К ним, любопытством объята,
по дороге пристала пятая,
от неё в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.
И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все — и растаяли.
И следом за ними, гонясь и
сжирав,
солнце погналось —
жёлтый жираф.

МОШКОВСКАЯ
Эмма Эфраимовна
1926—1981

Я МАМУ МОЮ ОБИДЕЛ

Я маму мою обидел,
Теперь никогда-никогда
Из дому вместе не выйдем,
Не сходим с ней никуда.

Она в окно не помашет,
И я ей не помашу,
Она ничего не расскажет,
И я ей не расскажу...

Возьму я мешок за плечи,
Я хлеба кусок найду,
Найду я палку покрепче,
Уйду я, уйду в тайгу!

Я буду ходить по следу,
Я буду искать руду
И через бурную реку
Строить мосты пойду!

И буду я главный начальник,
И буду я с бородой,
И буду всегда печальный
И молчаливый такой...

И вот будет вечер зимний,
И вот пройдёт много лет,
И вот в самолёт реактивный
Мама возьмёт билет.

И в день моего рожденья
Тот самолёт прилетит,
И выйдет оттуда мама,
И мама меня простит.

ПЕСНЯ

Я проснулся поутру —
Пляшет солнце на ветру!
Веселятся все поля
без меня!

И резвятся тополя
без меня!

И смеётся вся земля,
И шмели снуют звеня...
Всё на свете без меня,
без меня!

И я тогда скорей вскочил,
Я башмаки скорей схватил,
Мне Ветер,
Ветер,
Ветер,
Сказал, куда идти.

И мой хороший Ветер
Играл со мной в пути.
И Солнце мне сказало:
— Возьми меня с собой! —
Оно меня догнало
И шло
Над головой!

И так мы все шагали,
Бежали
И шли.
И как-то
Где-то
Чью-то,
Чью-то песенку нашли.
Про пчелиное
Медовое
Жильё,
Про жуковые
Дела,
Червяковые
Дела,
Муравьёвые
Дела
Песенка была.

ПАУСТОВСКИЙ

Константин Георгиевич

1892—1968

ВЕЛИКИЙ СКАЗОЧНИК

(В сокращении)

...Андерсен всю свою жизнь умел радоваться, хотя детство его не давало для этого никаких оснований. Родился он в 1805 году, во время Наполеоновских войн, в старом датском городе Оденсе, в семье сапожника.

Если хорошенько подумать, на что был похож Оденсе, то, пожалуй, можно сказать, что он больше напоминал игрушечный город, вырезанный из почернелого дуба.

Андерсен вырос в бедности. Единственной гордостью семьи Андерсена была необыкновенная чистота в их доме, ящик с землёй, где густо разрастался лук, и несколько вазонов на окнах, в них цвели тюльпаны.

По праздникам матросы устраивали борьбу на узкой доске, перекинутой с борта одного корабля на другой. Победённый падал в воду под хохот зрителей.

Во всём этом небогатом воображении людей, небольших событий, красок и звуков, окружавших тихого мальчика, он находил повод для того, чтобы выдумывать невероятные истории.

Пока он был ещё слишком мал, чтобы решиться рассказывать эти истории взрослым. Ре-

шимость пришла позже. Тогда оказалось, что эти истории называются сказками, дают людям повод для размышления и приносят им много радости.

В доме у Андерсенов у мальчика был только один благодарный слушатель — старый кот по имени Карл. Но у Карла был крупный недостаток: кот часто засыпал, не дослушав до конца интересную сказку. Кошачьи годы, как говорится, брали своё. Но мальчик не сердился на старого кота: он всё ему прощал за то, что Карл никогда не позволял себе сомневаться в существовании колдуний, хитреца Клумпе-Думпе, догадливых трубочистов, говорящих цветов и лягушек с брильянтовыми коронами на голове.

Первые сказки мальчик услышал от отца и старух из соседней богадельни. Весь день эти старухи пряли, сгорбившись, серую шерсть и бормотали свои нехитрые рассказы. Мальчик переделывал эти рассказы по-своему, украшая их, как бы расцвечивая свежими красками, и в неузнаваемом виде снова рассказывал их, но уже от себя, богаделкам. А те только ахали и шептались между собой, что маленький Кристиан слишком умён и потому не заживётся на свете.

Андерсен был единственным ребёнком в семье и, несмотря на бедность родителей, жил вольно и беззаботно. Его никогда не наказывали. Он занимался только тем, что мечтал. Это обстоятельство даже помешало ему вовремя научиться грамоте: он одолел её позже, чем все мальчики его возраста.

Что толкнуло Андерсена в область сказки?

Сам он говорил, что легче всего писать сказки, оставаясь наедине с природой, «слушая её

голос», особенно в то время, когда он отдыхал в лесах Зеландии, почти всегда окутанных неплотным туманом и дремлющих под слабым мерцанием звёзд. Далёкий ропот моря, долетавший в чашу этих лесов, придавал им таинственность.

Но мы также знаем, что многие сказки Андерсен писал среди зимы, в разгар детских ёлочных праздников, и придавал им нарядную и простую форму, свойственную ёлочным украшениям.

Что говорить! Приморская зима, ковры снегов, треск огня в печах и сияние зимней ночи — всё это располагает к сказке.

Андерсен считал свою жизнь прекрасной, но, конечно, лишь в силу детской своей жизнерадостности. Эта незлобивость по отношению к жизни обычно бывает верным признаком внутреннего богатства. Таким людям, как Андерсен, нет охоты растрачивать время и силы на борьбу с житейскими неудачами, когда вокруг так явственно сверкает поэзия, и нужно жить только в ней, жить только ею и не пропустить то мгновение, когда весна прикоснётся губами к деревьям. Как бы хорошо никогда не думать о житейских невзгодах! Чего они стоят по сравнению с этой благодатной, душистой, ослепляющей весной!

Андерсену хотелось так думать и жить, но действительность совсем не была милостива к нему.

Андерсен часто страдал, страдал жестоко, и можно только преклоняться перед мужеством этого человека, не растерявшего на своём жизненном пути ни доброжелательства к людям, ни

жажды справедливости, ни способности видеть поэзию всюду, где она есть...

Когда в 1875 году писателя не стало, в Дании был объявлен национальный траур. Прошли годы, и в Копенгагене, столице Дании, был установлен памятник Андерсену с надписью: «Воздвигнут датским народом».

ЗАЯЧЬИ ЛАПЫ

К ветеринару¹ в наше село пришёл с Уржэнского озера Ваня Малявин и принёс завёрнутого в рваную ватную куртку маленького тёплого зайца. Заяц плакал и часто моргал красными от слёз глазами.

— Ты что, одурел? — крикнул ветеринар. — Скоро будешь ко мне мышей таскать, оголец!

— А вы не лайте, это заяц особенный, — хриплым шёпотом сказал Ваня. — Его дед прислал, велел лечить.

— От чего лечить-то?

— Лапы у него пожжённые.

Ветеринар повернул Ваню лицом к двери, толкнул в спину и крикнул вслед:

— Валяй, валяй! Не умею я их лечить. Зажарь его с луком — деду будет закуска.

Ваня ничего не ответил. Он вышел в сени, заморгал глазами, потянул носом и уткнулся в бревенчатую стену. По стене потекли слёзы. Заяц тихо дрожал под засаленной курткой.

— Ты чего, малый? — спросила Ваню жалостливая бабка Анисья; она привела к ветеринару

¹ Ветеринар — врач, лечащий животных.

свою единственную козу. — Чего вы, сердешные, вдвоём слёзы льёте? Ай случилось что?

— Пожжённый он, дедушкин заяц, — сказал тихо Ваня. — На лесном пожаре лапы себе пожёг, бегать не может. Вот-вот, гляди, умрёт.

— Не умрёт, малый, — прошамкала Ани-сья. — Скажи дедушке своему, ежели большая у него охота зайца выходить, пущай несёт его в город к Карлу Петровичу.

Ваня вытер слёзы и пошёл лесами домой, на Урженское озеро. Он не шёл, а бежал босиком по горячей песчаной дороге. Недавний лесной пожар прошёл стороной на север около самого озера. Пахло гарью и сухой гвоздикой. Она большими островами росла на полянах.

Заяц стонал.

Ваня нашёл на дороге пушистые, покрытые серебряными мягкими волосами листья, вырвал их, положил под сосенку и развернул зайца. Заяц посмотрел на листья, уткнулся в них головой и затих.

— Ты чего, серый? — тихо спросил Ваня. — Ты бы поел.

Заяц молчал.

— Ты бы поел, — повторил Ваня, и голос его задрожал. — Может, пить хочешь?

Заяц повёл рваным ухом и закрыл глаза.

Ваня взял его на руки и побежал напрямик через лес — надо было поскорее дать зайцу напиться из озера.

Неслыханная жара стояла в то лето над лесами. Утром наплывали вереницы плотных белых облаков. В полдень облака стремительно рвались вверх, к зениту, и на глазах уносились и исчезали где-то за границами неба. Жаркий ура-

ган дул уже две недели без передышки. Смола, стекавшая по сосновым стволам, превратилась в янтарный камень.

Наутро дед надел чистые онучи¹ и новые лапти, взял посох и кусок хлеба и побрёл в город. Ваня нёс зайца сзади. Заяц совсем притих, только изредка вздрагивал всем телом и судорожно вздыхал.

Суховой² вздул над городом облако пыли, мягкой, как мука. В ней летали куриный пух, сухие листья и солома. Издали казалось, что над городом дымит тихий пожар.

На базарной площади было очень пусто, знойно: извозчичьи лошади дремали около водоразборной будки, и на головах у них были надеты соломенные шляпы. Дед перекрестился.

— Не то лошадь, не то невеста — шут их разберёт! — сказал он и сплюнул.

Долго спрашивали прохожих про Карла Петровича, но никто толком ничего не ответил. Зашли в аптеку. Толстый старый человек в пенсне и в коротком белом халате сердито пожал плечами и сказал:

— Это мне нравится! Довольно странный вопрос! Карл Петрович Корш — специалист по детским болезням — уже три года как перестал принимать пациентов. Зачем он вам?

Дед, заикаясь от уважения к аптекарю и от робости, рассказал про зайца.

— Это мне нравится! — сказал аптекарь. — Интересные пациенты завелись в нашем городе. Это мне замечательно нравится! — Он нерв-

¹ Онучи — портянки, обмотки под сапоги или лапти.

² Суховой — сухой, горячий ветер.

но снял пенсне, протёр, снова нацепил на нос и уставился на деда. Дед молчал, топтался. Аптекарь тоже молчал. Молчание становилось тягостным.

— Почтовая улица, три! — вдруг в сердцах крикнул аптекарь и захлопнул какую-то растрёпанную толстую книгу. — Три!

Дед с Ваней добрали до Почтовой улицы как раз вовремя — из-за Оки заходила высокая гроза. Ленивый гром потягивался за горизонтом, как заспанный силач распрямлял плечи, и нехотя потряхивал землю. Серая рябь пошла по реке. Бесшумные молнии исподтишка, но стремительно и сильно били в луга; далеко за полянами уже горел стог сена, зажжённый ими. Крупные капли дождя падали на пыльную дорогу, и вскоре она стала похожа на лунную поверхность: каждая капля оставляла в пыли маленький кратер.

Карл Петрович играл на рояле нечто печальное и мелодичное, когда в окне появилась растрёпанная борода деда.

Через минуту Карл Петрович уже сердился.

— Я не ветеринар, — сказал он и захлопнул крышку рояля. Тотчас же в лугах проворчал гром. — Я всю жизнь лечил детей, а не зайцев.

— Что ребёнок, что заяц — всё одно, — упрямо пробормотал дед. — Всё одно! Полечи, яви милость! Ветеринару нашему такие дела неподсудны. Он у нас коновал¹. Этот заяц, можно сказать, спаситель мой: я ему жизнью обязан, благодарность оказывать должен, а ты говоришь — бросить!

¹ Коновал — лекарь-самоучка, лечащий лошадей.

Ещё через минуту Карл Петрович — старик с седыми взъерошенными бровями, — волнуясь, слушал спотыкающийся рассказ деда. Карл Петрович в конце концов согласился лечить зайца. На следующее утро дед ушёл на озеро, а Ваню оставил у Карла Петровича ходить за зайцем.

Через день вся Почтовая улица, заросшая гусиной травой, уже знала, что Карл Петрович лечит зайца, обгоревшего на страшном лесном пожаре и спасшего какого-то старика. Через два дня об этом уже знал весь маленький городок, а на третий день к Карлу Петровичу пришёл длинный юноша в фетровой шляпе, назвался сотрудником московской газеты и попросил дать беседу о зайце.

Зайца вылечили. Ваня завернул его в ватное тряпье и понёс домой. Вскоре историю о зайце забыли, и только какой-то московский профессор долго добивался от деда, чтобы тот ему продал зайца. Присылал даже письма с марками на ответ. Но дед не сдавался. Под его диктовку Ваня написал профессору письмо:

«Заяц не продажный, живая душа, пусть живёт на воле. При сём остаюсь Ларион Малявин».

Этой осенью я ночевал у деда Лариона на Урженском озере. Созвездия, холодные, как крупинки льда, плавали в воде. Шумел сухой тростник. Утки зябли в зарослях и жалобно крякали всю ночь.

Деду не спалось. Он сидел у печки и чинил рваную рыболовную сеть. Потом поставил самовар — от него окна в избе сразу запотели и звёзды из огненных точек превратились в мутные шары. Во дворе лаял Мурзик. Он прыгал

в темноту, ляскал зубами и отскакивал — во-евал с непроглядной октябрьской ночью. Заяц спал в сенах и изредка во сне громко стучал задней лапой по гнилой половице.

Мы пили чай ночью, дожидаясь далёкого и нерешительного рассвета, и за чаем дед рассказал мне наконец историю о зайце.

В августе дед пошёл охотиться на северный берег озера.

Леса стояли сухие, как порох.

Деду попался зайчонок с рваным левым ухом. Дед выстрелил в него из старого, связанного проволокой ружья, но промахнулся. Заяц удрал.

Дед пошёл дальше. Но вдруг затревожился: с юга, со стороны Лопухов, сильно тянуло гарью. Поднялся ветер. Дым густел, его уже несло белой пеленой по лесу, затягивало кусты. Стало трудно дышать.

Дед понял, что начался лесной пожар и огонь идёт прямо на него. Ветер перешёл в ураган. Огонь гнало по земле с неслыханной скоростью. По словам деда, даже поезд не мог бы уйти от такого огня.

Дед был прав: во время урагана огонь шёл со скоростью тридцати километров в час.

Дед побежал по кочкам, спотыкался, падал, дым выедал ему глаза, а сзади был уже слышен широкий гул и треск пламени.

Смерть настигала деда, хватала его за плечи, и в это время из-под ног у деда выскочил заяц. Он бежал медленно и волочил задние лапы. Потом только дед заметил, что они у зайца обгорели.

Дед обрадовался зайцу, будто родному. Как старый лесной житель, дед знал, что звери го-

раздо лучше человека чуют, откуда идёт огонь, и всегда спасаются. Гибнут они только в тех редких случаях, когда огонь их окружает.

Дед побежал за зайцем. Он бежал, плакал от страха и кричал: «Погоди, милый, не беги так-то шибко!»

Заяц вывел деда из огня. Когда они выбежали из леса к озеру, заяц и дед, — оба упали от усталости. Дед подобрал зайца и понёс домой. У зайца были опалены задние ноги и живот. Потом дед его вылечил и оставил у себя.

— Да, — сказал дед, поглядывая на самовар так сердито, будто самовар был всему виной, — да, а перед тем зайцем, выходит, я сильно провинился, милый человек.

— Чем же ты провинился?

— А ты выдь, погляди на зайца, на спасителя моего, тогда узнаешь. Бери фонарь!

Я взял со стола фонарь и вышел в сенцы. Заяц спал. Я нагнулся над ним с фонарём и заметил, что левое ухо у зайца рваное. Тогда я понял всё.

ЗОЛОТОЙ ЛИНЬ

Когда в лугах покосы, то лучше не ловить рыбу на луговых озёрах. Мы знали это, но всё-таки пошли на Прорву.

Неприятности начались сейчас же за Чёртовым мостом. Разноцветные бабы копнили сено. Мы решили их обойти стороной, но они нас заметили.

— Куды, соколики? — закричали и захохотали бабы. — Кто удит, у того ничего не будет!

— На Прорву подались, верьте мне, бабочки! — крикнула высокая и худая вдова, прозванная Грушей-пророчицей. — Другой пути у них нету, у горемычных моих!

Бабы нас изводили всё лето. Сколько бы мы ни наловили рыбы, они всегда говорили с жалостью:

— Ну что ж, хоть на ушицу себе наловили, и то счастье. А мой Петька надысь десяток карасей принёс, и до чего гладких — прямо жир с хвоста капает!

Мы знали, что Петька принёс всего двух худых карасей, но молчали. С этим Петькой у нас были свои счёты: он срезал у Рувима крючок и выследил места, где мы прикармливали рыбу. За это Петьку, по рыболовным законам, полагалось вздуть, но мы его простили.

Когда мы выбрались в некошенные луга, бабы стихли.

Сладкий конский щавель хлестал нас по груди. Медуница пахла так сильно, что солнечный свет, затопивший рязанские дали, казался жидким мёдом.

Мы дышали тёплым воздухом трав, вокруг нас гулко жужжали шмели и трещали кузнечики.

Тусклым серебром шумели над головой листья столетних ив. От Прорвы тянуло запахом кувшинок и чистой холодной воды.

Мы успокоились, закинули удочки, но неожиданно из лугов приплёлся дед, по прозвищу Десять процентов.

— Ну, как рыбка? — спросил он, щурясь на воду, сверкавшую от солнца. — Ловится?

Всем известно, что на рыбной ловле разговаривать нельзя.

Дед сел, закурил махорку и начал разуваться.
— Не-ет, нынче клевать у вас не будет, нынче рыба заелась. Шут её знает, какая ей насадка нужна!

Дед помолчал. У берега сонно закричала лягушка.

— Ишь стрекочет! — пробормотал дед и взглянул на небо.

Тусклый розовый дым висел над лугом. Сквозь этот дым просвечивала бледная синева, а над седыми ивами висело жёлтое солнце.

— Сухомень! — вздохнул дед. — Надо думать, к вечеру ха-ароший дождь натянет.

Мы молчали.

— Лягва тоже не зря кричит, — объяснил дед, слегка обеспокоенный нашим угрюмым молчанием. — Лягва, милок, перед грозой завсегда тревожится, скачет куды ни попало. Надысь я ночевал у паромщика, уху мы с ним в казанке варили у костра, и лягва — кило в ней было весу, не меньше, — сиганула прямо в казанок, там и сварилась. Я говорю: «Василий, остались мы с тобой без ухи», а он говорит: «Чёрта ли мне в той лягве! Я во время германской войны во Франции был, и там лягву едят почём зря. Ешь, не пужайся». Так мы ту уху и схлебали.

— И ничего? — спросил я. — Есть можно?

— Скусная пища, — ответил дед. — И-и-их, милый, гляжу я на тебя, всё ты по Прорвам ша-таешься. Хошь, я тебе пиджачок из лыка сплету? Я сплёл, милок, из лыка цельную тройку — пиджак, штаны и жилетку — для выставки. Супротив меня нет лучшего мастера на всё село.

Дед ушёл только через два часа. Рыба у нас, конечно, не клевала.

Ни у кого в мире нет столько самых разнообразных врагов, как у рыболовов. Прежде всего — мальчишки. В лучшем случае они будут часами стоять за спиной, сопеть и оцепенело смотреть на поплавок.

Мы заметили, что при этом обстоятельстве рыба сейчас же перестаёт клевать.

В худшем случае мальчишки начнут купаться поблизости, пускать пузыри и нырять, как лошади. Тогда надо сматывать удочки и менять место.

Кроме мальчишек, баб и болтливых стариков, у нас были враги более серьёзные: подводные коряги, комары, ряска, грозы, ненастье и прибыль воды в озёрах и реках.

Ловить в коряжистых местах было очень заманчиво — там пряталась крупная и ленивая рыба. Брала она медленно и верно, глубоко топала поплавок, потом запутывала леску о корягу и обрывала её вместе с поплавком.

Тонкий комариный зуд приводил нас в трепет. Первую половину лета мы ходили все в крови и опухолях от комариных укусов. В безветренные дни, когда в небе сутками стояли на одном месте всё те же пухлые, похожие на вату облака, в заводях и озёрках появлялась мелкая поросль, похожая на плесень, — ряска. Вода затягивалась липкой зелёной плёнкой, такой толстой, что даже грузило её не могло пробить.

Перед грозой рыба переставала клевать — она боялась грозы, затишья, когда земля глухо дрожит от далёкого грома.

В ненастье и во время прибыли воды клёва не было.

Но зато как хороши были туманные и свежие утра, когда тени деревьев лежали далеко

на воде и под самым берегом ходили стаями неторопливые пучеглазые голавли! В такие утра стрекозы любили садиться на перьяные поплавки, и мы с замиранием сердца смотрели, как поплавок со стрекозой вдруг медленно и косо шёл в воду, стрекоза взлетала, замочив свои лапки, а на конце лески туго ходила по дну сильная и весёлая рыба.

Как хороши были краснопёрки, падавшие живым серебром в густую траву, прыгавшие среди одуванчиков и кашки! Хороши были закаты в полнеба над лесными озёрами, тонкий дым облаков, холодные стебли лилий, треск костра, кряканье диких уток.

Дед оказался прав: к вечеру пришла гроза. Она долго ворчала в лесах, потом поднялась к зениту пепельной стеной, и первая молния хлестнула в далёкие стога.

Мы просидели в палатке до ночи. В полночь дождь стих. Мы разожгли большой костёр, обсохли и легли вздремнуть.

В лугах печально кричали ночные птицы, и белая звезда переливалась над Прорвой в чистом предутреннем небе.

Я задремал.

Разбудил меня крик перепела.

«Пить пора! Пить пора! Пить пора!» — кричал он где-то рядом, в зарослях шиповника и крушины.

Мы спустились с крутого берега к воде, цепляясь за корни и травы. Вода блестела, как чёрное стекло; на песчаном дне были видны дорожки, проложенные улитками.

Рувим закинул удочку недалеко от меня. Через несколько минут я услышал его тихий при-

звонный свист. Это был наш рыболовный язык. Короткий свист три раза значил: «Бросайте всё и идите сюда».

Я осторожно подошёл к Рувиму. Он молча показал мне на поплавок. Клевала какая-то странная рыба. Поплавок качался, осторожно ёрзал то вправо, то влево, дрожал, но не тонул. Он стал наискось, чуть окунулся и снова вынырнул.

Рувим застыл — так клюёт только очень крупная рыба.

Поплавок быстро пошёл в сторону, остановился, выпрямился и начал медленно тонуть.

— Топит, — сказал я. — Тащите!

Рувим подсёк. Удилище согнулось в дугу, леска со свистом врезалась в воду. Невидимая рыба туго и медленно водила леску по кругам. Солнечный свет упал на воду сквозь заросли вётел, и я увидел под водой яркий бронзовый блеск: это изгибалась и пятилась в глубину пойманная рыба. Мы вытащили её только через несколько минут. Это оказался громадный ленивый линь со смуглой золотой чешуёй и чёрными плавниками. Он лежал в мокрой траве и медленно шевелил толстым хвостом.

Рувим вытер пот со лба и закурил.

Мы больше не ловили, смотали удочки и пошли в деревню.

Рувим нёс линия. Он тяжело свисал у него с плеча. С линия капала вода, а чешуя сверкала так ослепительно, как золотые купола бывшего монастыря. В ясные дни купола были видны за тридцать километров.

Мы нарочно прошли через луга мимо баб. Они, завидев нас, бросили работу и смотрели на линия, прикрыв ладонями глаза, как смотрят

на нестерпимое солнце. Бабы молчали. Потом лёгкий шёпот восторга прошёл по их пёстрым рядам.

Мы шли через строй баб спокойно и независимо. Только одна из них вздохнула и, берясь за грабли, сказала нам вслед:

— Красоту-то какую понесли — глазам больно!

Не торопясь мы пронесли линия через всю деревню. Старухи высывались из окон и глядели нам в спину. Мальчишки бежали следом и канючили:

— Дядь, а дядь, где пымал? Дядь, а дядь, на што клюнуло?

Дед Десять процентов пощёлкал линия по золотым твёрдым жабрам и засмеялся:

— Ну, теперь бабы языки подожмут! А то у них всё хаханьки да хихоньки. Теперя дело иное, серьёзное.

С тех пор мы перестали обходить баб. Мы шли прямо на них, и они нам ласково кричали:

— Ловить вам не переловить! Не грех бы и нам рыбки принести.

Так восторжествовала справедливость.

СКАЗКИ ПУШКИНА

Трудно найти в нашей стране человека, который бы не знал и не любил замечательные произведения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Ещё при жизни его называли «солнцем русской поэзии». Прошло больше ста лет, как погиб поэт, а наша любовь к нему всё так же крепка, стихи его становятся нам всё ближе, дороже и нужнее. И мы можем добавить к словам современников Пушкина ещё

одно слово и сказать: «Пушкин — незаходящее солнце русской поэзии».

Пушкин первый из русских поэтов заговорил простым народным языком. Этот язык в его стихах и сказках льётся свободно и звонко, как прозрачный родник. Поэт всегда восторгался богатством, выразительностью, меткостью русского языка, владел им блестяще и всё же не переставал изучать его всю жизнь.

У Пушкина было много друзей. Но с детства самым близким, самым преданным ему человеком была простая крестьянка, его няня Арина Родионовна Матвеева. «Подруга дней моих суровых» — назвал её поэт. У неё он с малых лет учился чистому народному языку. От неё он впервые услышал замечательные русские сказки.

В селе Михайловском, куда Пушкин был сослан по приказу царя, он вплотную столкнулся с жизнью деревни, узнал, полюбил её песни, басни и сказки. Он часто бывал на ярмарках, ходил в толпе крестьян, заводил беседы с ямщиками, со странниками, записывал все меткие слова и выражения, запоминал песни слепцов — старинные и грозные песни о горькой народной доле.

В длинные зимние вечера в ветхом доме в Михайловском Арина Родионовна, как и в детстве, рассказывала поэту сказки. Валил снег, пел ветер в печных трубах, жужжало веретено — и сказочный народный мир расцветал вокруг Пушкина.

Поэт, брызгая гусиным пером, торопливо записывал нянины сказки. «Что за прелесть эти сказки! — говорил он. — Каждая есть поэма». Под его лёгким пером некоторые из этих ска-

зок превращались в свободные и певучие стихи, чтобы разойтись по всей стране, по всему миру, обрадовать людей и открыть им неистощимые и удивительные богатства русской поэзии.

Пушкин перенёс в свои сказки чудесные и живые образы народной фантазии: золотую рыбку, царевну Лебедь, Черномора и морских богатырей, золотого петушка и затейницу-белку. И вместе с народом в своих сказках Пушкин жестоко высмеял и осудил глуповатых и злых царей, жадных попов, хитрых и невежественных бояр.

Каждый, кто прочтёт сказки впервые, будет счастлив этим, а кто станет перечитывать их, будет счастлив вдвойне. Пушкин оставил нам не только эти изумительные сказки, но ещё много звучных и сильных стихотворений, поэм, рассказов и повестей.

Имя Пушкина никогда не забудется: он всегда с нами, наш живой, любимый, наш великий Пушкин!

ЯХНИН

Леонид Львович

р. 1937

МЕТРО

Сказка о великане

Есть такая сказка. Жил великан. Он был такой тяжёлый, что при каждом шаге уходил в землю сначала по щиколотку, а потом и вовсе по колено.

Наши города-великаны тоже всё глубже и глубже опускаются под землю. Подвалами своих домов. Подземными гаражами. Подземными складами и даже подземными книгохранилищами. И ездить люди стали под землёй. В метро. Сидя на мягком удобном диване, можно проехать под улицами и домами, промчатся под самым дном реки и даже не заметить этого.

Сколько же надо было бы автобусов и троллейбусов пустить по городу, не будь у нас подземных поездов? Они бы, наверное, запрудили все улицы.

Приезжают в нашу страну люди со всего света. И, попадая в московское метро, удивляются: как там светло и просторно.

Что мы видим и чего не видим в метро?

Видим мы просторные вестибюли, лестницы-эскалаторы, станции-залы, тоннели, поезда. Но от наших глаз скрыты машины и механизмы, без которых остановились бы поезда, замерли бы самобегущие лестницы, утонули бы в темноте залы станций.

Беспрерывно гудят вентиляторы в огромных вентиляционных камерах. Они засасывают с поверхности земли чистый воздух, согревают его зимой, охлаждают летом и гонят в залы станций. Вот почему в метро всегда дует свежий приятный ветерок.

За движением поездов внимательно следит диспетчер. Но для этого ему совсем не обязательно бегать на каждую станцию, заглядывать на платформы. Ему помогают автоматы. Вся картина движения поездов развёртывается перед диспетчером на экране телевизора. И он, не выходя из своей комнаты, переключает стрелки на рельсах, регулирует скорость поездов так, чтобы они шли один за другим по расписанию.

А ночью, когда все пассажиры спят, работа в метро не прекращается. Появляются на станциях машины-уборщики. Они подметают и моют полы. Идут по опустевшим вагонам осмотрщики — слесари и ремонтники, — надо проверить исправность поездов. А потом поезда принимают «душ» — проходят сквозь густые щётки вагономоечных машин. Утром они, сверкающие чистыми стёклами, повезут пассажиров.

День рождения московского метро

Мы все так привыкли к метро, что кажется, будто оно было всегда. На самом деле первые станции метро открылись в Москве в мае 1935 года.

Когда начинали строить метро, всем хотелось участвовать в этом новом и интересном деле. И конечно же, первой была молодёжь. В метро-строители шли молодые рабочие с заводов «Борец» и «Москабель», ткачихи с фабрики «Трёхгорка», шофёры, каменщики, плотники. Даже повара и почтальоны.

Для того чтобы прорыть первые одиннадцать с половиной километров подземных тоннелей, выкопали столько земли, что можно было бы ею нагрузить состав, протянувшийся от Москвы до Урала.

А когда первая линия метро была закончена и москвичи проехали от «Сокольников» до «Парка культуры», они восхищались прекрасными залами станций и светлыми вестибюлями.

Московская молодёжь за самоотверженную работу была награждена высшей наградой Родины.

Теперь метро есть и в Санкт-Петербурге, и в Киеве, и в Баку, и в Тбилиси, и в Харькове, и в Ташкенте, и в других городах.

Метро будущего

В нашем метро так всё удобно и хорошо придумано, что, кажется, лучше и не выдумаешь.

Но представьте себе. Поезд метро подъехал к станции. Открылись двери. Вышли пассажиры, стали на самодвижущуюся дорожку-тротуар

и поехали в магазин, в кино, в библиотеку. Прямо под землёй, не поднимаясь на поверхность. Потому что дверь в магазин тут же, под землёй. И кассы кинотеатра опустились под землю. И в библиотеку можно попасть через подземный вход.

Бегут ребристые тротуары вдоль витрин и дверей, словно по улицам города. А это и есть город. Метро стало не просто городским транспортом. Оно превратилось в подземный этаж города. Вот каким станет метро в будущем.

Зарубежная литература

СКАЗКИ НАРОДОВ МИРА

КАК МУЖИК С ПАНОМ ПООБЕДАЛ

Белорусская сказка

Сидели раз мужики под вётрами, трубочки посасывали, про пана калякали. Он у них сердитый, скупой; у него, болтают, ковшика воды не допросишься. А один мужик и говорит:

— Эх вы... да я, если захочу, не то что воды выпрошу, а у пана пообедаю.

Закричали мужики, заспорили:

— Если ты не врёшь, у нашего пана пообедаешь, мы тебе пару волов дадим.

Уж побились об заклад честь честью.

Пришёл мужик к пану, поклонился низенько и говорит шёпотом:

— Пане милостивый, никому я ничего не рассказывал, сразу к вам прибежал спросить: сделайте милость, пан, скажите, что бы стоил такой кусок золота?

И показывает пану свой добрый мужицкий кулак.

Разгорелись у пана на золото глаза.

— Заходи, — говорит, — заходи, мужичок.

А мужик в комнату зашёл, а всё своё твердит:

— А скажите мне, пан милостивый, а если б такой кусок, что б ему была за цена?

Сложил два кулака и показывает.

Задрожал тут пан от жадности и говорит:

— Садись, мужичок, садись, выпей чарочку.

А мужик ему:

— Да ведь чарочку, пан милостивый, пьют-то под закусочку. А скажите, пане, если бы такой кусок?

Да показывает на свою голову.

Побелел тут пан, в ладони захлопал, кричит слугам:

— Несите водочку да наливочку, да борщу, да галушечек! Садись, мужичок, пообедаем.

Сел мужичок с паном, обедает.

Пан аж горит — хочет знать, где тот кусок золота.

А мужик панскую еду ест, причмокивает, от веку такой не пробовал.

Только прожевал — пан за картуз:

— Ну, веди, мужичок, где это золото!

А мужик трубку закурил, головой помотал:

— Так что ж, паночек милостивый, у меня ведь его нету, этого золота. Я так спросил, что бы оно стоило, коли было бы.

Рассердился пан, закричал на мужика:

— Пошёл вон, дурень!

А мужик ему в ответ:

— Эх, паночек милостивый, не так уж я глуп, не так бестолков, коли получил пару круторогих волон.

ХРОМАЯ МОЛЛИ

Английская сказка

На одной ферме жили две работницы — Молли и Нелли. Однажды, возвращаясь домой, они услышали шум в хлебном амбаре. Молодым де-

вушкам захотелось узнать, в чём дело. Подойдя к амбару, Молли заглянула в замочную скважину. Вся внутренность амбара была залита ярким светом, и при этом свете молодая девушка увидела множество крошечных хорошеньких человечков с прозрачными крылышками. Они возились в закромах и наполняли пшеничными и ржаными зёрнами сумочки, висевшие у них на плечах. Впрочем, сумочки эти были так малы, что в них помещалось всего по два-три зёрнышка.

Молли сразу догадалась, что она видит эльфов — маленьких волшебных обитателей лесов и полей, которые спят в чашечках цветов, пьют росу, качаются на паутинках, но могут награждать людей, сделавших что-нибудь хорошее для них, и наказывать не угодивших им.

— Ах вы, маленькие воры, — сказала она, — погодите, вот я вам!

Она шёпотом рассказала Нелли обо всём, что увидела, и попросила подругу помочь ей. Как только первый эльф показался из замочной скважины, девушки схватили его за прозрачные, как у стрекозы, нежные блестящие крылышки. А надо вам сказать, что тот, кто держит за крылышки эльфа, лишает его власти. Молли и Нелли знали это. Маленький эльф гневно отбивался, но так как в эту минуту у него не было его волшебной силы, он ничего не мог сделать, а, на его беду, остальные лесные духи замешкались в амбаре.

— Отпусти меня, — сказал эльф голосом тоненьким, как жужжание мушки в летний день.

— Ах ты, маленький воришка, — ответила ему Молли, — отпустить тебя! А зачем вы крадёте рожь и пшеницу нашего хозяина? Вы кра-

дёте, а нас бранят за то, что мы тратим много зерна...

— Отпусти, — опять пропищал эльф.

Молли оглянулась. Она не увидела поблизости ни одного эльфа и решила, что ей можно ещё немного поторговаться с маленьким пленником.

— Ну, мы отпустим тебя, какая же польза будет нам от того, что мы поймали за крылышки лесного духа? Ведь поймать эльфа непросто, и это нечасто удаётся людям. Так неужели же отпустить тебя без всякого выкупа? — сказала Нелли.

— Только отпустите меня, — проговорил эльф, — и вы не будете жалеть об этом. Но вот что: каждый день ставьте возле вашего порога по две чаши с водой. Мы будем выпивать воду или уносить её к себе домой для поливки наших растений, а вы на рассвете берите то, что окажется в чашах. Только никогда не забывайте ставить чаши с водой. Мы хорошо платим за услуги, но жестоко наказываем забывчивых и ленивых. Да, вот ещё что: если вы будете аккуратно ставить нам воду, мы вдобавок ко всему перестанем таскать у вашего хозяина зерно: нам достаточно будет дела и с водой.

— Ну ладно, лети себе на свободу, — в один голос сказали Молли и Нелли и отпустили крылатого духа.

Он взмахнул своими серебристыми крылышками и скрылся в темноте ночи. В ту же минуту из замочной скважины вылетел целый рой крошечных эльфов: все они светились, как маленькие яркие светлячки, и беззвучно трепетали сверкающими прозрачными нежными крылышками.

Девушки пошли спать. На следующий же вечер они поставили у порога две чаши с чистой водой, а утром нашли в них две серебряные монеты. С тех пор они аккуратно исполняли обещание, данное эльфам, и на рассвете получали награду.

Так продолжалось какое-то время. Но однажды Молли и Нелли отправились на деревенский праздник, долго танцевали там и очень устали. Они вернулись домой поздно и сразу легли спать, забыв на этот раз поставить эльфам воду. Молли тотчас же заснула, а Нелли лежала с открытыми глазами, вспоминая о том, как она веселилась на деревенском балу.

Вдруг возле закрытой двери комнаты девушек послышались жужжание и какой-то негромкий ропот¹. Нелли приподнялась на постели и прислушалась. Вскоре она различила целый хор тоненьких голосков эльфов, которые жаловались на леность и забывчивость девушек, говорили, что им очень нужна вода именно в этот день, так как от летнего зноя в лесу засохли все незабудки и кукушкины слёзки.

Нелли вскочила с постели и принялась будить подругу, говоря:

— Вставай, Молли. Мы забыли поставить эльфам воду, и они вьются возле нашей двери, плачут и упрекают нас за леность и забывчивость.

— Ах, оставь меня! Мне так хочется спать, — ответила Молли. — Иди, ставь воду, если тебе

¹ Ропот — недовольство, выражаемое негромкой речью, в неясной форме.

хочется, я же не шевельнусь, даже если сюда слетятся все эльфы Англии.

Нелли поставила чашу с водой у порога. Потом она вернулась в комнату и со спокойной совестью легла в постель. Молли в это время заснула крепким сном. Нелли всё ещё не спалось. И вот она опять услышала, что возле двери зажужжали тонкие голоски, но на этот раз они были не жалобные, а серьёзные и даже сердитые. Эльфы совещались между собой, как им наказать ленивую и нелюбезную Молли.

Одни предлагали накинуться на неё и приняться щипать её руки и лицо, другие желали испортить её новую лиловую шляпку с завязками, третьи — послать ей зубную боль. Какой-то эльф придумал сделать её нос ярко-красным, но другие нашли, что это слишком жестокое наказание для такой хорошенькой девушки. Наконец на совете было решено, что Молли сделается хромой на семь лет.

Кроме того, эльфы дали ей возможность вылечиться в самом скором времени, приложив к ноге траву, название которой они произнесли. Нелли, слушавшая всё это, ясно различила название лечебного растения, состоявшее из целых семи слогов. Она хотела хорошенько запомнить его, найти траву и таким образом вылечить хромую подругу. Несколько раз повторила она длинное и трудное слово и, думая, что хорошо запомнила мудрёное название, заснула, а наутро совсем забыла его. Как она ни ломала голову, каких слов ни придумывала — настоящее название не приходило ей на ум.

Молли сильно хромала, но с этих пор она заботливо и аккуратно ставила свою чашу воды

у порога. Иногда, чтобы умилостивить эльфов, она, кроме того, клала на порог соты мёда, ложечку варенья, кусочек сахару, несколько зёрен ржи, ячменя или пшеницы. Утром обе девушки находили в чашах серебряные монеты, но нога Молли не поправлялась.

Так прошёл год. Наступил июль. Стояли жаркие тихие дни. Все луга и опушки лесов пестрели чудными цветами. Однажды Молли по поручению своего хозяина понесла яйца на продажу в соседний городок. Хромая девушка ходила медленно, и ей пришлось возвращаться домой вечером. Солнце заходило, Молли торопилась, но не успела вернуться домой раньше сумерек. Стало темно. Над землёй потянулся лёгкий туман, и вот, проходя через большой цветущий луг, Молли в полусумраке увидела, как из маков, колокольчиков, васильков, маргариток, ромашек и иван-чая стали роем вылетать маленькие крылатые существа.

«Эльфы», — подумала она и, с грустью взглянув на свою ногу, пошла дальше.

Вдруг возле её уха что-то зазвенело, и она почувствовала нежное прикосновение к щеке. Она оглянулась и увидела, что вокруг летают маленькие эльфы, слегка освещённые серебристыми лучами поднимавшейся над землёй луны.

— Погоди, Молли, — сказал один из них, — постой здесь. — И он улетел в лес.

— Благодарим тебя, Молли, за мёд, — пропели голоса.

— Благодарим тебя за сахар, — пропищали другие.

— Благодарим за варенье, — прозвенели третьи.

— Погоди, погоди, — закричал целый хор тонких голосков, — наш старший брат эльф Крольф сейчас поможет тебе в беде.

Из леса вылетели четыре громадные ночные бабочки, которые в лапках несли невиданный странный цветок тёмно-лилового цвета. В его чашечке сидел удивительно красивый эльф, немного покрупнее, чем все остальные, с четырьмя прозрачными крылышками на спине и с маленькой красивой коронкой на светло-золотистых волосиках.

— Крольф! Крольф! — запели эльфы.

В эту минуту эльф Крольф вылетел из цветка. Своими маленькими ручками он взял его из лапок бабочек, с весёлым лицом подлетел к Молли и, глядя ей прямо в глаза, сказал длинное название цветка из семи слогов.

Такого удивительного слова Молли никогда не слыхала, а потому тотчас же и забыла его. Между тем Крольф спустился в траву и положил фиолетовый цветок на ступню её хромой ноги. В ту же минуту молодая девушка услышала:

— Выздоровела, выздоровела!

Крольф сел на одну из бабочек, приветливо махнул Молли рукой и улетел. За ним, извинаясь длинной вереницей, улетели и остальные эльфы. Молли осталась одна.

Совсем здоровая, не хромая, она вернулась домой. Нечего и говорить, что с этого времени ни Молли, ни Нелли никогда не забывали об эльфах. Обе они ставили им воду, а утром получали от них новые чистенькие серебряные монеты.

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

ДЕДАЛ И ИКАР¹

Величайшим художником, скульптором и зодчим Афин был Дедал, потомок Эрехтея. Рассказывали, что он высекал из белоснежного мрамора такие дивные статуи, что они казались живыми; казалось, что статуи Дедала смотрят и двигаются. Много инструментов изобрёл Дедал для своей работы, им были изобретены топор и бурав. Далеко шла слава о Дедале.

У этого художника был племянник Тал, сын его сестры Пердики. Тал был учеником своего дяди. Уже в ранней юности поражал он всех своим талантом и изобретательностью. Можно было предвидеть, что Тал далеко превзойдёт своего учителя. Дедал завидовал племяннику и решил убить его. Однажды Дедал стоял с племянником на высоком афинском акрополе у самого края скалы. Никого не было кругом. Увидев, что они одни, Дедал толкнул племянника со скалы. Был уверен художник, что его преступление останется безнаказанным. Упав со скалы, Тал разбился насмерть. Дедал поспешно спустился с акрополя, поднял тело Тала и хо-

¹ Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы».

тел уже тайно зарыть его в землю, но застали Дедала афиняне, когда он рыл могилу. Злодеяние Дедала открылось. Ареопаг присудил его к смерти.

Спасаясь от смерти, Дедал бежал на Крит к могущественному царю Миносу, сыну Зевса и Европы. Минос охотно принял его под свою защиту. Много дивных произведений искусства изготовил Дедал для царя Крита. Он выстроил для него и знаменитый дворец Лабиринт с такими запутанными ходами, что, раз войдя в него, невозможно было найти выхода. В этом дворце Минос заключил сына своей жены Пасифаи, ужасного Минотавра, чудовище с телом человека и головой быка.

Много лет жил Дедал у Миноса. Не хотел отпускать его царь с Крита, только один хотел он пользоваться искусством великого художника. Словно пленника держал Минос Дедала на Крите. Дедал долго думал, как бежать ему, и наконец нашел способ освободиться от критской неволи.

— Если не могу я, — воскликнул Дедал, — спастись от власти Миноса ни сухим путём, ни морским, то ведь открыто же для бегства небо! Вот мой путь! Всем владеет Минос, лишь воздухом не владеет он!

Принялся за работу Дедал. Он набрал перьев, скрепил их льняными нитками и воском и стал изготавливать из них четыре больших крыла. Пока Дедал работал, сын его Икар играл около отца: то ловил он пух, который взлетал от дуновения ветерка, то мял в руках воск. Наконец Дедал кончил свою работу: готовы были крылья. Дедал привязал крылья за спину, продел руки в петли,

укреплённые на крыльях, взмахнул ими и плавно поднялся в воздух. С изумлением смотрел Икар на отца, который парил в воздухе, подобно громадной птице. Дедал спустился на землю и сказал сыну:

— Слушай, Икар, сейчас мы улетим с Крита. Будь осторожен во время полета. Не спускайся слишком низко к морю, чтобы солёные брызги волн не смочили твоих крыльев. Не поднимайся и близко к солнцу: жара может растопить воск, и разлетятся перья. За мной лети, не отставай от меня.

Отец с сыном надели крылья на руки и легко поднялись в воздух. Те, кто видел их полёт высоко над землей, думали, что это два бога несутся по небесной лазури. Часто оборачивался Дедал, чтобы посмотреть, как летит его сын. Они миновали уже острова Делос, Парос и летят всё дальше и дальше.

Быстрый полет забавляет Икара, всё смелее взмахивает он крыльями. Икар забыл наставления отца, он не летит уже следом за ним. Сильно взмахнув крыльями, взлетел Икар высоко в небо, ближе к лучезарному солнцу. Палящие лучи растопили воск, скреплявший перья, выпали они и разлетелись далеко по воздуху, гонимые ветром. Взмахнул Икар руками, но нет больше на них крыльев. Стремглав упал он со страшной высоты в море и погиб в его волнах.

Дедал обернулся, смотрит по сторонам. Нет Икара. Громко стал звать он сына:

— Икар! Икар! Где ты? Откликнись!

Нет ответа. Увидел Дедал на морских волнах перья из крыльев Икара и понял, что случилось. Как возненавидел Дедал своё искусство, как

возненавидел тот день, когда задумал спастись с Крита воздушным путём!

А тело Икара долго носилось по волнам моря, которое стало называться по имени погибшего Икарийским. Наконец прибили волны тело Икара к берегу острова, там нашел его Геракл и похоронил. Дедал же продолжал свой полёт и прилетел наконец в Сицилию. Там он поселился у царя Кокала. Минос узнал, где скрылся художник, отправился с большим войском в Сицилию и потребовал, чтобы Кокал выдал ему Дедала.

Дочери Кокала не хотели лишиться такого художника, как Дедал. Они уговорили отца согласиться на требования Миноса и принять его как гостя во дворце. Когда Минос принимал ванну, дочери Кокала вылили ему на голову котёл кипящей воды; умер Минос в страшных мучениях. Долго жил Дедал в Сицилии. Последние же годы жизни провёл он на родине, в Афинах; там стал он родоначальником дедалидов, славного рода афинских художников.

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА¹

Великий певец Орфей, сын речного бога Эгра и музы Каллиопы, жил в далёкой Фракии. Женой Орфея была прекрасная нимфа Эвридика. Горячо любил её Орфей. Но недолго наслаждался Орфей счастливой жизнью с женой своей. Однажды, вскоре после свадьбы, прекрасная Эвридика собирала со своими юными подругами нимфами весенние цветы в зелёной долине. Не заметила Эвридика в густой траве змею и на-

¹ Изложено по поэме Овидия «Метаморфозы».

ступила на неё. Ужалила змея юную жену Орфея в ногу. Громко вскрикнула Эвридика и упала на руки подбежавшим подругам. Побледнела Эвридика, сомкнулись её очи. Яд змеи пресёк её жизнь. В ужас пришли подруги Эвридики, и далеко разнесся их скорбный плач. Услышал его Орфей. Он спешит в долину и там видит труп своей нежно любимой жены. В отчаяние пришёл Орфей. Не мог он примириться с этой утратой. Долго оплакивал он свою Эвридику, и плакала вся природа, слыша его грустное пение.

Наконец решил Орфей спуститься в мрачное царство душ умерших, чтобы упросить Аида и Персефону вернуть ему жену. Через мрачную пещеру Тэнара спустился Орфей к берегам священной реки Стикс.

Стоит Орфей на берегу Стикса. Как переправиться ему на другой берег, туда, где находится царство Аида? Вокруг Орфея толпятся тени умерших. Чуть слышны стоны их, подобные шороху листьев, падающих в лесу поздней осенью. Вот послышался вдали плеск вёсел. Это приближается ладья перевозчика душ умерших Харона. Причалил Харон к берегу. Просит Орфей перевести его вместе с душами на другой берег, но отказал ему суровый Харон. Как ни молит его Орфей, всё слышит он один ответ Харона: «Нет!»

Ударил тогда Орфей по струнам кифары, и разнеслись по берегу Стикса её звуки. Своей музыкой очаровал Орфей Харона; слушает он игру Орфея, опершись на весло. Под звуки музыки вошел Орфей в ладью, оттолкнул ее Харон веслом от берега, и поплыла ладья через мрач-

ные воды Стикса. Перевёз Харон Орфея. Вышел он из ладьи и, играя на золотой кифаре, пошел к Аиду, окружённый душами, слетевшимися на звуки его кифары.

Приблизился к трону Аида Орфей и склонился перед ним. Сильнее ударил он по струнам кифары и запел. Он пел о своей любви к Эвридике и о том, как счастлива была его жизнь с ней в светлые, ясные дни весны. Но быстро миновали дни счастья. Погибла Эвридика. О своём горе, о муках разбитой любви, о тоске по умершей пел Орфей. Всё царство Аида внимало пению Орфея, всех очаровала его песня. Склонив на грудь голову, слушал Орфея Аид. Припав головой к плечу мужа, внимала песне Персефона; слёзы печали дрожали на её ресницах. Очарованный звуками песни, Тантал забыл терзающие его голод и жажду. Сизиф прекратил свою тяжкую, бесплодную работу, сел на тот камень, который вкатывал на гору, и глубоко задумался. Очарованные пением, стояли Данаиды; забыли они о своём бездонном сосуде. Сама грозная трёхликая богиня Геката закрылась руками, чтобы не видно было слёз на её глазах. Слёзы блестели и на глазах не знающих жалости эриний, даже их тронул своей песней Орфей. Но вот всё тише звучат струны золотой кифары, всё тише песнь Орфея, и замерла она, подобно чуть слышному вздоху печали.

Глубокое молчание царило кругом. Прервал это молчание бог Аид и спросил Орфея, зачем пришёл он в его царство, о чём хочет просить его. Поклялся Аид нерушимой клятвой богов —

водами реки Стикса, что исполнит он просьбу дивного певца.

Ответил Орфей Аиду:

— О могучий владыка Аид, всех нас, смертных, принимаешь ты в своё царство, когда кончатся дни нашей жизни. Не затем пришёл я сюда, чтобы смотреть на те ужасы, которые наполняют твоё царство, не затем, чтобы увести, подобно Гераклу, стража твоего царства — трёхглавого Кербера. Я пришёл сюда молить тебя отпустить назад на землю мою Эвридику. Верни её к жизни; ты видишь, как я страдаю по ней! Подумай, владыка, если бы отняли у тебя жену твою Персефону, ведь и ты страдал бы. Не навсегда же возвращаешь ты Эвридику. Вернётся опять она в твоё царство. Кратка жизнь наша, владыка Аид. О, дай Эвридике испытать радости жизни, ведь она сошла в твоё царство такой юной!

Задумался Аид и наконец ответил Орфею:

— Хорошо, Орфей! Я верну тебе Эвридику. Веди её назад к жизни, к свету солнца. Но ты должен помнить одно условие: ты пойдёшь следом за богом Гермесом, он поведёт тебя, а за тобой будет идти Эвридика. Но во время пути по подземному царству ты не должен оглядываться. Помни! Оглянешься, и тотчас покинет тебя Эвридика и вернётся навсегда в мое царство.

На всё был согласен Орфей. Спешит он скорее в обратный путь. Привёл быстрый, как мысль, Гермес тень Эвридики. С восторгом смотрит на неё Орфей. Хочет Орфей обнять тень Эвридики, но остановил его бог Гермес, сказав:

— Орфей, ведь ты обнимаешь лишь тень. Пойдём скорее, труден наш путь.

Отправились в путь. Впереди идёт Гермес, за ним Орфей, а за ними тень Эвридики. Быстро миновали они царство Аида. Переправил их через Стикс в своей ладье Харон. Вот и тропинка, которая ведёт на поверхность земли. Труден путь. Тропинка круто поднимается вверх, и вся она загромождена камнями. Кругом глубокие сумерки. Чуть вырисовывается в них фигура идущего впереди Гермеса. Но вот далеко впереди забрезжил свет. Это выход. Вот и кругом стало как будто светлее. Если бы Орфей обернулся, он увидел бы Эвридику. А идёт ли она за ним? Не осталась ли она в полном мраке царстве душ умерших? Может быть, она отстала: ведь путь так труден! Отстанет Эвридика и будет обречена вечно скитаться во мраке. Орфей замедляет шаг, прислушивается. Ничего не слышно. Но разве могут быть слышны шаги бесплотной тени? Всё сильнее и сильнее охватывает Орфея тревога за Эвридику. Всё чаще он останавливается. Кругом же всё светлее. Теперь ясно рассмотрел бы Орфей тень жены.

Наконец, забыв всё, он остановился и обернулся. Почти рядом с собой увидел он тень Эвридики. Протянул к ней руки Орфей, но дальше, дальше тень и потонула во мраке. словно окаменев, стоял Орфей, охваченный отчаянием. Ему пришлось пережить вторичную смерть Эвридики, а виновником этой второй смерти был он сам.

Долго стоял Орфей. Казалось, жизнь покинула его — казалось, что это стоит мраморная статуя. Наконец пошевелинулся Орфей, сделал

шаг, другой и пошёл назад, к берегам мрачного Стикса. Он решил снова вернуться к трону Аида, снова молить его вернуть Эвридику. Но не повёз его старый Харон через Стикс в своей утлой ладье. Напрасно молил его Орфей — не тронули мольбы певца неумолимого Харона. Семь дней и ночей сидел печальный Орфей на берегу Стикса, проливая слезы скорби, забыв о пище, обо всём, сетуя на богов мрачного царства душ умерших. Только на восьмой день решил он покинуть берега Стикса и вернуться во Фракию.

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗАНИЯ

ЖИЗНЬ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ В РАЮ

Бог устроил дивный сад — рай и поселил в нём Адама и Еву, чтобы они возделывали и хранили его.

В раю протекали реки и росли деревья, на которых зрели красивые и приятные для пищи плоды.

Среди рая росли два особенных дерева. Одно из них было дерево жизни, другое — дерево познания добра и зла.

Вкушая плоды дерева жизни, люди могли жить, не зная ни болезней, ни смерти; о втором же Бог сказал первому человеку, чтобы он не ел плодов с этого дерева, потому что если он вкусит их, то умрёт.

Первые люди блаженствовали в раю. Все животные ласкались к ним, не боялись они смерти, не знали болезней, горя, страданий, не знали лжи и обмана и всей душой любили Бога, Который постоянно заботился о них и часто являлся им и беседовал с ними.

ПЕРВЫЙ ГРЕХ. ОБЕЩАНИЕ СПАСИТЕЛЯ. ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ

Прежде творения мира и всего, что находится в нем, Бог сотворил ангелов, невидимых, как и Он Сам.

Сперва все ангелы были добрые, но потом один из них не захотел повиноваться Богу и научил других тому же.

Он стал называться дьяволом, то есть клеветником, соблазнителем. Господь лишил блаженства его и тех, кто его послушался. И вот дьявол позавидовал счастью Адама и Евы и захотел погубить их. Он вошёл в змея и, когда Ева проходила мимо дерева познания добра и зла, спросил:

— Правда ли, что Бог запретил вам есть плоды райских деревьев?

Ева ответила:

— Господь позволил нам есть плоды со всех деревьев сада; только с дерева познания добра и зла Он не позволил вкушать плодов и сказал, что если мы сделаем это, то умрём.

— Нет, вы не умрёте, — сказал дьявол. — Бог знает, что как только вы вкусите их, то сделаетесь сами как боги — будете знать добро и зло.

Ева посмотрела на дерево, запрещённые плоды особенно понравились ей теперь; она подошла, взяла плодов и ела, потом дала мужу, и он ел.

Как только они сделали это, им сразу стало страшно и стыдно. До тех пор невинные, как младенцы, они не замечали, что наги, и не сты-

дились этого, но, согрешив, прикрылись листьями и укрылись среди деревьев.

И услышали они голос Бога; Господь ходил в раю.

— Где ты, Адам? — воззвал Он.

Адам ответил:

— Я услышал голос Твой, Господи, и скрылся; мне стало стыдно, потому что я — наг.

Господь сказал:

— Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

Адам, вместо того чтобы сознаться в своей вине и просить прощения у Бога, ответил:

— Жена, которую Ты сотворил мне, дала мне плоды этого дерева, и я ел.

Жена сказала:

— Господи, змей соблазнил меня.

Тогда Бог проклял змея, а Адаму и Еве сказал, что в наказание за ослушание они будут жить в горе, страданиях, тяжёлых трудах и потом умрут. Но, по милосердию Своему, в утешение людям Господь обещал, что впоследствии явится Спаситель мира, Который примирит людей с Богом и победит дьявола.

Сказав это, Господь Бог изгнал Адама и Еву из рая и поставил ангела с огненным мечом, чтобы охранять путь к дереву жизни.

АНДЕРСЕН

Ганс Христиан

1805—1875

РОМАШКА

Вот послушайте-ка, что я расскажу.

За городом, у самой дороги, стояла дача. Ты, верно, видал её? Перед ней небольшой садик с цветником, а вокруг крашеный деревянный забор.

Неподалёку от дачи, у самой канавки, росла в мягкой зелёной траве крохотная ромашка. Солнечные лучи грели и ласкали её так же, как и роскошные садовые цветы, и наша ромашка росла не по дням, а по часам.

В одно прекрасное утро её мелкие ослепительно-белые лепестки наконец раскрылись и, словно лучи, окружили жёлтое сердечко по середине. Ромашку ничуть не заботило, что её никто не видит в густой траве и что она такой простой и невзрачный цветок, — нет, она была довольна всем; повернувшись к солнцу, она любовалась им и слушала, как где-то высоко-высоко в небе поёт жаворонок.

Ромашка была так счастлива, как в большой праздник, — а был всего только понедельник; все дети сидели школе и чему-нибудь учились. Наша ромашка тоже сидела на своём зелёном стебельке и училась у ясного солнца и у всего

вокруг и думала, как Бог всё хорошо устроил. Ромашке казалось, что жаворонок так понятно и красиво поёт о том, что чувствует она сама; и она почти с благоговением смотрела на счастливую пташку, которая летала и пела. Но сама ромашка ничуть не печалилась, что не может ни петь, ни летать. «Я ведь вижу и слышу! — думала она. — Солнце освещает меня, ветерок целует. О, как много мне дано!»

За забором цвело так много важных, гордых цветов, и чем меньше они благоухали, тем больше важничали.

Пионы раздувались — им хотелось стать крупнее роз; но дело вовсе не в величине. Пестрее всех были тюльпаны, они отлично знали это и старались держаться возможно прямее, чтобы больше бросаться в глаза. Все они не замечали молоденькой ромашки, росшей по другую сторону забора. Зато ромашка часто заглядывалась на них и думала: «Какие они нарядные, красивые! К ним непременно прилетит в гости прелестная птичка! Слава богу, что я расту так близко и вижу всё это великолеpie!» Только она это подумала, «квирревит» — и жаворонок спустился... не в сад к пионам и тюльпанам, а прямо на траву к скромной ромашке! Ромашка так растерялась от радости, что просто не знала, что и думать.

Птичка прыгала вокруг ромашки и распевала: «Ах, какая мягкая травка! Какой миленький цветочек в серебряном платице, с золотым сердечком!»

Жёлтое сердечко ромашки и в самом деле сияло, как золото, а ослепительно-белые лепестки отливали серебром.

Ромашка была так счастлива, так рада, что и сказать нельзя. Птичка поцеловала её, спела ей песенку и опять взвилась в синее небо. Прошла добрая четверть часа, пока ромашка пришла в себя. Сконфуженная, но в душе очень довольная, взглянула она на цветы в саду, — они ведь видели, какое счастье и какая честь выпали ей на долю, кому же и оценить это, как не им! Но тюльпаны ещё больше заважничали и, обиженные, покраснели с досады, а толстоголовые пионы надулись. Хорошо, что они не умели говорить, — досталось бы от них ромашке. Бедняжка сразу поняла, что они не в духе, и от души пожалела их.

В это время в садике показалась девушка с острым, блестящим ножом в руках. Она подошла прямо к тюльпанам и принялась срезать их один за другим. Ромашка ахнула: «Какой ужас! Теперь им конец!» Срезав цветы, девушка ушла, а ромашка порадовалась, что растёт за забором в траве, где её никто не видит. Она поблагодарила судьбу, а когда солнце село, свернула лепесточки, заснула и всю ночь видела во сне солнце и маленькую птичку.

Утром, когда ромашка опять расправила лепестки и протянула их, словно руки, навстречу воздуху и свету, она узнала голос жаворонка: птичка пела — но как грустно! Бедняжка попала в западню и сидела теперь в клетке, висевшей у раскрытого окна. Жаворонок пел о том, как отраднo летать на свободе, над свежей зеленью полей, о том, как хорошо и привольно было ему подниматься ввысь на своих крыльях. Тяжело, тяжело было у бедной птички на сердце, — она была в плену.

Ромашке всей душой хотелось помочь пленнице, но как это сделать? И она совсем перестала замечать, как хорошо вокруг, как греет солнце, как блестят её белые лепестки; она думала только о бедной птичке и о том, что ничем не может ей помочь.

Вдруг из садика вышли два мальчугана; у одного из них в руках был такой же большой и острый нож, как тот, которым девушка срезала тюльпаны. Мальчики подошли прямо к ромашке, которая никак не могла понять, что им было тут нужно.

— Вот здесь можно вырезать славный кусочек дёрна для нашего жаворонка! — сказал один из мальчиков и, глубоко запустив нож, начал вырезать четырёхугольный кусок дёрна; ромашка очутилась как раз в середине его.

— Сорви цветок! — сказал другой мальчик; и ромашка затрепетала от страха: если её сорвут, она умрёт, а ей так хотелось жить, чтобы попасть в клетку к бедному пленнику!

— Нет, лучше оставь, — сказал первый из мальчиков. — Так красивее.

И ромашка попала в клетку к жаворонку.

Бедняжка громко жаловался на свою неволю, метался и бился о железные прутья клетки. Бедная ромашка не умела говорить, не могла утешить его ни одним словом, хоть ей очень этого хотелось! Так прошло всё утро.

— Тут нет воды, — жаловался жаворонок. — Они забыли дать мне напиться. У меня пересохло в горле. Я весь горю, и меня знобит. Ах, мне тяжело дышать! Я должен умереть, расстаться с солнечным светом, со свежей зеленью, со всем божьим миром!

Чтобы хоть сколько-нибудь освежиться, жаворонок глубоко вонзил свой клюв в свежий, прохладный дёрн; тут он увидел ромашку, кивнул ей, поцеловал её и сказал:

— И ты завянешь здесь, бедный цветик! Взамен всего мира, которым я владел на воле, они дали мне тебя да этот клочок зелёного дёрна. Каждая травинка должна быть для меня зелёным деревцем, каждый твой лепесточек — благоухающим цветком! Увы! Вы все только напоминаете мне, чего я лишился!

«Ах, чем бы мне утешить его!» — думала ромашка, но не могла шевельнуть ни одним листочком, зато её нежные лепестки благоухали гораздо сильнее, чем обычно. Это заметил и жаворонок и, хотя он изнемогал от жажды, не тронул ромашки, а только выщипал всю траву.

Вот и вечер пришёл, а никто так и не принёс воды бедной птичке. Тогда она распустила свои красивые крылышки, судорожно затрепетала ими и ещё несколько раз жалобно пропищала:

— Пить! Пить!

Потом головка её склонилась набок и сердечко разорвалось от тоски и муки.

Ромашка не могла свернуть своих лепестков и заснуть, как накануне: она поникла, грустная и больная, и склонилась к земле.

Только на другое утро пришли мальчики и, увидав мёртвого жаворонка, горько-горько заплакали, потом вырыли ему могилку и всю её украсили цветами, а мёртвого жаворонка положили в красивую красную коробочку — его хотели похоронить по-царски. Бедная птичка! Пока она жила и пела, они забывали о ней — посадили её в клетку и заставили страдать от жаж-

ды, — а теперь устраивали ей пышные похороны и проливали над ней горькие слёзы!

Дёрн с ромашкой был выброшен на пыльную дорогу; никто и не подумал о той, которая все-таки больше всех любила бедного жаворонка и всем сердцем желала утешить его.

РУСАЛОЧКА

В открытом море вода синяя, как лепестки красивейших васильков, и прозрачная, как тончайшее стекло. Но зато и глубоко же там! Так глубоко, что никакие якоря не достанут до дна, и на него пришлось бы поставить немало колоколен одну на другую, чтобы верхняя высунулась из воды. На дне морском живут русалки.

Не подумайте, что там только голый белый песок, — нет, на дне растут удивительные деревья и цветы, с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые, при малейшем движении воды. В этой чаще шныряют маленькие и большие рыбы, точь-в-точь как у нас птицы в лесу. На самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из чистейшего янтаря и с кровлей из раковин, которые то открываются, то закрываются, в зависимости от прилива и отлива. Это дивное зрелище, ибо в каждой раковине лежат блестящие жемчужины такой красоты, что любая из них украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и царским хозяйством заправляла его старуха мать, женщина умная, но очень гордившаяся своей знатностью, — на хвосте у неё сидела целая

дюжина устриц, тогда как вельможам полагалось только по шесть. Вообще же она была женщина достойная, особенно потому, что очень любила маленьких морских принцесс, своих внучек. Их было шестеро, и все прехорошенькие, а младшая — лучше всех: кожа у неё была нежная и прозрачная, как лепесток розы, а глаза синие, как глубокое море. Но у неё, как и у других русалок, не было ножек, их заменял рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где на стенах росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, как в наши окна иной раз влетают ласточки. Рыбки подплывали к маленьким принцессам, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Перед дворцом был разбит большой сад, в котором росло много огненно-красных и синих деревьев; их ветви и листья всегда колыхались, плоды сверкали, как золото, а цветы пылали, как костёр. Сама земля там была усыпана мелким песком цвета серного пламени, и потому дно морское отливало каким-то удивительным голубоватым блеском, — можно было подумать, что витаешь высоко-высоко в воздухе, причём небо у тебя не только над головой, но и под ногами. В безветрие со дна можно было видеть солнце; оно казалось пурпуровым цветком, венчик которого излучал свет.

В саду у каждой принцессы было своё местечко; тут они копали землю и сажали цветы, какие хотели. Одна сделала себе цветочную клумбу в виде кита; другой захотелось, чтобы её клумба походила на русалочку; а младшая сестра сделала клумбу круглую, как солнце, и засадила её ярко-красными цветами. Странная

девочка была эта русалочка — такая тихая, задумчивая... Другие сёстры украшали свои садики разными разностями, добытыми на затонувших кораблях, а в её саду были только алые цветы, похожие на далёкое солнце, да прекрасная статуя мальчика из чистого белого мрамора, упавшая на дно моря с какого-то погибшего судна. Русалочка посадила у статуи розовую плакучую иву, и она пышно разрослась: длинные тонкие ветви её, окутав статую, почти касались голубого песка, на котором колебалась их фиолетовая тень. Так вершина и корни, казалось, играли, пытаясь поцеловать друг друга.

Больше всего любила русалочка слушать про людей, что живут наверху, на земле, и бабушка должна была рассказывать ей всё, что только знала о кораблях и городах, о людях и животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, — не то что здесь, в море! — что леса там зелёные, а рыбки, которые живут на земных деревьях, поют очень звонко и красиво. Бабушка называла «рыбками» птичек, иначе внучки не поняли бы её: они никогда в жизни не видели птиц.

— Как только одной из вас минет пятнадцать лет, — говорила бабушка, — ей разрешат подниматься на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо корабли; она увидит земные леса и города.

В этот год старшей принцессе как раз исполнялось пятнадцать лет, а другим сёстрам — все они были погодки — приходилось ещё ждать того дня, когда им разрешат всплыть наверх; и дольше всех должна была ждать младшая. Но каждая обещала рассказать сёстрам о том, что

ей больше всего понравится в первый день, — им было мало рассказов бабушки и хотелось знать обо всём на свете как можно подробнее.

Никого так не тянуло на поверхность моря, как младшую сестру, тихую, задумчивую русалочку, которой пришлось ждать дольше всех. Сколько ночей она провела у открытого окна, глядя вверх, сквозь синеву морской воды, в которой стаи рыбок шевелили своими плавниками и хвостами! Она даже могла разглядеть месяц и звёзды: они, конечно, светили совсем тускло, но зато казались гораздо крупнее, чем кажутся нам. Случалось, что их затмевало что-то вроде большой тучи, но русалочка знала, что это плывёт над нею кит или проходит корабль с толпами людей. Эти люди и не подозревали, что там, в глубине моря, стоит прелестная русалочка и протягивает к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего ей понравилось лежать при свете месяца на песчаной отмели и нежиться, любясь раскинувшимся на берегу городом: там, словно сотни звёзд, горели огни, играла музыка, тарахтели повозки, шумели люди, высились колокольни и звонили колокола. Ей нельзя было попасть туда, потому-то её так и манило это зрелище.

Как жадно слушала её младшая сестра! Стоя вечером у открытого окна и глядя вверх сквозь тёмно-синюю воду, она только и думала, что

о большом шумном городе, и ей даже слышался колокольный звон.

Прошёл год, и второй сестре тоже позволили подняться на поверхность моря и плыть куда угодно. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака... тут у неё даже слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро летели по небу, но ещё быстрее мчалась к солнцу стая лебедей, похожая на длинную белую вуаль. Русалочка тоже было поплыла к солнцу, но оно погрузилось в море, а на воде и на облаках погас розовый отблеск.

Прошёл ещё год — и вынырнула третья сестра. Эта была смелее всех и поплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела зелёные холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окружённые красивыми рощами, в которых пели птицы. Солнце светило ярко и так припекало, что ей не раз пришлось нырнуть в воду, чтобы освежить пылающее лицо. В маленькой бухте плескалась целая толпа голеньких человеческих детей. Русалка хотела было поиграть с ними, но они испугались и убежали, а вместо них появился какой-то чёрный зверёк и принялся на неё таякать, да так грозно, что она в страхе уплыла. Зверёк этот был просто-напросто собачкой, но русалка ведь ещё не видела собак. Вернувшись домой, она не переставала вспоминать чудесные леса, зелёные холмы и прелестных детей, которые умели плавать, хоть у них и не было рыбьих хвостов.

Четвёртая сестра оказалась не такой смелой — она держалась больше в открытом море и потом говорила, что это лучше всего: куда ни оглянись, на много-много миль вокруг только вода да небо, опрокинутое над водой, точно огромный стеклянный купол. Большие корабли она видела только издали, и ей они казались похожими на чаек; вокруг неё играли и кувыркали забавные дельфины, а громадные киты пускали фонтаны из ноздрей.

Потом настал черёд пятой сестры; её день рождения был зимой, и она увидела то, чего не видели другие. Море теперь было зеленоватого цвета, повсюду плавали ледяные горы, похожие на огромные жемчужины, но только они были гораздо выше самых высоких колоколен, построенных людьми. Некоторые из них были очень причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую ледяную гору, и ветер развевал её длинные волосы, а моряки испуганно обходили эту гору стороной. К вечеру небо заволкло тучами, засверкала молния, загредел гром, и тёмное море принялось кидаться ледяными глыбами, которые ярко сверкали при красном свете молний. На кораблях убрали паруса, люди метались в страхе и трепете, а русалка спокойно плыла вдаль, сидя на ледяной горе и любуясь на огненные зигзаги молний, которые, прорезав небо, падали в мерцающее море.

Да и все сёстры восхищались тем, что увидели впервые, — всё это было ново и потому нравилось им. Но когда они стали взрослыми девушками и им разрешили плавать повсюду, они скоро присмотрелись ко всему, что видели,

и спустя месяц стали уже говорить, что везде хорошо, но дома лучше.

По вечерам все пять сестёр поднимались рука об руку на поверхность воды. Они были одарены великолепными голосами, каких не бывает у людей, — и вот когда начиналась буря и опасность нависала над кораблями, русалки подплывали к ним и пели песни о чудесах подводного царства, уговаривая моряков не бояться попасть к ним на дно. Но моряки не могли разобрать слов — им казалось, что это просто шумит буря. Впрочем, если б они и попали на дно морское, им всё равно не удалось бы увидеть там никаких чудес, — ведь, когда корабль шёл на дно, люди тонули и приплывали ко дворцу морского царя уже мёртвыми.

В то время как русалки рука об руку всплывали на поверхность моря, младшая их сестра сидела одна-одинёшенька, глядя им вслед, и ей очень хотелось заплакать. Но русалки не могут плакать, и им от этого ещё тяжелее переносить страдания.

— Ах, если бы мне уже было пятнадцать лет! — говорила она. — Я знаю, что очень люблю тот верхний мир и людей, которые в нём живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет!

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала ей бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестёр.

И она надела русалочке на голову венец из белых жемчужных лилий, каждый их лепесток был сделан из половинки жемчужины; потом приказала восьмерым устрицам прицепить-

ся к её хвосту — это было знаком отличия её сана.

— Мне больно! — проговорила русалочка.

— Ради красоты стоит потерпеть! — изрекла старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжёлый венец, — алые цветы из её садика шли ей гораздо больше. Но делать нечего!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, как прозрачный пузырек воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака ещё пылали, пурпурные и золотые, и в розовом небе зажглась вечерняя звезда. Воздух был мягок и свеж, а море словно замерло. Неподалёку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, — на море не было ни малейшего ветерка. На вантах и реях сидели матросы, с палубы доносились звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветили сотни разноцветных фонариков, — казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций. Русалочка подплыла к зеркальным иллюминаторам кают-компания и заглядывала туда всякий раз, как её приподнимала волна. В кают-компания собралось много нарядных людей, но красивее всех был черноглазый принц, юноша лет шестнадцати, не больше. В тот день праздновали его рождение, оттого-то на корабле и шло такое веселье. На палубе плясали матросы, а когда к ним вышел молодой принц, взвились сотни ракет, и стало светло, как днём, — русалочка даже испугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула го-

ловку, и ей почудилось, будто это звёздочки упали с неба к ней в море. Никогда ещё не видела она подобной игры огней: большие солнца вертелись колесом, великолепные огненные рыбы крутили хвостами в воздухе — и всё это отражалось в неподвижной светлой воде. На корабле же было так светло, что можно было различить канат в его снастях, а людей и подавно. Ах, до чего хорош собою был молодой принц! Он пожимал руки людям и улыбался, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Время было уже позднее, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Разноцветные огни погасли, ракеты больше не взлетали в воздух, не гремели и пушечные выстрелы — зато загудело и застонало само море. Русалочка качалась на волнах рядом с кораблём, то и дело заглядывая в кают-компанию, а корабль мчался всё быстрее и быстрее, паруса развёртывались один за другим. Но вот началось волнение, сгустились тучи и засверкала молния. Разыгралась буря, и матросы бросились убирать паруса. Сильная качка трепала огромный корабль, а ветер мчал его по бушующим волнам. Вокруг выросли высокие чёрные водяные горы, грозившие сомкнуться над мачтами, но корабль, как лебедь, падал в бездну между водяными стенами, потом снова взлетал на валы, громоздящиеся друг на друга. Русалочке такое плавание очень нравилось, а морякам приходилось туго. Корабль скрипел и трещал, толстые доски гнулись под сильными ударами, волны перекачивались через палубу. Вот грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль лёг набок, и вода хлынула в трюм. Тут русалочка поняла,

какая опасность грозит кораблю; ей и самой приходилось остерегаться брёвен и обломков, носившихся по волнам. Как темно вдруг стало, хоть глаз выколи! Но вот опять блеснула молния, и русалочка вновь увидела всех людей на корабле: каждый спасался, как мог. Она постаралась отыскать глазами принца и увидела, когда корабль развалился, что юноша тонет. Сначала русалочка очень обрадовалась, поняв, что теперь он попадёт к ним на дно, но потом вспомнила, что люди в воде жить не могут и если он и попадёт во дворец её отца, то лишь мёртвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, позабыв о том, что они в любую минуту могут её раздавить. Пришлось ей то нырять вглубь, то высоко взлетать вместе с волнами, но вот наконец она догнала принца, который уже почти выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю. Руки и ноги отказались ему служить, глаза закрылись, и он бы погиб, не явись на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и понеслась вместе с ним по воле волн.

К утру непогода стихла. От корабля не осталось и щепки, а солнце, красное и пылающее, опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живой румянец, но глаза юноши всё ещё не открывались.

Русалочка откинула мокрые волосы с его лба и поцеловала этот высокий, красивый лоб. Ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, украшающего её садик. Она поцеловала его снова и от всего сердца пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец показался берег и вздымавшиеся на нём высокие, синеватые, уходящие в небо горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. Внизу, у самого берега, зеленели густые леса, неподалёку высилось какое-то здание — видимо, церковь или монастырь. В саду, окружающем здание, росли апельсиновые и лимонные деревья, а у ворот стояли высокие пальмы. Море вдавалось в белый песчаный берег небольшим глубоким заливом, где вода была совсем спокойна. Сюда-то и приплыла русалочка. Она положила принца на песок и позаботилась о том, чтобы голова его лежала повыше, освещённая тёплыми лучами солнца.

В это время в высоком белом здании зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше за высокие камни, торчавшие из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной — теперь никто не различил бы в этой пене её светлого личика — и стала ждать, не придёт ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось недолго: к принцу подошла молодая девушка и сначала очень испугалась, но быстро успокоилась, созвала людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем тем, кто стоял вокруг него. А ей не улыбнулся, — он ведь не знал, что это она спасла ему жизнь! Грустно стало русалочке. И когда принца увели в большое белое здание, она, печальная, нырнула в воду и уплыла домой.

Она всегда была тихой и задумчивой, а теперь стала ещё задумчивее. Сёстры спрашивали её, что она видела на море, но она молчала.

Не раз, и вечером и утром, подплывала она к тому месту, где оставила принца; видела, как созрели и были сорваны плоды в садах, видела, как на высоких горах стоял снег, — но принц не появлялся; и с каждым разом грустя всё больше и больше, она возвращалась домой. Единственной её отрадой было сидеть в своём садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца. За цветами она больше не ухаживала, они росли по своей воле, даже на дорожках, переплетаясь длинными стеблями и листьями с ветвями деревьев; и вскоре в запущенный садик совсем перестал проникать свет.

Наконец русалка не выдержала — рассказала обо всём одной из сестёр; от неё о принце сейчас же узнали и все остальные сёстры. Но больше никто, — не считая ещё двух-трёх русалок, которые никому об этом не говорили, кроме как самым близким своим подругам. Одна из русалок тоже видела и праздник на корабле, и самого принца и даже знала, где находятся его владения.

— Поплывём вместе, сестрица! — сказали русалке сёстры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где находился дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо к морю. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах между колоннами, окружавшими всё здание, стояли мраморные статуи, совсем как живые. Сквозь прозрачные стёкла высоких окон были видны роскошные покои; всюду висе-

ли дорогие шёлковые занавески, всюду были разостланы ковры, а стены украшали большие картины, которые так интересно было рассматривать. Посреди огромного зала журчал большой фонтан, и струи его били высоко-высоко под потолок. Потолок был в виде стеклянного купола, и лучи солнца проникали сквозь него внутрь, освещая воду и чудные растения, которые росли в обширном водоёме.

Теперь русалочка знала, где живёт принц; и вот она стала часто приплывать ко дворцу вечерами или ночью. Ни одна из сестёр не осмеливалась так близко подплывать к земле, как младшая, — она врывалась даже в узкий канал, который протекал прямо под великолепным мраморным балконом, бросавшим на воду длинную тень. Тут она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца; а тот был уверен, что сидит при свете месяца в полном одиночестве.

Много раз видела русалочка, как он катается с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной реющими флагами. Она выглядывала из зарослей зелёного тростника, и если люди иной раз замечали её длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся на ветру, то принимали её за лебедя, расправляющего крылья.

Не раз также слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нём много хорошего. И русалочка, радуясь, что спасла ему жизнь, когда его, полумёртвого, швыряли волны, вспоминала о том, как крепко она прижимала тогда к груди его голову и как нежно целовала его. А он ничего об этом не знал, она даже и присниться ему не могла.

Всё больше и больше начинала русалочка любить людей, всё сильнее и сильнее тянуло её к ним. Их мир казался ей гораздо более широким, чем её мир: они могли переплывать море на своих кораблях, могли взбираться на высокие горы к самым облакам, а земли, которыми они владели, их леса и поля тянулись так далеко, что она не могла охватить их взглядом. Ей так хотелось побольше узнать о людях, но сёстры не могли ответить на все её вопросы, и она обратилась к бабушке. Старуха хорошо знала «высший мир», как она правильно называла землю, лежавшую над морем.

— А те люди, что не тонут, — спрашивала русалочка, — они живут вечно? Они не умирают, как умираем мы тут внизу, в море?

— Вовсе нет! — отвечала старуха. — Они тоже умирают. И век их даже короче нашего. Но хоть мы и живём триста лет, а когда нам приходит конец, от нас остаётся лишь пена морская, и нет у нас могил наших близких, мы не одарены бессмертной душой, и наша русалочья жизнь кончается со смертью тела. Мы — как этот тростник: срезанный стебель его уже не зазеленеет вновь! А у людей есть душа, которая живёт вечно, она живёт и после того, как тело превратится в прах, и тогда улетает в прозрачную высь, к сверкающим звёздам. Как мы всплываем на поверхность моря и видим землю, где живут люди, так и они поднимаются в неведомые блаженные страны, которых нам не увидеть никогда!

— Ах, почему у нас нет бессмертной души! — грустно проговорила русалочка. — Я бы все свои сотни лет отдала за один день челове-

ской жизни, чтобы потом вкусить небесного блаженства.

— Что за вздор! — сказала старуха. — Ты об этом и не думай. Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле.

— Неужели и я после смерти превращусь в морскую пену и не услышу больше музыки волн, не увижу прекрасных цветов и огненного солнца! Неужели мне никак не удастся обрести вечную душу?

— Нет, — ответила бабушка. — Но если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если он отдастся тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и попросит священника соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу — тогда его душа перейдёт в твоё тело и ты тоже познаешь небесное блаженство, доступное людям. Этот человек вдохнёт в тебя душу и сохранит свою. Но с тобой этого никогда не будет: твой рыбий хвост, который у нас считается красивым, люди находят безобразным. Ведь они мало смыслят в красоте; по их мнению, нельзя быть красивым без двух неуклюжих подпорок — «ног», как они их называют.

Глубоко вздохнула русалочка и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить да радоваться! — сказала старуха. — Повеселимся вволю свои триста лет, а это немалый срок! Тем слаще покажется нам отдых после смерти. Сегодня вечером у нас при дворе будет бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок громадного танцевального зала были из толстого, но прозрачного стек-

ла, а вдоль стен рядами лежали сотни огромных розовых и травяно-зелёных раковин с голубыми огоньками внутри. Огни эти ярко освещали весь зал и, проникая сквозь стеклянные стены, озаряли само море. Видно было, как к стенам подплывают стаи больших и маленьких рыб, сверкающих то пурпурной, то золотистой или серебристой чешуёй.

Посреди зала вода мчалась широким потоком, и в ней танцевали водяные и русалки под своё чудесное пение. У людей таких дивных голосов не бывает. Русалочка пела лучше всех, и весь двор ей рукоплескал. На минуту ей стало весело, когда она подумала о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у неё; но потом она опять стала вспоминать о надводном мире, о прекрасном принце и грустить о том, что у неё нет бессмертной души. Вскоре она незаметно выскользнула из дворца и, пока там пели и веселились, грустно сидела в своём садике; сквозь толщу воды к ней доносились звуки музыки. И она думала: «Вот он опять, наверное, катается в лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Мысленно я постоянно с ним, ему я охотно вверила бы своё счастье, всю свою жизнь! Ради него и бессмертной души я пошла бы на всё! Пока сёстры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме. Я всегда её боялась, но, может быть, она теперь что-нибудь посоветует и как-нибудь поможет мне».

И русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей ещё ни разу не приходилось плыть этой дорогой. Тут не росло ни цветов, ни даже водо-

рослей, всюду был только голый серый песок. Вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колёсами, увлекая за собой в глубину всё, что встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между этими бурлящими водоворотами. Потом на пути к логову ведьмы ей встретилось ещё большее пространство, покрытое горячим пузырившимся илом; это место ведьма называла своим торфяным болотом. За ним показалось и жильё ведьмы, окружённое каким-то диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нём были полипы — полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, выросших прямо из песка; ветви их были подобны длинным осклизлым рукам, а пальцы извивались, как черви. Полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими ветвями от корня до самой верхушки, гибкими щупальцами они впились во всё, что только им попадалось, и уже не выпускали добычи. Русалочка испуганно остановилась, и сердце её застучало от страха. Она уже готова была уплыть обратно, но вспомнила о принце, о бессмертной душе — и к ней вернулось мужество. Крепко обмотав вокруг головы свои длинные волосы, чтобы их не зацепили полипы, она скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между чудовищами, которые протягивали к ней свои извивающиеся щупальца. Она видела, до чего крепко, словно железными клещами, держали они всё, что удалось схватить: белые скелеты утопленников, корабельные рули, ящики, остовы животных, даже одну русалочку — полипы поймали и задушили её. Это было, пожалуй, страшнее всего!

Но вот наша русалочка очутилась на болотистой лесной поляне, где кувыркались большие жирные водяные ужи, показывая своё противное светло-жёлтое брюхо. Посреди поляны стоял дом, выстроенный из белых человеческих костей; тут же сидела и сама морская ведьма, кормившая изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Гадких жирных ужей она называла «цыплятками» и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости затеваешь! Ну, да я исполню твоё желание, потому что это принесёт тебе горе, красавица! Ты хочешь взамен рыбьего хвоста получить две подпорки и ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц тебя полюбил, а ты получила и его, и бессмертную душу!

И ведьма захохотала так громко и безобразно, что и жаба и ужи свалились с неё и растянулись на песке.

— Ну ладно, пришла ты вовремя! — продолжала ведьма. — А приди ты завтра поутру, было бы уже поздно, и я не могла бы помочь тебе раньше, чем в будущем году. Я приготовлю тебе питьё, а ты возьмёшь его, подплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядешь там и выпьешь всё до капли. Тогда твой хвост раздвоится и превратится в две очаровательные, как скажут люди, ножки, но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят насквозь острым мечом. Зато каждый, кто тебя увидит, скажет, что такой прелестной девушки он в жизни не видывал! Ты сохранишь свою лёгкую, скользящую походку, — ни одна танцовщица не срав-

нится с тобой; но знай, что каждый твой шаг будет тебе причинять такую боль, как будто ты ступаешь по острым ножам, как будто кровь сочится из твоих ножек. Если ты согласна всё это вытерпеть, я тебе помогу.

— Да! — ответила русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе.

— Знай также, — продолжала ведьма, — что, если ты примешь человеческий образ, тебе уже не быть русалкой никогда. Ты больше не сможешь спускаться к сёстрам и во дворец отца. И если принц не полюбит тебя так, что ради тебя забудет отца и мать, если он не прилепится к тебе душой и телом и не попросит священника соединить ваши руки, чтобы вам стать мужем и женой, — ты не обретёшь бессмертной души. Если же он возьмёт в жёны другую, то на первой же заре после их брака сердце твоё разорвётся на части и ты превратишься в морскую пену.

— Пусть! — проговорила русалочка и побледнела, как смерть.

— Кроме того, ты должна заплатить мне за помощь! — сказала ведьма. — А я возьму недёшево. Здесь, на дне морском, ни у кого нет голоса красивее твоего, и им ты надеешься обворожить принца, — но ты должна отдать свой голос мне. За свой драгоценный напиток я возьму самое лучшее, что у тебя есть: я ведь должна приправить этот напиток своей собственной кровью, для того чтобы он стал острый, как лезвие меча!

— Если ты возьмёшь мой голос, что же у меня останется? — спросила русалочка.

— Твоё прелестное лицо, твоя скользящая походка и твои говорящие глаза — этого вполне достаточно, чтобы покорить человеческое сердце. Ну полно, не бойся: ты высунешь язычок, а я его отрежу в уплату за волшебный напиток.

— Пусть будет так! — сказала русалочка.

И ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё.

— Чистота — лучшая красота! — сказала она и обтёрла котёл связкой живых ужей, потом расцарапала себе грудь, и чёрная кровь закапала в котёл, над которым вскоре за клубился пар, принимавший столь причудливые формы, что страшно было смотреть на него. Ведьма по минутно бросала в котёл всё новые и новые снадобья; и когда питьё закипело, послышались звуки, похожие на плач крокодила. Наконец зелье сварилось; на вид оно казалось прозрачной водой.

— На, бери! — буркнула ведьма, отдавая его русалочке, которая не могла больше ни петь, ни говорить.

— Если полипы захотят тебя схватить, когда ты поплывёшь назад моим лесом, — сказала ведьма, — брызни на них только одну каплю этого питья, и их руки и пальцы разлетятся на тысячу кусков.

Но русалочке это не понадобилось: полипы с ужасом отворачивались, едва завидев напиток, сверкавший в её руках, как яркая звезда. Быстро проплыла она по лесу, миновала болотистую низину и бурлящие водовороты.

Но вот и отцовский дворец; огни в большом зале были потушены: вероятно, все уже спали. Русалочка не посмела войти во дворец — ведь

она была немая и собиралась навеки покинуть отчий дом. Сердце её было готово разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад и, сорвав по цветку с клумбы каждой своей сестры, послала родным тысячу воздушных поцелуев, потом стала подниматься вверх сквозь толщу тёмно-голубой воды.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на нижнюю ступеньку великолепной мраморной лестницы, озарённой волшебным голубым сиянием месяца. Русалочка выпила огненный, острый напиток, и ей показалось, что её нежное тело пронзил обоюдоострый меч; она потеряла сознание и упала замертво. Очнулась она, когда над морем уже сияло солнце, и сразу ощутила жгучую боль; зато перед ней стоял юный красавец принц и смотрел на неё своими чёрными, как уголь, глазами. Русалочка потупилась и увидела, что вместо рыбьего хвоста у неё теперь выросли две восхитительные белые ножки, маленькие, как у девочки. Но она была совсем нагая и поскорее закуталась в свои длинные густые волосы. Принц спросил, кто она такая и как сюда попала, но она только грустно и кротко смотрела на него своими тёмно-голубыми глазами — говорить она не могла. Тогда он взял её за руку и повёл во дворец. Ведьма сказала правду: с каждым шагом русалочке чудилось, будто она наступает на иглы или острые ножи; но она терпеливо переносила боль и шла рука об руку с принцем, лёгкая, светлая, как мыльный пузырёк; принц и все окружающие не могли надивиться на её прелестную скользкую походку.

Русалочку нарядили в дорогие муслиновые и шёлковые платья, и она стала первой красавицей при дворе, но по-прежнему оставалась немой — не могла ни петь, ни говорить. Однажды красивые рабыни, все в шелку и золоте, предстали перед принцем и его царственными родителями и запели песню. Одна рабыня пела особенно хорошо, и принц хлопал в ладоши и улыбался ей. Русалочке стало очень грустно, ведь когда-то и она могла петь, и пела гораздо лучше! «Ах, если бы он только знал, что я навсегда рассталась со своим голосом для того, чтобы вечно быть возле него, моего любимого!» — думала она.

Потом рабыни стали танцевать под звуки чарующей музыки. Тут и русалочка подняла свои хорошенькие белые ручки, встала на цыпочки и понеслась в лёгком воздушном танце, — так не танцевал ещё никто. Каждое движение подчёркивало её красоту, а русалочки глаза говорили сердцу больше, чем пение рабынь.

Все пришли в восторг, особенно принц, назвавший русалочку своим маленьким найдёнышем. Она всё танцевала и танцевала, хотя всякий раз, когда ножки её касались пола, ей было так больно, как будто она наступала на острый нож. Принц сказал, что она всегда будет жить у него, и позволил ей спать на бархатной подушке перед дверями его комнаты.

Он приказал сшить ей мужское платье, чтобы она вместе с ним могла ездить верхом. Они проезжали по благоухающим лесам, где в свежей листве пели птички, а зелёные ветви гладили маленькую всадницу по плечам; они взбирались на высокие горы, и хотя из её нежных

ножек сочилась кровь и все это видели, она только смеялась и вслед за принцем поднималась на горные вершины: там они любовались облаками, плывшими у их ног, словно стаи птиц, улетающих в дальние страны.

А дома, во дворце принца, ночью, когда все спали, русалочка спускалась по мраморной лестнице, выходила на берег моря и, погрузив пылавшие, как в огне, ноги в холодную морскую воду, думала о своих родных, оставшихся на дне морском.

Однажды ночью из воды выплыли рука об руку её сестры и запели печальную песню. Она кивнула им, а они, узнав её, рассказали, как огорчила она их всех. С тех пор они навещали её каждую ночь, а однажды она увидела вдали даже свою старую бабушку, которая уже много, много лет не выплывала на поверхность, и самого морского царя с короной на голове. Они простирали к ней руки, но не смели подплывать к земле так близко, как её сестры.

День ото дня принц всё сильнее привязывался к русалочке, но любил её только как любят милых, послушных детей, — сделать её своей женой и королевой ему и в голову не приходило. А ведь ей необходимо было стать его женою, иначе она не могла обрести бессмертную душу; и если бы он женился на другой, русалочка превратилась бы в морскую пену.

«Ты любишь меня больше всех на свете, правда?» — казалось, спрашивали глаза русалочки в то время, как принц обнимал её и целовал в прекрасный лоб.

— Да, ты мне дороже всех! — говорил принц. — У тебя самое доброе сердце на све-

те, ты предана мне, как никто, и ты похожа на молодую девушку, которую я видел раз и, верно, больше не увижу. Однажды я плыл на корабле, а корабль разбился, и волны выбросили меня на берег вблизи дивного храма, в котором молодые девушки служат Богу. Младшая из них нашла меня на берегу и спасла мне жизнь. Я видел её всего два раза, но лишь её одну в целом мире мог бы я полюбить! Однако ты похожа на неё и почти вытеснила из моего сердца её образ. Она принадлежит святому храму, и вот моя счастливая звезда послала мне тебя; никогда я не расстанусь с тобой.

«Увы! Он не знает, что это я спасла ему жизнь! — думала русалочка. — Я вынесла его из волн морских на берег и положила в лесу, близ храма, а сама скрылась в морской пене и смотрела, не придёт ли кто-нибудь к нему на помощь. Я видела эту красавицу девушку, которую он любит больше, чем меня! — И русалочка глубоко, глубоко вздыхала — плакать она не могла. — Но та девушка принадлежит храму, сказал он, она не вернётся в мир, и они никогда не встретятся! А я всё время рядом с ним, вижу его каждый день, могу за ним ухаживать, любить его, отдать за него жизнь!»

Но вот стали поговаривать, что принц собирается жениться на красавице — дочери своего соседа, короля, и потому снаряжает в плавание свой великолепный корабль. Принц поедет к соседу как будто затем, чтобы ознакомиться с его страной, а на самом деле, чтобы увидеть его дочь; с ним будет большая свита. Слушая эти речи, русалочка только покачивала головой

и смеялась: кто-кто, а она лучше всех знает мысли принца!

— Я должен ехать! — говорил он ей. — Мне надо познакомиться с прекрасной принцессой, этого требуют мои родители, но они не станут принуждать меня жениться на ней, а я никогда её не полюблю! Она ведь не похожа на ту красавицу, которую мне так напоминаешь ты. Если же мне наконец придётся избрать себе невесту, я скорее всего выберу тебя, мой немой найдёныш с говорящими глазами!

И он целовал её в алые губы, играл её длинными волосами и прижимал голову к её сердцу, которое так жаждало человеческого счастья и бессмертной души.

— Ты ведь не боишься моря, моя немая крошка? — говорил он, когда они уже прибыли на великолепный корабль, который должен был отвезти их в соседнее королевство.

И принц рассказывал ей о морских штормах и о штиле, о диковинных рыбах, что живут в глубине моря, и чудесах, которые видят водолазы. Но русалочка только улыбалась, слушая его рассказы, — она-то лучше всех знала, какое оно, дно морское.

Однажды в ясную лунную ночь, когда все, кроме рулевого, спали, она села у самого борта и стала смотреть в прозрачные волны. И вот ей показалось, что она видит отцовский дворец и свою старую бабушку, которая стоит на вышке, в серебряной короне, и смотрит сквозь волнующуюся воду на киль корабля. Вскоре на поверхность моря всплыли сёстры русалочки; они печально смотрели на неё и ломали свои белые руки, а она, кивнув им головой, улыбну-

лась и хотела было рассказать о том, как ей здесь хорошо, но в это время к ней подошёл корабельный юнга, и сёстры нырнули в воду, а юнга подумал, что это белая морская пена мелькнула в волнах.

Наутро корабль вошёл в гавань великолепной столицы соседнего государства. И вот в городе зазвонили колокола, с высоких башен затрубили в трубы, а на площадях выстроились полки солдат с блестящими штыками и реющими знамёнами. Начались празднества, бал следовал за балом, но принцессы в столице ещё не было, — она воспитывалась где-то в далёком монастыре, куда её отдали, чтобы она научилась всем королевским добродетелям. Наконец прибыла и она.

Русалочка жадно смотрела на неё и должна была сознаться, что ещё не видела более красивого и милого лица. Кожа у принцессы была нежная, прозрачная, а из-под длинных чёрных ресниц улыбались тёмно-синие добрые глаза.

— Это ты! — воскликнул принц. — Это ты спасла мне жизнь, когда я полумёртвый лежал на берегу моря!

И он крепко прижал к сердцу свою зарумянившуюся невесту.

— Как я счастлив! — сказал он русалочке. — Сбылось то, о чём я и мечтать не смел! Ты порадуешься моему счастью, — ведь никто так не любит меня, как ты!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце её уже разрывается, а свадьба принца должна была её убить и превратить в морскую пену!

Церковные колокола звонили, по улицам разъезжали герольды, оповещая народ о помолвке принцессы. На всех алтарях в драгоценных серебряных лампадах горело ароматное масло. Священники кадили ладаном. Жених с невестой подали друг другу руки и получили благословение епископа. Русалочка стояла разодетая в шёлк и золото, держа в руках шлейф невесты, но уши её не слышали звуков праздничной музыки, глаза не видели, как совершается обряд венчания, — она думала о своём смертном часе и о том, что она теряла с жизнью.

Новобрачные должны были отплыть на родину принца в тот же вечер. Пушки палили, флаги развевались, на палубе корабля был раскинут роскошный шатёр из золота и пурпура, весь устланный мягкими подушками. Тут, в шатре, должны были новобрачные провести эту прохладную тихую ночь. Но вот ветер надул паруса, корабль легко скользнул по волнам и помчался вперёд по светлому морю.

Как только смерклось, на корабле зажглось множество разноцветных фонариков, а матросы пустились в пляс по палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые всплыла на поверхность моря и увидела такое же великолепие и веселье. И вот она вспорхнула и понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая врагом. Все выражали ей своё восхищение: никогда ещё не танцевала она так чудесно! Её нежные ножки резало, как ножами, но этой боли она не чувствовала, — ведь сердцу её было ещё больнее: она знала, что в последний раз видит этого человека, ради которого оставила родных и отцовский дом, отдала свой пре-

лестный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не подозревал. Последнюю ночь дышала она одним воздухом с ним, видела синее море и звёздное небо, зная, что скоро наступит для неё вечная ночь, без мыслей, без сновидений. У русалочки ведь не было души, и обрести её не удалось. Далеко за полночь шло на корабле веселье и звучала музыка, а русалочка смеялась и плясала с мыслью о смерти в сердце. Принц в это время целовал красавицу жену, а она играла его чёрными кудрями. Рука об руку удалились они на покой в свой великолепный шатёр.

На корабле воцарилась тишина, один лишь рулевой бодрствовал у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был её убить. И вдруг она увидела, как из моря поднялись её сёстры; они были бледны, как и она, но их длинные прекрасные волосы не развевались больше по ветру — они были острижены.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавить тебя от смерти. А она дала нам вот этот нож, — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдёт солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и когда тёплая кровь его брызнет тебе на ноги, они срастутся в рыбий хвост, и ты опять станешь русалкой, погрузишься в родное море и превратишься в солёную морскую пену не раньше, чем проживёшь свои триста лет. Но спеши! Или он, или ты — кто-нибудь из вас должен умереть до восхода солнца! Наша старая бабушка так печалится, что от горя потеряла все свои седые во-

лосы, а наши волосы срезаны ножницами ведьмы. Убей принца и вернись к нам! Спеши! Видишь, на небе показалась алая полоса. Скоро взойдёт солнце, и ты умрёшь!

И они глубоко-глубоко вздохнули и погрузились в море.

Приподняв пурпуровую полу шатра, русалочка увидела, что головка прелестной новобрачной покоится на груди принца. Русалочка наклонилась, поцеловала его в прекрасный лоб и посмотрела на небо: там разгоралась утренняя заря. Потом она взглянула на острый нож и опять устремила взор на принца, а тот в это время произнёс во сне имя своей молодой жены: значит, она одна была у него в мыслях! И нож дрогнул в руках русалочки. Но промелькнуло ещё мгновение, и она бросила нож в волны, которые покраснели в том месте, где он упал. Ещё раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело её расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце. Лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала, что умирает. Она видела ясное солнце и какие-то прозрачные, волшебные создания, во множестве реявшие над ней; сквозь них она видела белые паруса корабля и алые облака в небе. Голос призраков звучал как музыка, но музыка столь возвышенная, что люди не могли бы её слышать, как не могли бы увидеть и этих беспечных существ. У них не было крыльев, но они плавали в воздухе, невесомые и прозрачные. И вот русалочка почувствовала, что и сама становится похожей

на них и всё больше и больше отделяется от морской пены.

— Куда я иду? — спросила она, поднимаясь в воздух; и голос её прозвучал так дивно и одухотворённо, что земная музыка не смогла бы передать этих звуков.

— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — У русалки нет бессмертной души, и обрести её она может, только если её полюбит человек. Её вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они сами могут заслужить её себе добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и приносим людям отраду и исцеление. Триста лет мы посильно делаем добро, а потом получаем в награду бессмертную душу и вкушаем вечное блаженство, доступное человеку. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, ты любила и страдала, — поднимись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь заслужить бессмертную душу добрыми делами и обретёшь её через триста лет!

И русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу, и впервые на глазах её показались слёзы.

На корабле в это время всё опять пришло в движение, и русалочка увидела, как ищут её новобрачные. Печально смотрели они на волнующую морскую пену, словно зная, что русалочка бросилась в волны. Невидимо поцеловала русалочка новобрачную в лоб, улыбнулась принцу

и вместе с другими дочерьми воздуха поднялась к розовым облакам, плававшим в небе.

— Через триста лет мы вот так же поднимемся в божье царство!

— Может быть, и раньше! — прошептала одна из дочерей воздуха. — Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, которое радуется своих родителей и достойно их любви, то улыбаемся — и срок нашего испытания сокращается. Ребёнок не видит нас, когда мы влетаем в комнату, и если мы радуемся на него и улыбаемся, — из нашего трёхсотлетнего срока вычитается год. Если же мы встречаем злого, непослушного ребёнка, мы горько плачем, — и каждая слеза прибавляет лишний день к долгому сроку нашего испытания.

ОЛЕ-ЛУКОЙЕ¹

Никто на свете не знает столько сказок, сколько знает их Оле-Лукойе. Вот мастер рассказывать!

Вечером, когда дети спокойно сидят за столом или на скамеечках, является Оле-Лукойе. В одних чулках он неслышно поднимается по лестнице, потом осторожно приотворяет дверь и брызгает детям в глаза сладким молоком, — в руках у него маленькая спринцовка, которая выбрасывает молоко тоненькой струйкой. Тогда веки у всех начинают слипаться, и дети уже не могут разглядеть Оле, а он подкрадывается к ним сзади и начинает легонько дуть им в за-

¹ Оле, закрой глазки! (датск.)

тылок. Подует — и детские головки поникнут. Но это не больно, — Оле-Лукойе ведь ничего плохого не замышляет, он хочет только, чтобы дети угомонились, а утихомятся они не раньше, чем их уложишь в постель. И как только они затихнут, он начинает рассказывать им сказки.

Но вот дети заснули, и Оле-Лукойе присаживается на край кровати. Одет он прелестно — в шёлковый кафтан; только нельзя сказать, какого цвета этот кафтан: он отливает то синим, то зелёным, то красным, смотря куда повернётся Оле. Под мышкой он держит два зонтика. Один зонтик — тот, что с картинками, — Оле раскрывает над хорошими детьми; и им тогда всю ночь снятся увлекательные сказки. Другой зонтик — совсем простой, гладкий, и Оле раскрывает его над озорными детьми; ну, они и спят, как чурбаны, всю ночь, а утром оказывается, что они ровно ничего не видели во сне!

Вот и послушаем, как Оле-Лукойе целую неделю навещал одного маленького мальчика, Яльмара, и каждый вечер рассказывал ему сказки. Целых семь сказок рассказал — в неделе ведь семь дней.

Понедельник

— Так! — сказал Оле-Лукойе, уложив Яльмара в постель. — Прежде всего я принаряжу комнату!

И вот все цветы в горшках мгновенно выросли, стали большими деревьями и протянули свои длинные ветви к самому потолку; комната превратилась в чудеснейшую беседку. Ветви деревьев покрылись цветами; и ни один цветок не уступал розе в красоте и аромате, а на вкус

(если бы только вы захотели их попробовать) был слаще варенья; плоды же блестели, как золотые. А ещё на деревьях росли пышки, которые чуть не лопались, — так щедро они были начинены изюмом. Просто чудо! Но вдруг из ящика стола, где лежали учебники Яльмара, раздалась громкие стоны.

— Что там такое? — спросил Оле-Лукойе и, подойдя к столу, выдвинул ящик.

Оказалось, что это трещала и скрипела аспидная доска: в решение написанной на ней задачи вкралась ошибка, и все цифры готовы были разбежаться кто куда; грифель, как собачонка, скакал и прыгал на своей верёвочке — он горячо желал помочь делу, да не мог. Из тетради Яльмара тоже доносились жалобные стоны, и слышать их было страшно. На каждой странице этой тетради в начале каждой строки стояли рядом большие и маленькие буквы — и те и другие очень красивые. То были прописи. А возле них располагались другие, воображавшие себя столь же красивыми. Их писал сам Яльмар, и они прямо-таки валялись на проведённую карандашом линию, вместо того чтобы стоять на ней прямо.

— Вот как надо держаться! — учила пропись. — Вот так, с лёгким наклоном вправо!

— Ах, мы бы и рады, — отвечали буквы Яльмара, — да не умеем! Мы такие убогие!

— Так вас надо немножко подтянуть! — проговорил Оле-Лукойе.

— Ах нет, нет! — закричали буквы и сразу выпрямились, просто загляденье!

— Ну, теперь нам не до сказок! — сказал Оле-Лукойе. — Будем-ка упражняться! Раз-два! Раз-два!

И он так вышколил буквы Яльмара, что они теперь стояли прямо и стройно, — так умеют стоять только буквы в прописях. Но когда Оле-Лукойе ушёл и Яльмар утром проснулся, буквы снова сделались такими же кривыми, как и прежде.

Вторник

Как только Яльмар улёгся, Оле-Лукойе дотронулся своей волшебной спринцовкой до мебели, и все вещи в комнате сейчас же принялись болтать друг с другом — все, кроме плевательницы; она молчала и про себя возмущалась ветреностью других вещей: ну можно ли говорить и думать только о себе да о себе, не обращая внимания на ту, что так скромно стоит в углу и позволяет в себя плевать!

Над комодом висела большая картина в золочёной раме. На ней была изображена красивая местность: высокие старые деревья, трава, цветы и широкая река, убегавшая мимо роскошных дворцов куда-то далеко за лес, в безбрежное море.

Оле-Лукойе прикоснулся волшебной спринцовкой к картине, и вот нарисованные птицы запели, ветви деревьев зашевелились, а облака поплыли по небу; видно было даже, как скользили по картине их тени.

Затем Оле приподнял Яльмара до уровня рамы, и мальчик ступил прямо в высокую траву. Освещённый солнышком, сиявшим сквозь листву

деревьев, он побежал к воде и уселся в маленькую лодку, которая покачивалась на воде у берега. Лодочка была выкрашена в красный и белый цвет, а паруса её блестели, как серебряные. Шесть лебедей, в золотых коронах, надевших на шею, с сияющими синими звёздами на головах, повлекли лодочку мимо зелёных лесов, где деревья шептали о разбойниках и ведьмах, а цветы — о прелестных маленьких эльфах и о том, что рассказали им бабочки.

Удивительные рыбы с серебристой и золотистой чешуёй плыли за лодкой, ныряли и, подпрыгнув, опять с шумом шлёпались в воду; красные и голубые, большие и маленькие птицы летели за Яльмаром двумя длинными вереницами, комары толклись, а майские жуки гудели: «Бум! Бум!» Всем им хотелось проводить Яльмара, и у каждого была для него наготове сказка.

Да, это было плаванье!

Леса то густели и темнели, то становились похожими на красивейшие сады, освещённые солнцем и усеянные цветами. На берегах реки возвышались большие хрустальные и мраморные замки, а на балконах этих дворцов стояли принцессы, — и все они были знакомые Яльмару девочки, с которыми он часто играл, — они протягивали ему руки, и каждая держала в правой руке хорошенького сахарного поросёнка — такого редко можно купить у торговли сластями. Яльмар, проплывая мимо, хватал поросёнка, но принцесса не выпускала его из рук; поросёнок переламывался, и оба получали свою часть: Яльмар — побольше, принцесса — поменьше. У всех замков стояли на часах маленькие принцы, они отдавали Яльмару честь золотыми са-

блями и осыпали его изюмом и оловянными солдатиками, — это явно были настоящие принцы.

Яльмар плыл через леса, какие-то огромные залы и города... Проплыл и через тот город, где жила его няня, которая нянчила его, когда он был ещё малюткой, и очень любила своего питомца. И вот он увидел её: она кивала ему, махала рукой и пела трогательную песенку, которую сама когда-то сочинила и прислала ему:

Живу я, а мысли мои все с тобой,
Мой Яльмар, мой мальчик любимый!
Ведь я целовала твой лобик крутой,
И щёчки, и ротик, родимый.
Я слышала первый твой лепет, дитя,
Грустила, тебя покидая...
Господь оградит от несчастий тебя:
Ты ангел из светлого рая!

Птички подпевали ей, цветы приплясывали, а старые ивы кивали кронами, поддакивая Оле-Лукойе, словно он и им рассказывал сказку.

Среда

Ну и дождь лил! Яльмар слышал его шум даже во сне; когда же Оле-Лукойе открыл окно, оказалось, что вода стоит вровень с подоконником. Целое озеро! Зато к самому дому причалил великолепный корабль.

— Хочешь поехать, Яльмар? — спросил Оле. — Побываешь ночью в чужих краях, а к утру — опять дома!

И вот Яльмар, в воскресном платье, вдруг очутился на великолепном корабле. Погода мгновенно прояснилась, и корабль поплыл по улицам, мимо церкви, — кругом было сплошное озеро. Наконец он уплыл так далеко, что земля скрылась из виду. В поднебесье летела стая аистов; они тоже покинули родину и направились в дальние тёплые края. Летели они длинной вереницей, один за другим. Аисты были в пути уже много-много дней, и один из них так утомился, что крылья почти отказывались ему служить. Он летел позади всех, потом отстал и начал опускаться всё ниже и ниже. Вот он взмахнул распушенными крыльями ещё раза два, но... напрасно! Вскоре он задел за мачту корабля, скользнул по снастям и — бух! — упал прямо на палубу.

Юнга подхватил его и посадил в птичник к индейкам, уткам и курам. Бедняга аист стоял и уныло озирался.

— Ишь какой! — закудахтали куры.

Индюк надулся что было силы и спросил у аиста, кто он такой, а утки пятились, толкались и кричали: «Дур-рак! Дур-рак!»

И вот аист рассказывал им о жаркой Африке, о пирамидах и о страусах, которые носятся по пустыне так же быстро, как дикие лошади. Но утки ничего не поняли и опять стали подталкивать друг друга и кричать:

— Правда, он дурак?

— Конечно, дурак! — подтвердил индюк и от возмущения надулся и залопотал что-то.

Тогда аист умолк и стал думать о своей Африке.

— Какие у вас чудесные тонкие ноги! — сказал индюк. — Почём за аршин?

— Кряк! Кряк! Кряк! — закричали смешливые утки; но аист как будто и не слышал ничего.

— Могли бы и вы посмеяться с нами! — сказал аисту индюк. — А ведь хлётко я сострил! — добавил он. — Или вы шуток не понимаете? Ну и тупоголовый! Что ж, позабудимся без него! — И он снова залопотал что-то.

Курицы закудахтали, а утки закричали: им было очень смешно.

Но Яльмар подошёл к птичнику, открыл дверцу, поманил аиста, и тот выпрыгнул к нему на палубу — он уже успел отдохнуть. И вот аист склонил перед Яльмаром голову, как бы в знак благодарности, взмахнул широкими крыльями и полетел в тёплые края. Куры опять закудахтали, утки закричали, а индюк так надулся, что гребешок его побагровел.

— Завтра из вас сварят суп! — сказал Яльмар и проснулся в своей кровати.

Славно они с Оле-Лукойе попутешествовали этой ночью!

Четверг

— Знаешь что? — сказал Оле-Лукойе. — Только не пугайся! Я сейчас покажу тебе мышку! — И правда, в руке у него была прехорошенькая мышка. — Она явилась пригласить тебя на свадьбу: две мышки собираются пожениться нынче ночью. Живут они под полом в кладовой твоей матери. Чудесное помещение, как говорят!

— А как же я пролезу сквозь дырочку в полу? — спросил Яльмар.

— Положись на меня! — ответил Оле-Лукойе. — Ты у меня сделаешься совсем маленьким.

И не успел он дотронуться до Яльмара своей волшебной спринцовкой, как тот вдруг стал уменьшаться, уменьшаться и наконец сделался совсем крошечным — ни дать ни взять мальчик-с-пальчик.

— Мундир можно будет занять у оловянного солдатика, — сказал Оле-Лукойе. — Я думаю, он тебе будет впору. Как приятно быть в гостях в мундире!

— Ладно! — согласился Яльмар и, когда переделся, стал похожим на образцового оловянного солдатика.

— Не угодно ли вам сесть в напёрсток вашей матушки? — сказала Яльмару мышка. — Я буду иметь честь отвезти вас.

— Надеюсь, это не затруднит вас, фрёкен? — отозвался Яльмар.

И вот они поехали на мышиную свадьбу.

Проскользнув в дырочку, прогрызенную мышами в полу, они сначала попали в длинный коридор, такой узкий, что здесь только в напёрстке и можно было проехать. Коридор был ярко освещён светящимися гнилушками.

— Как хорошо здесь пахнет, правда? — сказала мышка-возница. — Весь коридор вымазан салом! Что может быть лучше!

Наконец добрались и до того зала, где праздновали свадьбу. Направо, перешёптываясь и посмеиваясь, стояли мышки-дамы, налево, покручивая лапками усы, — мышки-кавалеры; а посередине, на корке выеденного сыра, восседали жених с невестой и ненасытно целовались на

глазах у всех. Ну что ж, ведь они уже обручились и сейчас должны были обвенчаться.

А гости всё прибывали и прибывали; и в давке счастливую парочку оттеснили к самому входу, так что никто уже больше не мог ни войти, ни выйти. Зал, как и коридор, тоже был весь вымазан салом; никакого другого угощения не было, а на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена, — то есть, конечно, только первые буквы каждого имени. Диво, да и только!

Все мыши признали, что свадьба удалась на славу, и время прошло очень приятно.

Яльмар поехал домой. Довелось и ему побывать в блестящем обществе; правда, пришлось совсем съёжиться, чтобы влезть в мундир оловянного солдата.

Пятница

— Просто не верится, какое множество пожилых людей жаждет залучить меня к себе! — сказал Оле-Лукойе. — И особенно хотят этого те, которые сделали что-нибудь дурное. «Добренький, миленький Оле, — говорят они мне, — мы просто глаз не можем сомкнуть, лежим без сна всю ночь напролёт, и нас окружают наши дурные дела: рассядутся, словно гадкие гномы, по краям кровати и брызжут на нас кипятком. Хоть бы ты пришёл и прогнал их, Оле, чтобы мы могли покрепче уснуть; а уж мы бы тебя вознаградили! — добавляют они с глубоким вздохом. — Ну, спокойной ночи, Оле! Деньги на окне!» Но

я ни к кому не прихожу за деньги, — заключил Оле-Лукойе.

— Что будем делать сегодня ночью? — спросил Яльмар.

— Не хочешь ли опять побывать на свадьбе? Только не на такой, как вчера. Большая кукла твоей сестры, та, что одета мальчиком, — её зовут Герман, — хочет повенчаться с куклой Бертой. Кроме того, сегодня день рождения куклы, и ей готовят много подарков.

— Знаю! Знаю! — сказал Яльмар. — Как только куклам понадобится новое платье, сестра сейчас же празднует их день рождения или свадьбу. Так она уже раз сто проделывала.

— Да, а сегодня ночью это будет в сто первый и, значит, в последний раз. Оттого и готовится нечто необыкновенное. Взгляни-ка!

Яльмар посмотрел на стол. На нем стоял картонный домик с освещёнными окнами, и все оловянные солдатики держали ружья на караул. Жених с невестой в задумчивости сидели на полу, прислонившись к ножке стола; да им и было о чём задуматься! Оле-Лукойе, облачившись в бабушкину чёрную юбку, перевенчал их, и вот вся мебель в комнате запела на мотив марша забавную песенку, которую сочинил карандаш:

Пускай к невесте с женихом
Примчится наша песня в дом.
Горды собой, сидят вдвоём, —
Их сделали, взяв пакли ком
И лайкой обтянув кругом!
«Ура! Ура!» — мы им поём.

Затем молодые получили подарки, но от еды отказались — они были сыты своей любовью.

— Ну, поехать нам теперь на дачу или отправиться за границу? — спросил молодой муж.

На совет пригласили опытную путешественницу ласточку и старую курицу, которая уже пять раз высиживала цыплят. Ласточка рассказала о тёплых краях, где зреют тяжёлые виноградные гроздья, где воздух так лёгок, а горы отливают такими красками, о каких здесь и понятия не имеют.

— Но там не растёт наша кудрявая капуста! — сказала курица. — Одно лето я со своими цыплятами жила в деревне; там была большая куча песку, и мы могли в ней рыться и копать сколько угодно. Кроме того, нам разрешили ходить в огород, где росла капуста. Ах, какая она была зелёная! Нет ничего красивее её!

— Да ведь один кочан капусты похож на другой как две капли воды! — сказала ласточка. — К тому же здесь часто бывает ненастье.

— Ну, к этому можно привыкнуть, — проговорила курица.

— Но здесь так холодно, того и гляди замёрзнешь!

— Для капусты это как раз хорошо, — заметила курица. — Да, наконец, и у нас бывает тепло! Вот, например, четыре года назад лето у нас тянулось целых пять недель. А жара-то какая стояла — дышать нечем было! Кстати сказать, у нас нет тех ядовитых тварей, какие водятся в тёплых краях. Нет и разбойников. Только отщепенец не считает нашу страну лучшей в мире. Такой недостойн жить в ней! — Тут ку-

рица заплакала. — Я ведь тоже путешествовала, целых двенадцать миль проехала в бочонке, — и ничего приятного в путешествии не нашла.

— Да, курица наша — умница, — сказала кукла Берта. — Мне тоже не нравится шляться по горам; только и знаешь: то вверх, то вниз, то вверх, то вниз! Нет, лучше мы переедем в деревню, где много песка, и будем гулять по огороду, где растёт капуста.

На том и порешили.

Суббота

— А сегодня будешь рассказывать? — спросил Яльмар, как только Оле-Лукойе уложил его в постель.

— Сегодня некогда, — ответил Оле-Лукойе и раскрыл над мальчиком свой красивый зонтик. — Погляди-ка вот на этих китайцев.

Зонтик был похож на большую китайскую чашу, расписанную голубыми деревьями и узенькими мостиками, на которых стояли маленькие китайцы и кивали головами.

— Сегодня надо будет принарядить к завтрашнему дню весь мир! — продолжал Оле. — Завтра праздник, воскресенье. Мне надо влезть на колокольню, чтобы проверить работу церковных домовых, которые должны вычистить колокола, а не то они завтра будут плохо звонить; потом выйду в поле посмотреть, смахнул ли ветер пыль с травы и листьев. А уж потом наступит время и для самой трудной работы: придётся снять с неба и почистить все звёздочки. Я их собираю в свой передник и при этом нумерую каждую звёздочку и дырочку, в которой

она сидела, чтобы потом разместить их все по местам, не то они будут плохо держаться и покатаются с неба одна за другой!

— Послушайте-ка, вы, господин Оле-Лукойе! — проговорил вдруг висевший на стене старый портрет. — Я прадедушка Яльмара и очень признателен вам за то, что вы рассказываете мальчику сказки, но вы не должны извращать его представления. Снимать с неба звёзды и чистить их невозможно: звёзды такие же светила, как наша Земля, тем-то они и хороши.

— Спасибо тебе, прадедушка! — отозвался Оле-Лукойе. — Спасибо! Ты глава семьи, наш родоначальник, но я всё-таки постарше тебя! Я старший язычник; древние римляне и греки считали меня богом сновидений. Я бывал в знатнейших домах и теперь туда вхож и знаю, как обходиться и с большими и с малыми. Можешь теперь рассказывать сам.

И Оле-Лукойе ушёл, сунув зонтик под мышку.

— Ну уж нельзя и мнения своего высказать! — проворчал старый портрет.

Тут Яльмар проснулся.

Воскресенье

— Добрый вечер! — сказал Оле-Лукойе.

Яльмар кивнул ему, вскочил и повернул прадедушкин портрет лицом к стене, чтобы он опять не вмешался в разговор по-вчерашнему.

— А теперь ты расскажи мне вот какие сказки: про пять зелёных горошин, что родились в одном стручке, про петушиную ногу, которая ухаживала за куриной ногой, и про штопальную

иглу, которая возомнила себя швейной иглой, — сказал Яльмар.

— Ну, хорошенького понемножку! — отозвался Оле-Лукойе. — Я лучше покажу тебе кое-что. Я покажу тебе своего брата, его тоже зовут Оле-Лукойе, но он ни к кому не является больше чем один раз в жизни. А уж если явится, то берёт человека, сажает к себе на коня и рассказывает ему сказки. А знает он их только две: одна из них так прекрасна, что и описать нельзя, но зато другая... нет слов выразить, какая она страшная!

Оле-Лукойе приподнял Яльмара, поднёс его к окну и сказал:

— Сейчас ты увидишь моего брата, другого Оле-Лукойе. Люди зовут его Смертью. Видишь, он вовсе не такой страшный, каким выглядит на картинках, где его рисуют в виде скелета. Кафтан на нём вышит серебром, как гусарский мундир; за плечами развевается чёрный бархатный плащ... Гляди, как он скачет!

И Яльмар увидел, как мчится во весь опор другой Оле-Лукойе, сажая к себе на коня и старых и малых. Одних он сажал перед собою, других позади, но сначала всегда спрашивал:

— Какие у тебя отметки?

— Хорошие! — отвечали все.

— Покажи-ка! — говорил он.

Приходилось показывать; и вот тех, у кого были отличные или хорошие отметки, он сажал впереди себя и рассказывал им весёлую сказку, а тех, у кого были посредственные или плохие, сажал позади себя, и эти должны были слушать страшную сказку. Они тряслись в ужасе, плакали

и старались спрыгнуть с коня, да не могли, потому что сразу же крепко прирастали к седлу.

— Но ведь Смерть — чудеснейший Оле-Лукойе! — сказал Яльмар. — И я ничуть не боюсь его!

— Да и нечего бояться! — сказал Оле. — Смотри только, чтобы у тебя всегда были хорошие отметки.

— Вот это поучительно! — пробормотал прадедушкин портрет. — Всё-таки, значит, не мешает иногда высказать своё мнение.

Он был очень доволен.

Вот тебе и вся история об Оле-Лукойе! А вечером пусть он сам расскажет тебе ещё что-нибудь.

Эрих РАСПЕ 1737—1794

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРОНА МЮНХГАУЗЕНА

(Отрывки)

Самый правдивый
человек на земле

Маленький старичок с большим носом сидит у камина и рассказывает о своих приключениях. Его слушатели смеются ему прямо в глаза:

— Ай да Мюнхгаузен! Вот так барон!

Но он даже не смотрит на них.

Он спокойно продолжает рассказывать, как он летал на Луну, как жил среди трёхногих людей, как его проглотила огромная рыба, как у него оторвалась голова.

Однажды какой-то проезжий слушал-слушал его и вдруг как закричал:

— Всё это выдумки! Ничего этого не было, о чём ты рассказываешь.

Старичок насупился и важно ответил:

— Те графы, бароны, князья и султаны, которых я имею честь называть лучшими своими друзьями, всегда говорили, что я самый правдивый человек на земле.

Кругом захохотали ещё громче:

— Мюнхгаузен — правдивый человек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

А Мюнхгаузен как ни в чём не бывало продолжал рассказывать о том, какое на голове у оленя выросло чудесное дерево.

— Дерево?.. На голове у оленя?!

— Да. Вишнёвое. И на дереве вишни. Такие сочные, сладкие...

Все эти рассказы напечатаны здесь, в этой книге. Прочтите их и судите сами, был ли на земле человек правдивее барона Мюнхгаузена.

Конь на крыше

Я выехал в Россию верхом на коне.

Дело было зимою. Шёл снег.

Конь устал и начал спотыкаться. Мне сильно хотелось спать. Я чуть не падал с седла от усталости. Но напрасно искал я ночлега: в пути не попало мне ни одной деревушки.

Что было делать?

Пришлось ночевать в открытом поле.

Кругом ни куста, ни дерева. Только маленький столбик торчал из-под снега.

К этому столбику я кое-как привязал своего озябшего коня, а сам улёгся тут же на снегу и заснул.

Спал я долго, а когда проснулся, я увидел, что лежу не в поле, а в деревне, или, вернее, в небольшом городке: со всех сторон меня окружают дома.

Что такое? Куда я попал? Как могли эти дома вырасти здесь в одну ночь?

И куда девался мой конь?

Долго я не понимал, что случилось. Вдруг слышу знакомое ржание. Это ржёт мой конь.

Но где же он?

Ржание доносится откуда-то сверху.

Я поднимаю голову — и что же?

Мой конь висит на крыше колокольни! Он привязан к самому кресту!

В одну минуту я понял, в чём дело.

Вчера вечером весь этот городок, со всеми людьми и домами, был занесён глубоким снегом, и наружу торчала только верхушка креста.

Я не знал, что это крест, мне показалось, что это — маленький столбик, и я привязал к нему моего усталого коня! А ночью, пока я спал, началась сильная оттепель, снег растаял; и я незаметно опустился на землю.

Но бедный мой конь так и остался там, наверху, на крыше. Привязанный к кресту колокольни, он не мог спуститься на землю.

Что делать?

Недолго думая, хватаю пистолет, метко прицеливаюсь и попадаю прямо в уздечку, потому что я всегда был отличным стрелком.

Уздечка — пополам.

Конь быстро спускается ко мне.

Я вскакиваю на него и, как ветер, скачу вперёд.

Сырный остров

Не моя вина, если со мною случаются такие диковины, которых ещё не случилось ни с кем.

Это потому, что я люблю путешествовать и вечно ищу приключений, а вы сидите дома

и ничего не видите, кроме четырёх стен своей комнаты.

Однажды, например, я отправился в дальнее плавание на большом голландском корабле. Вдруг в открытом океане на нас налетел ураган, который в одно мгновение сорвал у нас все паруса и поломал все мачты.

Одна мачта упала на компас и разбила его вдребезги.

Всем известно, как трудно управлять кораблём без компаса. Мы сбились с пути и не знали, куда мы плывём.

Три месяца нас бросало по волнам океана из стороны в сторону, а потом унесло неизвестно куда, и вот в одно прекрасное утро мы заметили необыкновенную перемену во всём. Море из зелёного сделалось белым. Ветерок доносил какой-то нежный, ласкающий запах. Нам стало очень приятно и весело.

Вскоре мы увидели пристань и через час вошли в просторную глубокую гавань. Вместо воды в ней было молоко!

Мы поспешили высадиться на берег и стали жадно пить из молочного моря.

Между нами был один матрос, который не выносил запаха сыра. Когда ему показывали сыр, его начинало тошнить. И вот едва мы высадились на берег, как ему сделалось дурно.

— Уберите у меня из-под ног этот сыр! — закричал он. — Я не хочу, я не могу ходить по сыру!

Я нагнулся к земле и всё понял.

Остров, к которому пристал наш корабль, был сделан из отличного голландского сыра!

Да, да, не смейтесь, я рассказываю вам истинную правду: вместо глины у нас под ногами был сыр.

Мудрено ли, что жители этого острова питались почти исключительно сыром! Но сыру этого не становилось меньше, так как за ночь его вырастало ровно столько, сколько было съедено в течение дня.

Весь остров был покрыт виноградниками, но виноград там особенный: сожмёшь в кулаке — из него вместо сока течёт молоко.

Жители острова — высокие, красивые люди. У каждого из них по три ноги. Благодаря трём ногам они свободно могут держаться на поверхности молочного моря.

Хлеб здесь растёт печёный, прямо в готовом виде, так что жителям этого острова не приходится ни сеять, ни пахать. Я видел много деревьев, увешанных сладкими медовыми пряниками.

Во время наших прогулок по Сырному острову мы открыли семь рек, текущих молоком, и две реки, текущие густым и вкусным пивом.

Признаюсь, эти пивные реки понравились мне больше молочных.

Вообще, гуляя по острову, мы видели много чудес.

Особенно поразили нас птичьи гнёзда. Они были невероятно огромны. Одно орлиное гнездо, например, было выше самого высокого дома. Оно было всё сплетено из исполинских дубовых стволов. В нём мы нашли пять сотен яиц, каждое яйцо величиной с хорошую бочку.

Мы разбили одно яйцо, и из него вылез птенец, раз в двадцать больше взрослого орла.

Птенец запищал. К нему на помощь прилетела орлица. Она схватила нашего капитана, подняла его до ближайшего облака и оттуда швырнула в море.

К счастью, он был отличный пловец и через несколько часов добрался до Сырного острова вплавь.

Вернувшись на корабль, мы тотчас же подняли якорь и отплыли от чудесного острова.

Все деревья, что росли на берегу, словно по какому-то знаку, дважды поклонились нам в пояс и снова выпрямились как ни в чём не бывало. Растроганный их необыкновенной любезностью, я снял шляпу и послал им прощальный привет.

Удивительно вежливые деревья, не правда ли?

Необыкновенный олень

Впрочем, со мной случались чудеса и почище. Иду я как-то по лесу и угощаюсь сладкими, сочными вишнями, которые купил по дороге.

И вдруг прямо передо мной — олень! Стройный, красивый, с огромными ветвистыми рогами!

А у меня, как назло, ни одной пули! Олень стоит и преспокойно глядит на меня, словно знает, что у меня ружье не заряжено.

К счастью, у меня осталось ещё несколько вишен, и я зарядил ружьё вместо пули вишнёвой косточкой. Да, да, не смейтесь, обыкновенной вишнёвой косточкой. Раздался выстрел, но олень только головой помотал. Косточка попала ему в лоб и не причинила никакого вреда.

В одно мгновение он скрылся в лесной чаще.

Я очень жалел, что упустил такого прекрасного зверя.

Год спустя я снова охотился в том же лесу. Конечно, к тому времени я совсем позабыл об истории с вишнёвой косточкой.

Каково же было моё изумление, когда из чащи леса прямо на меня выпрыгнул великолепный олень, у которого между рогами росло высокое, развесистое вишнёвое дерево! Ах, поверьте, это было очень красиво: стройный олень и на голове у него — стройное дерево! Я сразу догадался, что это дерево выросло из той маленькой косточки, которая в прошлом году послужила мне пулей. На этот раз у меня не было недостатка в зарядах. Я прицелился, выстрелил, и олень замертво грохнулся на землю.

Таким образом, с одного выстрела я сразу получил и жаркое, и вишнёвый компот, потому что дерево было покрыто крупными, спелыми вишнями.

Должен сознаться, что более вкусных вишен я не пробовал за всю свою жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Русские народные сказки

Бой на Калиновом мосту (Из сборника А. Афанасьева)	5
Пётр и Петруша (Пересказ А. Любарской)	20
Петух и жерновки (Из сборника А. Афанасьева)	33
Сказка о молодильных яблоках и живой воде (Обработка Л. Толстого)	35
Хитрая наука (Из сборника А. Афанасьева)	53

Былины

Садко	60
-------------	----

Начальная русская летопись (Отрывки)	72
--	----

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА

Апухтин Алексей Николаевич

Просёлок	79
----------------	----

Баратынский Евгений Абрамович

«Весна, весна! как воздух чист!..»	81
«Где сладкий шёпот...»	82

Бенедиктов Владимир Григорьевич

Москва	83
--------------	----

Вяземский Пётр Андреевич

Осень	86
-------------	----

Н. Гарин (Михайловский Николай Георгиевич)

Детство Тёмы (Главы)	87
Неудачный день	87
Старый колодец	114

Гаршин Всеволод Михайлович

Сказка о жабе и розе	124
----------------------------	-----

Глинка Федор Николаевич

Москва	134
--------------	-----

Даль Владимир Иванович

У тебя у самого свой ум	136
-------------------------------	-----

Ишимова Александра Осиповна

История России в рассказах для детей (Главы из книги)	138
Славяне	138
Начало Русского государства и первые государи русские	142
Начало Москвы	148

Козлов Иван Иванович

Вечерний звон	152
---------------------	-----

Крылов Иван Андреевич

Две бочки	153
Мышь и крыса	154

Лермонтов Михаил Юрьевич

Ашик-Кериб	155
Дары Терека (Отрывок)	165
Молитва	166
Нищий	166

Некрасов Николай Алексеевич

«В зимние сумерки нянины сказки...» (Отрывок из поэмы «Саша»)	168
Крестьянские дети	168
Накануне Светлого праздника	176
Тишина (Отрывок)	179

Никитин Иван Саввич

«В синем небе плывут над полями...»	181
Музыка леса	181
«Помню я: бывало, няня...»	183

Плещеев Алексей Николаевич

Дети и птичка	185
Детство	186

Полонский Яков Петрович

«Я помню, как детьми, с румяными щеками...»	189
---	-----

Пушкин Александр Сергеевич

Няне	190
Отрывки из романа «Евгений Онегин»	190
«Встаёт заря во мгле холодной...»	190
«Как часто в горестной разлуке...»	191
Туча	192

Суриков Иван Захарович

В ночном	193
----------------	-----

Толстой Лев Николаевич

Детство (Главы)	195
Детство	195
Игры	198
Ивины	201
Что ожидало нас в деревне	210

Тютчев Фёдор Иванович

«Ещё земли печален вид...»	214
«Как неожиданно и ярко...»	214

Фет (Шеншин) Афанасий Афанасьевич

Бабочка	216
«Уж верба вся пушистая...»	216
«Учись у них — у дуба, у берёзы...»	217

Чехов Антон Павлович

Мальчики	218
----------------	-----

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX —
НАЧАЛА XX ВЕКА

Бальмонт Константин Дмитриевич

Золотая рыбка	229
Росинка	230

Блок Александр Александрович

На лугу	231
---------------	-----

Брюсов Валерий Яковлевич

Детская	232
Опять сон	233

Бунин Иван Алексеевич

Матери	234
Родине	234

**Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан
Александрович**

«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»	236
--	-----

Гумилёв Николай Степанович

Детство	237
---------------	-----

Есенин Сергей Александрович

«Я покинул родимый дом...»	238
----------------------------------	-----

Игорь Северянин (Лотарев Игорь Васильевич)

В июле	239
Записка	240

Цветаева Марина Ивановна

«Бежит тропинка с бугорка...»	241
За книгами	242
«Красною кистью...» (Из цикла «Стихи о Москве»)	243

Саша Чёрный (Гликберг Александр Михайлович)

Зелёные стихи	244
---------------------	-----

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахматова (Горенко) Анна Андреевна	
Мужество	247
Берестов Валентин Дмитриевич	
Ель	248
Кто чему научится	248
Подсолнух	249
Голявкин Виктор Владимирович	
Никакой я горчицы не ел	250
Драгунская Ксения Викторовна	
Лекарство от послушности	255
Драгунский Виктор Юзефович	
Двадцать лет под кроватью	262
Что любит Мишка	268
Маяковский Владимир Владимирович	
Тучкины штучки	271
Мошковская Эмма Эфраимовна	
Я маму мою обидел	272
Песня	273
Паустовский Константин Георгиевич	
Великий Сказочник (В сокращении)	275
Заячьи лапы	278
Золотой линь	284
Сказки Пушкина	290
Яхнин Леонид Львович	
Метро	293
Сказка о великане	293
Что мы видим и чего не видим в метро?	294
День рождения московского метро	295
Метро будущего	295

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сказки народов мира

- Как мужик с паном пообедал. Белорусская сказка .. 299
Хромая Молли. Английская сказка (Обработка
Е. Чистяковой-Вэр) 300

Мифы Древней Греции (Н. Кун)

- Дедал и Икар 307
Орфей и Эвридика 310

Библейские сказания

- Жизнь первых людей в раю
(Пересказ М. Львовой) 316
Первый грех. Обещание Спасителя. Изгнание
из рая (Пересказ М. Львовой) 317

Ганс Христиан Андерсен

- Ромашка (Перевод А. Ганзен) 319
Русалочка (Перевод А. Ганзен) 324
Оле-Лукойе (Перевод А. Ганзен) 354

Эрих Распе

- Приключения барона Мюнхгаузена
(Отрывки; пересказ К. Чуковского) 370
Самый правдивый человек на земле 370
Конь на крыше 371
Сырный остров 372
Необыкновенный олень 375

Литературно-художественное издание
әдеби-көркемдік баспа

*Для младшего школьного возраста
мектеп жасындағы кіші балаларға арналған*

ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ И УЧЕНИКОВ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

ПОЛНАЯ ХРЕСТОМАТИЯ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
4 класс
(орыс тілінде)

Ответственный редактор *А. Жилинская*
Ведущий редактор *В. Ермолаева*
Художественный редактор *Е. Брынчик*
Технический редактор *Л. Зотова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Л. Фильцер*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған

Подписано в печать 06.06.2014. Произведено 21.07.2014.

Формат 60x90 ¹/₁₆. Гарнитура «Прагматика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,0.

Доп. тираж 7000 экз. Заказ 3986

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-63811-6

ЕАС

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями** обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении,** обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д.46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

